

Министерство образования и науки Республики Алтай

Бюджетное научное учреждение Республики Алтай

«Научно-исследовательский институт алтаистики

им. С. С. Суразакова»

Горно-Алтайский государственный университет

**«НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ АЛЕКСАНДРА
САЗОНОВИЧА СУРАЗАКОВА: ИСТОРИЯ.
АРХЕОЛОГИЯ. КУЛЬТУРА»**

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

(К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)

Сетевое электронное научное издание

Горно-Алтайск, 2023

ISBN 978-5-6049688-2-6

9 785604 968826

ISBN 978-5-6049688-2-6

© БНУ РА «НИИ алтаистики
им. С. С. Суразакова», 2023

© Коллектив авторов, 2023

УДК 394+398+351.852.15+902
ББК 63.3+63.4+63.5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Утверждено к печати Ученым советом БНУ РА
«Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова»

Редакционная коллегия
канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.),
канд. ист. наук Э. В. Енчинов (науч. ред.),
канд. ист. наук М. С. Каташев,
канд. филол. наук М. С. Дедина

Рецензент:
канд. ист. наук Э. П. Дворников

Научное наследие Александра Сазоновича Суразакова: История. Археология. Культура. Материалы научных чтений (к 75-летию со дня рождения ученого) / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова» / Редколлегия: Н. В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов, М. С. Каташев, М. С. Дедина. – Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2023. – 184 с.

ISBN 978-5-6049688-2-6

В данный сборник вошли материалы Научных чтений «Научное наследие Александра Сазоновича Суразакова: История. Археология. Культура» (г. Горно-Алтайск, 14 ноября 2023 г.), посвященных 75-летию со дня рождения известного алтайского археолога, историка, философа, кандидата исторических наук А. С. Суразакова, который внес значительный вклад в развитие науки Республики Алтай и сохранение культурно-исторического наследия региона.

Сборник адресован специалистам в области истории, археологии, этнографии и фольклора, а также для всех тех, кто интересуется историей и культурой Горного Алтая.

ISBN 978-5-6049688-2-6

© БНУ РА «НИИ алтаистики
им. С. С. Суразакова», 2023
© Коллектив авторов, 2023

Предисловие	4
Белеков И. И. Ученый. Патриот. Евразийец	6
Каташев М. С. Вклад А. С. Суразакова в гуманитарную науку Горного Алтая	8
Киреев С. М. Фонд А. С. Суразакова в Национальном музее РА им. А. В. Анохина ...	19
Енчинов Э. В. Категория познание в жизни и научной деятельности А. С. Суразакова	23
Дворников Э. П., Эбель А. В. Археологические материалы исследований в долине реки Юстыд и Ирбисту–1: сравнительный аспект	28
Дедина М. С. Литературное творчество Александра Суразакова	37
Аксенова Л. Н. Изучение истории родного края в работах А. С. Суразакова	46
Мукаева Л. Н. Из опыта работы АКИН под руководством А. С. Суразакова по изучению старообрядческого социума Усть-Коксинского района Республики Алтай	52
Шастина Т. П. «Республика Алтай. Краткая энциклопедия» как первый опыт системной презентации региона	62
Тарбанакова С. Н. Воспоминания об учёном Александре Сазоновиче Суразакове ...	70
Исхаков Д. М., Тычинских З. А. Сибирско-татарский эпос «Ак Кубэк» и его исторический контекст (к вопросу о восточных кыпчаках)	75
Кискидосова Т. А. Воспоминания современников об участнице Великой Отечественной войны Е. Ф. Перекрещенко	85
Трошкина И. Н. Этнобытовые традиции как основа семейных ценностей титульных этносов Южной Сибири в современный период	91
Чертыкова М. Д. Взгляд лингвиста на издание «Алтайский этнографический словарь»	102
Ямаева Е. Е. Скалы с чашечными углублениями: к постановке вопроса о реконструкции древнего мировоззрения (на материале памятника Кара-Суу Онгудайского района) ...	107
Абысова С. В. Отражение обычая избегания ‘ <i>кайындаганы</i> ’ в эпосе алтайцев	114
Аткунова Д. А. Современная женская одежда коренных малочисленных народов таёжного Алтая	119
Торушев Э. Г. Животноводство в системе жизнеобеспечения населения Республики Алтай	127
Анчина С. В. Объекты почитания культа гор в традиционных культурах алтайцев и корейцев	133
Ерленбаева С. А. Жанр эссе в современной алтайской литературе	147
Библиография трудов А. С. Суразакова (1976–2016 гг.)	153
Резолюция	170
Фотогалерея	172
Сведения об авторах статей	182

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник материалов Научных чтений «Научное наследие Александра Сазоновича Суразакова: История. Археология. Культура», посвященных 75-летию со дня рождения» включает статьи, воспоминания об известном ученом, историке, философе, первом профессиональном археологе Республики Алтай – Александре Сазоновиче Суразакове.

14 ноября 2023 г. в Научно-исследовательском институте алтаистики им. С. С. Суразакова состоялись научные чтения, посвященные 75-летию со дня рождения А. С. Суразакова. Настоящий сборник научных трудов является результатом плодотворной работы участников указанного научного мероприятия. В научных чтениях приняли участие сотрудники научных центров, работники музейных и библиотечных учреждений республик Алтай и Хакасия, Московской и Тюменской областей.

Организаторами научных чтений выступили Министерство образования и науки Республики Алтай, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова и Горно-Алтайский государственный университет.

На открытии научных чтений приняли участие специалист Министерства образования и науки Республики Алтай А. В. Фетисов, директор НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова Н. В. Екеев, член Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, председатель Комитета Республики Алтай по делам ЮНЕСКО, Советник Главы Республики Алтай по международным отношениям и алтайскому языку И. И. Белеков и и.о. ректора Горно-Алтайского государственного университета Н. В. Гусельникова.

В пленарной части научных чтений выступили с докладами канд. ист. наук, вед. науч. сотр. НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова М. С. Каташев, канд. ист. наук, доц. кафедры истории и археологии Горно-Алтайского государственного университета Э. П. Дворников, хранитель музейных предметов Национального музея РА им. А. В. Анохина С. М. Киреев, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова М. С. Дедина, канд. филол. наук, методист Национальной библиотеки имени М. В. Чевалкова Т. П. Шастина.

В работе научных чтений приняли участие близкие и родственники А. С. Суразакова.

В начале сборника представлены материалы научных чтений, посвященные изучению вклада А. С. Суразакова в науку Республики Алтай. Общий анализ научной деятельности ученого дается в статье М. С. Каташева, особое внимание обращается на узловые моменты в жизни исследователя (обучение в институте, аспирантура, наука, общественная деятельность). Эпизоды, связанные с активными археологическими изысканиями А. С. Суразакова, освещаются в совместном докладе Э. П. Дворникова и А. В. Эбеля. Исследователи отмечают талант и выдающуюся интуицию ученого, которые проявились при работе по установлению датировки

археологического материала. Музейному фонду А. С. Суразакова посвящена статья С. М. Киреева с подробным описанием материалов научных экспедиций, артефактов, полевого инвентаря исследователя, а также значительной базы фотодокументов касающихся его научной деятельности. Литературное творчество А. С. Суразакова рассматривает в своей работе М. С. Дедина. Она отмечает в произведениях Александра Сазоновича влияние русского космизма, осознание всеобщей взаимообусловленности, поиска места человека в макрокосмосе. Вклад ученого в сферу образования показан в статье Л. Н. Аксеновой. Автор подчеркивает, что в сложное время 90-х гг. XX в. А. С. Суразаков один из первых в регионе подготовил качественные учебно-методические материалы в помощь преподавателям истории Горного Алтая, не потерявшие своей актуальности и в настоящее время. Сборник содержит статьи, в которых раскрываются различные стороны профессиональной и творческой деятельности А. С. Суразакова: работа в Агентстве по культурно-историческому наследию Республики Алтай; издательско-просветительская деятельность (журналы «Кан-Алтай», «Евразийцы»); организация подготовки издания «Республика Алтай. Краткая энциклопедия» – первой и на сегодняшний день единственной сводной энциклопедией региона. Помимо анализа научного вклада ученого в ту или иную сферу, большинство докладов содержат личные воспоминания об А. С. Суразакове. Его близкие, коллеги и ученики выделяют такие отличительные человеческие качества ученого, как жизнелюбие, доброжелательность, бескорыстие.

В сборнике научных чтений также представлены статьи, посвященные истории, персоналиям, элементам материальной и духовной культуры народов Горного Алтая и соседних регионов, а также рецензия на издание НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова «Алтайский этнографический словарь» (2023).

Заключительная часть сборника состоит из свода библиографии трудов А. С. Суразакова (сохранено в авторской редакции ученого), изданных с 1976 по 2016 гг., и включает монографии, в том числе коллективные, статьи и доклады, опубликованные в научных сборниках и журналах, газетные публикации, учебно-методические материалы, пособия и работы, посвященные его биографии и трудовой деятельности. Также издание снабжено фотогалереей памяти А. С. Суразакова.

Редколлегия.

Белеков И. И.

Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Комитет Республики Алтай по делам ЮНЕСКО, Правительство Республики Алтай

УЧЕНЫЙ. ПАТРИОТ. ЕВРАЗИЕЦ

Аннотация. В статье обращается внимание на масштаб личности А. С. Суразакова, на его вклад в развитие духовности населения региона. Анализу придается мысли, идеи, философские размышления ученого.

Ключевые слова: Республика Алтай, история, культура, археология, ученый, писатель, Суразаков А. С.

Belekov I. I.

The Commission of the Russian Federation for UNESCO, the Committee of the Republic of Altai for UNESCO, the Government of the Republic of Altai

SCIENTIS. PATRIOT. EURASIAN

Abstract. The article draws attention to the scale of A. S. Surazakov's personality, his contribution to the development of spirituality of the region's population.

Key words: Altai Republic, history, culture, archeology, scientist, writer, A. S. Surazakov.

Предваряя цивилизационно-мировоззренческие и концептуально-критические размышления нашего современника Александра Сазоновича Суразакова, я счёл необходимым сказать об их авторе ряд справедливых, заслуженных, достойнейших слов. Начну с того, что всей своей жизнью он взрастил внутри себя духовное, философское, литературное древо Байтерек, которое сегодня возвышается на «интеллектуальном Олимпе» Алтая!

Александр Суразакову довелось пройти через суровый жизненный экзамен. Эпоха сформировала личность, наделённую глубинным умом и самобытным природным талантом. Учёный пропустил через сердце треволения времени. Его позиция – быть там, где фонтанируют идеи и суждения, осмысливаются краеугольные проблемы, рождается животворящая мысль. Свидетельство тому – уже изначальные строки авторских размышлений под вполне символическим названием «Духовный магнетизм»: «У человека есть тело, отчего он является существом телесно осязающим. У человека есть ум, отчего он является существом мыслящим. У человека есть дух, отчего он является еще и существом духовно ощущающим...».

Жизненный путь А. С. Суразакова – видного учёного и глубокого патриота – тесно вплетён в историю и современность Алтая. Справедлива вековая мудрость народа, которая гласит – «яблоко от яблони недалеко падает». И это – воистину так! Его великий отец вошёл в анналы истории как уникальная, феноменальная личность, всемирно известный фольклорист. На волне пассионарного взрыва, родившего целую плеяду выдающихся учёных, писателей и поэтов, воплотивших в себе традиции алтайского эпоса, русской и мировой литературы, Сазон Саймович Суразаков собрал и бережно сохранил богатейшее эпическое наследие, которое, благодаря ему, стало цивилизационным достоянием человечества. А сына, по моему глубокому убеждению, Высшие Силы явили в этот подлунный мир, чтобы дать всему этому философско-культурологическое осмысление. Вот она – вековая связь поколений, то самое, духовно-генетическое единение понятия «отцы и дети»!

Правомерно сказано Александром Суразаковым, что духовность народа во многом соизмеряют именно через призму эпоса. Сегодня, в эти бурные времена глобализации, недоверия, недопонимания и даже разлада между некоторыми народами, как никогда нам нужно то, что нас объединяет и сплачивает на основе общих корней истории и народных традиций. И важнейшее здесь – эпическое наследие.

Культурное наследие каждой нации – бесценное достояние мировой цивилизации. И алтайский народ сегодня, являясь неразрывной частью большого Русского мира, в том числе и благодаря таким учёным как А. С. Суразаков, не потерял свой самобытный голос. Мне всегда бесконечно интересны и крайне полезны чаяния, думы и размышления о процессе этнического формирования. Нам, на Алтае, необходима сегодня, говоря словами философа А. С. Суразакова, «продуманная концепция государственной политики на предмет гармонизации этнических связей, в системе которых единство не должно подавлять специфику различий, но и специфика различий не должна разрушать единство алтайского этноса». Согласимся, разве не краеугольна эта мысль для Алтая и всех нас, алтайцев современности, в частности?!

В мою бытность председателем Государственного Собрания – Эл Курултай РА все вопросы научного обоснования, прямо скажу, брал на свои плечи Александр Суразаков, за что ему очень благодарен. В первую очередь, это были фундаментально подготовленные международные конференции: «Алтай в цивилизационном пространстве Евразии», «От кочевой государственности – к Республике», «Единство природного и культурного разнообразия – основа устойчивого развития Алтайской горной системы» (Париж, 2005 г.), и те форумы, которые мы назвали ещё и выше. Они в полной мере сработали на авторитет Республики и благо народа Алтая.

В его творческом багаже – сотни работ, которые подразделяются на философские, научные, научно-популярные, учебно-методические, публицистические,

художественные. Свою личную индивидуальность А. С. Суразаков проявил в полной мере! Лучшие его человеческие качества: внешняя простота и доступность. Это открытый, задорный, бодрый, неунывающий, увлечённый, жизнерадостный, жизнеутверждающий тип личности. За всем этим, однако, стоит фундаментальный, обстоятельный, стержневой человек, наполненный многими чертами народного характера. Человек поэтической души и бесспорного литературного дарования. Я убеждён, что в Александре Сазоновиче Суразакове словно отразилось духовное состояние самого Алтая: его глубинность и бездонность.

В одном из своих философских размышлений о будущем Алтая он сказал: «...образно говоря, В. И. Вернадский и Л. Н. Гумилев расковали исследовательские мозги, ранее зажатые в рамках устоявшихся традиционных концепций. И мыслительный процесс начал развиваться в неординарном направлении, очерчивая контуры будущей ноосферной цивилизации. В отличие от той, что постепенно уходит с исторической арены, в ней просматриваются духовные основы, которые должны заместить собой нынешние потребительские приоритеты».

Как и его великий отец, Суразаков-младший – достойнейший сын своего Отечества. Сокровенные, неизменные думы учёного, патриота и евразийца – о колыбельной роли земли Алтая, её людях, о будущности нашей родной Отчизны России-Евразии.

В последнее время мы становимся свидетелями того, как по той же гумилёвской теории пассионарности, алтайский народ накапливает новые потенциальные возможности своей духовной энергетики, которая, вне сомнения, проявится в рождении в нашем народе новых знаковых, культовых личностей. Таких, как носители подлинного интеллектуального «гумуса» нации – Сазон и Александр Суразаковы!

© И. И. Белеков, 2023

УДК 93/94

Катасhev М. С.

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова

ВКЛАД А.С. СУРАЗАКОВА В ГУМАНИТАРНУЮ НАУКУ ГОРНОГО АЛТАЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению научного наследия известного алтайского ученого-археолога А. С. Суразакова. Показаны его вклад в археологическую науку, научно-организационная и издательская деятельность ученого.

Ключевые слова: археологическая наука, полевые исследования, погребальные памятники, реконструкция древнего мировоззрения.

Katashev M. S.

Scientific Research Institute of the Altaistics named after S. S. Surazakov

CONTRIBUTION OF A.S. SURAZAKOV TO THE HUMANITIES OF GORNY ALTAI

Abstract. The article is devoted to the consideration of the scientific heritage of the famous Altai archaeologist A. S. Surazakovs. His contribution to archaeological science, scientific, organizational and publishing activities of the scientist are shown.

Key words: archaeological science, field research, funerary monuments, reconstruction of the ancient worldview.

10 декабря 2023 года исполняется 75 лет со дня рождения А. С. Суразакова. Александр Сазонович Суразаков – первый в Горном Алтае профессиональный археолог, первый заведующий сектором археологии Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ, ныне – НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова), организатор археологической науки в регионе. Он внес значительный вклад в дело сохранения памятников историко-культурного наследия Горного Алтая, являлся первым директором Агентства по историко-культурному наследию Республики Алтай.

Александр Сазонович Суразаков родился 10 декабря 1948 г. в г. Новокаширске Московской области в семье выпускников Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Его отец – уроженец села Сайдыс Майминского района Ойротской (Горно-Алтайской) автономной области Сазон Саймович Суразаков, впоследствии – выдающийся алтайский ученый-филолог, литературовед и фольклорист, писатель, первый в Горном Алтае исследователь, получивший ученое звание доктора наук. Мать – Ольга Капитоновна – географ, уроженка села Тайдаково Тульской области, неподалеку от старого русского города Тарусы.

В 1950 г. семья переехала на постоянное место жительства в г. Горно-Алтайск. В 1973 г. окончил отделение истории историко-филологического факультета Горно-Алтайского пединститута. В 1973–1974 гг. работал учителем и методистом Горно-Алтайской областной заочной средней школы.

В 1974 г. А. С. Суразаков приходит на работу в сектор истории ГАНИИИЯЛа на должность младшего научного сотрудника. Он был принят на работу на ставку археолога по рекомендации старого друга его отца, директора института П. Е. Тадыева. К этому времени на территории Горного Алтая осуществляли археологические раскопки ведущие академические учреждения и вузы Сибири: Института археологии АН СССР, ОИИФ СО АН СССР, Кемеровского пединститута (с 1974 г. университета), АГУ, ТГУ [5, с. 59]. К этому времени в Горном Алтае приступили к

проведению самостоятельных экспедиционных работ недавно вступившие на путь профессиональной науки известные в будущем археологи: археологи ассистент кафедры этнографии и антропологии Ленинградского государственного университета Д. Г. Савинов, сотрудники ОИИФ СО РАН старший лаборант В. Д. Кубарев, младшие научные сотрудники В. И. Молодин и В. А. Могильников, кандидат исторических наук, который к этому времени уже был сложившимся исследователем с многолетним стажем работы. Забегая вперед скажем, что к концу 1980-х гг. перечисленные ученые получили известность в научном мире как выдающиеся ученые-археологи общесоюзного и мирового уровня. Все они посвятили свою профессиональную и творческую жизнь изучению древней истории Горного Алтая, и на этой общей почве стали коллегами, товарищами и друзьями А. С. Суразакова.

Из-за отсутствия в Горно-Алтайской автономной области кадров специалистов-археологов ни Горно-Алтайский пединститут, ни ГАНИИИЯЛ не имели возможности принимать участие в археологических раскопках, проводимых на территории Горного Алтая ведущими научными учреждениями страны. Перед гуманитарной наукой Горного Алтая стояла проблема подготовки собственных кадров для изучения археологических памятников Горного Алтая.

После устройства на работу А. С. Суразаков в этом же 1974 году поступает в очную аспирантуру Института археологии Академии наук СССР. Научным руководителем А. С. Суразакова стал К. Ф. Смирнов – ведущий специалист в области скифо-сарматской археологии. Александру Сазоновичу посчастливилось общаться во время учебы в аспирантуре с лучшими представителями отечественной археологической науки. Московская археологическая научная школа, в которой А. С. Суразаков принял традиции академической науки, уходила истоками через связь поколений научных руководителей и их учеников в дореволюционную университетскую науку. Во время учебы в аспирантуре А. С. Суразаков выезжал в археологические экспедиции в Ставропольский край, где исследовал археологические культуры западной части скифского мира. Участие в полевой археологической практике под руководством ведущих ученых также способствовало формированию фундаментальных научных знаний и становлению его как исследователя-полевого.

После окончания аспирантуры в 1977 г. А. С. Суразаков поступает на работу в ГАНИИИЯЛ в сектор истории по приглашению директора института П. Е. Тадьева. Как очень точно отметил один из учеников А. С. Суразакова, горно-алтайский археолог С. М. Киреев: «Горно-Алтайская археология, можно сказать, ждала своего героя, основоположника нового этапа, и А. С. Суразаков воскресил местную археологию, основал собственное направление и настоящую, пусть пока и небольшую, школу археологов» [2, с. 104]. В дальнейшем Александр Сазонович связал свою научную творческую жизнь с институтом – ему ученый отдал 35 лет трудового стажа, до своего выхода на заслуженный отдых.

С приходом А. С. Суразакова ГАНИИИЯЛ начал работу в составе экспедиций Института археологии АН СССР. Исследования памятников проводились А. С. Суразаковым с доктором исторических наук, сотрудником Института археологии АН СССР В. А. Могильниковым [3, с. 102], который в значительной степени повлиял на становление Александра Сазоновича как ученого-археолога. Однако перед ГАНИИИЯЛом стояла проблема расширения исследований археологических памятников Горного Алтая за счет собственных сил. В 1978 г. в институте археологические экспедиционные работы перешли на постоянную основу.

В 1980-е гг. А. С. Суразаков активно вел собирательскую работу, проводя значительную часть времени в археологических экспедициях. Полевой сезон составлял 1,5 – 2 месяца и более. На протяжении четверти века А. С. Суразаков осуществлял исследования разновременных археологических памятников в Майминском, Кош-Агачском, Онгудайском, Усть-Канском, Чемальском и других районах Горно-Алтайской автономной области. Со своими соратниками и младшими коллегами, сотрудниками сектора археологии ГАНИИИЯЛа и Горно-Алтайского областного музея В. А. Кочеевым, С. М. Киреевым, О. В. Ларинным, С. А. Тадыкиным. Под руководством А. С. Суразакова велись раскопки погребальных и поминальных объектов эпохи бронзы, раннего железа и раннего средневековья на памятниках: Сары-Кобы, Ирбисту–II, Каракол, Кызык-Телань–I–II, Айрыдаш–I, Курота–II, Кор-Кобы–I, Урмулык, Кош-Тал, Котыр-Тас, Кызыл, Беш-Озек, Чоба–7, Ябоган–I–II и др., а также изучались святилища (Большой Яломан– III), оросительные системы (Чолушман), поселения (Майма–I). Работы на многих памятниках Алтая (Кызыл-Джар, Боротал–II–III, Бош-Туу, Сальдяр–II, Мухор-Тархата–I, Большой Яломан–I–III, Алагаил и др.) осуществлялись А.С. Суразаковым совместно с доктором исторических наук, сотрудником Института археологии АН СССР В. А. Могильниковым [3, с. 102].

В результате полевой собирательской работы были детально изучены погребальный и поминальный объекты, а также святилища эпох бронзы, раннего железного века и раннего средневековья. В итоге ученым был получен массовый материал, позволивший по-новому осветить один раннескифский период древней истории Горного Алтая [11, с. 38].

Наиболее значимые материалы были получены при полевых исследованиях, которые в течение почти десяти лет велись под руководством Александра Сазоновича при раскопках крупных погребально-поминальных комплексов Горного Алтая в урочищах Айрыдаш и Кызык-Телань южнее с. Кунос Чемальского района. Уникальность памятников заключалась в том, что они относились к целому ряду археологических культур и давали возможность составить представление о погребальной обрядности в разные эпохи древней истории Горного Алтая.

Так, только один памятник Кызык-Телань-I насчитывает около 120 археологических объектов различного времени, обнаруженных в пределах одного могильного поля [10, с. 4].

В распоряжении исследователя оказались вещественные источники индивидуальных захоронений и общинных кладбищ афанасьевской, раннескифской, гунно-сарматской, раннетюркской эпох. Большие возможности для анализа и сопоставления материалов усилил интерес Александра Сазоновича к проблеме реконструкции мировоззренческих систем населения Горного Алтая.

Спектр научных интересов А. С. Суразакова расширился, исследователь выдвигал интересные идеи о необходимости применения комплексного междисциплинарного подхода в гуманитарных исследованиях. Ученый выдвинул ряд оригинальных трактовок мотивов изобразительного искусства пазырыкцев, привлекая в своих исследованиях археологический, фольклорный и этнографический материал алтайского и других народов [11, с. 39].

В своей статье, изданной в 1984 году, А. С. Суразаков поставил проблему необходимости изучения археологических памятников в фольклористике, что в то время было смелой оригинальной идеей: «Значение изучения археологических памятников для фольклористики заключается в том, что дает возможность определить нижние хронологические границы возникновения и бытования основных фольклорных мотивов в древности не только в стадильном смысле, но и в более или менее абсолютных датах» [4, с. 148]. В то же время «привлечение фольклора в археологических исследованиях дает возможности для изучения семантики наиболее распространенных образов древнего искусства» [4, с. 147]. На примере анализа изображений конного воина в памятниках пазырыкской, раннескифской и древнетюркской эпохи с привлечением материалов алтайского героического эпоса автор установил общие параллели в отображении сюжетов, связанных с конными воинами – богатырями (батырами) в устном народном творчестве и в древнем изобразительном искусстве, сохранившемся в археологических находках.

Итоги многолетних исследований были реализованы А. С. Суразаковым в своей диссертации «Горный Алтай и его северные предгорья в конце VI-начале II вв. до н.э.», которую он защитил в 1985 году. На материалах диссертации и своих более поздних полевых исследований ученый опубликовал в 1989 г. монографию «Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения» [6].

В монографии А. С. Суразаков детально проанализировал памятники пазырыкской культуры в Горном Алтае, скрупулезно классифицировал памятники археологии Горного Алтая скифской эпохи конца VI – начала II вв. до н., осуществил их периодизацию. Ученый привел подробные описания раскопанных курганов, выкладок, святилища и оградки которых датируются разными периодами. На основе анализа погребального обряда и обнаруженных находок автор показал место каждого объекта в современной культурно-хронологической концепции изучения древней и средневековой истории Алтая.

Автор подробно рассмотрел погребальную обрядность – самый консервативный, устойчивый элемент традиционной культуры любого этноса. Погребальная обрядность в наименьшей степени подвержена влиянию политических, социаль-

но-экономических, культурных факторов. Как исследователя-теоретика, Александра Сазоновича интересовал в научном плане именно комплекс погребальной обрядности в качестве важнейшего маркера этнической и культурной идентичности древнего населения, его хозяйственного уклада и сакральных представлений.

В своей книге он на основе результатов многолетних полевых работ в разных районах Горного Алтая подтвердил вывод о существовании в скифское время единой этнической общности, которая занимала территорию севера Восточного Казахстана, Горного Алтая, северо-западной Монголии, Тувы. Рассматривая памятники культового назначения в Горном Алтае и в Туве, А. С. Суразаков делает вывод об их схожести, которую он объяснил общей этнической базой, «длительным совместным проживанием на смежных территориях, сходным хозяйственно-культурным типом, который сложился в той же экологической нише, где проживали скотоводческие племена горных и предгорных областей» [6, с. 135–137]. В заключении ученый сформулировал современные задачи археологии Горного Алтая, а именно – необходимость реконструкции социально-экономических и идеологических систем древнего индоевропейского населения на основе многочисленных памятников раннего железного века [6, с. 135–136]. Монография А. С. Суразакова стала первым обобщающим трудом по скифскому периоду, вышедшая после длительного перерыва после выхода трудов С. И. Руденко, первооткрывателя курганов Пазырыка [3, с. 103].

Многолетняя экспедиционная работа в 1980-е годы приносила свои результаты. Обширный материал открывал перспективы для восстановления картины мировоззренческих систем скифского населения пазырыкской эпохи. Эта тема, которая всегда интересовала Александра Сазоновича, стала еще ближе. Серьезный теоретический багаж и эрудированность ученого, накопленный практический опыт стали научной основой для выработки собственных идей. В своих статьях, написанных в это время, он излагает свои взгляды на принципы и изучения мировоззрения, подходы, перспективные направления

На основе широкого материала погребальных памятников – курганов, Александр Сазонович реконструировал социальную стратификацию древнего населения пазырыкской эпохи, выделил группы захоронений по социальному статусу умерших, охарактеризовал захоронения как семейные кладбища.

Насыщенный археологический материал, полученный в ходе многолетних экспедиционных работ, давал основу для анализа на предмет выявления знаковой символики соорудивших памятников племен, расшифровки смысловой нагрузки отдельных образов и композиций для реконструкции мировоззренческих систем древнего населения.

Многолетняя работа с археологическими источниками исследований подвела и к соображениям методико-теоретического уровня. В своих статьях Александр Сазонович обращал внимание коллег на недопустимость субъективизма при реконструкции погребального обряда. Призывал к комплексному изучению погреб-

бальных памятников, включая второстепенные элементы, которые могут показаться лишними исследователю [7, с. 50].

В 1987 году Александр Сазонович Суразаков, подводя итоги своей археологической деятельности, сформулировал основные проблемы изучения археологических памятников в Горном Алтае. Было подчеркнуто, что несмотря на широкий материал, собранный в течение многих лет, его все равно оставалось недостаточно для реконструкции мировоззрения древних обществ. Во-первых, исторические периоды были изучены неравномерно. По гуннскому времени и по эпохе бронзы их оставалось очень мало. Во-вторых, по тем периодам, по которым их накоплено больше всего, их хватало лишь для наиболее общего ознакомления с материальной и духовной культурой жившего здесь некогда населения. Для более или менее детальной реконструкции далекого прошлого региона требовались обширные дополнительные археологические данные. Недостаток археологических источников ученый предлагал восполнить комплексным применением имеющихся археологических источников с фольклорными и этнографическими [5, с. 59–60].

Ученый выдвигал ряд оригинальных трактовок мотивов изобразительного искусства пазырыкцев, привлекая в своих исследованиях археологический, фольклорный и этнографический материал.

Результаты своих исследований ученый расширил в разносторонне обобщающих главах I-го тома «Истории Республики Алтай», изданном в 2002 г., посвященном истории региона начиная с древности и до вхождения в состав России в середине 50-х годов XVIII в. [1]. В этом коллективном издании Института алтаистики им. С. С. Суразакова были обобщены итоги многолетней работы историков, этнографов и археологов института. В подготовке монографии участвовали известные советские и российские ученые с мировыми именами: археологи академик А. П. Деревянко, доктора исторических наук Ю. Ф. Кирюшин, В. И. Молодин, Ю. С. Худяков, доктор географических наук А. М. Малолетко, историк-востоковед доктор исторических наук В. А. Моисеев, и др. А. С. Суразаков являлся научным руководителем и ответственным редактором монографии. Им написаны главы по скифскому, гунно-сарматскому и тюркскому периодам истории Горного Алтая. Ученый показал хозяйственный уклад и сакральные представления кочевников Горного Алтая в разные эпохи от раннескифского времени до тюркской эпохи, представил этногенетическую связь и культурную преемственность элементов материальной и духовной культуры древних обществ.

Исследовательский талант и богатый опыт ученого-полевика снискали Александру Сазоновичу Суразакову заслуженное признание в среде профессионального археологического сообщества Сибири. Другим важным качеством Александра Сазоновича были его способности организатора науки. Благодаря своей энергии он воплотил в жизнь значимые для республики общественные проекты.

В 1986 г. А. С. Суразаков организовал и возглавил созданный в ГАНИИИ-ЯЛе сектор археологии, который был укомплектован новыми сотрудниками. Первоначально сектор состоял из А. С. Суразакова и заведующего фотолaborаторией

института Л. М. Чевалкова позже уехавшего на учебу в очную аспирантуру в Институт археологии Сибирского отделения Академии наук. Вскоре в сектор пришли из областного музея О. В. Ларин, В. А. Кочеев, С. А. Тадыкин. На долгие годы они стали членами команды А. С. Суразакова, соратниками, друзьями, непременными участниками всех его экспедиций. По воспоминаниям В. А. Кочеева – его, в 1974 году – студента-первокурсника, подвиг к изучению археологией А. С. Суразаков, на тот момент стажер Института археологии СО АН СССР. Вместе они объездили многие районы Горного Алтая. Везде, где археологи ГАНИИИЯЛа работали на раскопках курганов, местные жители, уважительно называли сотрудников сектора «богатырями Суразакова» («Суразаковтын батырлары»). Такое «народное признание» объясняется, безусловно, наблюдательностью местных колхозников. Они видели нелегкие условия быта, кропотливый ежедневный труд полевиков-археологов, их высокий профессиональный уровень, доступность в общении и готовность поделиться с сельчанами своими знаниями. Все это вызывало почтительное отношение и живой интерес со стороны местных жителей к сотрудникам ГАНИИИЯЛа.

Полученные во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. под руководством А. С. Суразакова археологические материалы эпох энеолита и раннего железа, а также древнетюркского времени, значительно расширили научные знания о хозяйстве, культуре, этническом составе населения Горного Алтая указанных эпох. В центре научных интересов Александра Сазоновича оставались хозяйство, социальная структура, мировоззрение тюркских племенных групп Горного Алтая и сопредельных территорий в период раннего средневековья.

С образованием в 1991 году Республики Алтай А. С. Суразаков включается в работу по сохранению и популяризации историко-культурного наследия региона. Эта деятельность открыла еще одну сторону его организаторских способностей. В 1992 г. А. С. Суразаков становится первым директором созданного по его инициативе Агентства культурно-исторического наследия (АКИН) при Комитете культуры Республики Алтай. Под руководством А. С. Суразакова был разработан принятый 29 июня 1994 г. Закон Республики Алтай «Об историко-культурном наследии народов Республики Алтай», который регулировал работу по учету, сохранению и популяризации памятников культурного и исторического наследия на территории Республики Алтай. После ухода с должности директора АКИНа в 1996 г., Александр Сазонович долгое время работал научным консультантом АКИНа и Министерства культуры Республики Алтай. В этой должности он продолжал работу над разработкой проектов и программ, значимых для сохранения и изучения историко-культурного наследия республики. В 2000–2002 гг. А. С. Суразаков параллельно работал ведущим научным сотрудником Центра науки и технологий при Правительстве Республики Алтай, созданного в целях формирования и осуществления на территории Республике Алтай региональной государственной политики в сфере науки, создания условий для финансирования научно-исследовательских проектов, поддержки высококвалифицированных научных кадров и т.д. [3, с. 102].

Интересы Александра Сазоновича как профессионального археолога постоянно развивались, со временем они смещаются в сторону изучения мировоззрения и менталитета населения Горного Алтая. В 2001 г. он создал в Институте алтаистики им. С. С. Суразакова сектор философии и культурологи и возглавлял его до 2005 года.

Кроме того, Александр Сазонович как авторитетный ученый, привлекался к участию в написании учебной литературы по истории Горного Алтая. Ученый опубликовал ряд специальных изданий, значимых для преподавателей и учащихся школ и средних специальных учебных заведений.

Помимо основной научной деятельности по написанию научных трудов, А. С. Суразаков вел большую работу по составительству и изданию научно-популярных книг. К числу наиболее значимых результатов его целенаправленных усилий в этом направлении является выход в свет в 2010 г. коллективного труда «Республика Алтай. Краткая энциклопедия». Публикация такого крупного издания, представленного широким авторским коллективом, требовала большой подготовительной научно-организационной работы. Книга стала первым энциклопедическим изданием, посвященным непосредственно Горному Алтаю. С момента своего выхода в печать она получила широкий отклик общественности. Данное издание приобрело большую практическую и общественную значимость, и представляет конкретный пример практического использования достижений науки.

А. С. Суразаков часто обращался к теме популяризации историко-культурного наследия Горного Алтая. Он является автором многочисленных публицистических статей. В доступном для читателя живом стиле, Александр Сазонович рассказывал на страницах газеты «Звезда Алтая» об истории и культуре народов, проживавших в древности на территории Горного Алтая, описывал наиболее интересные находки своих полевых изысканий. Помимо вопросов, касающихся истории и культуры древних кочевых народов Южной Сибири, ученый на страницах областных газет нередко высказывался о современных проблемах и перспективах развития Горного Алтая. А. С. Суразаков опубликовал лично и соавторстве более 300 научных, научно-популярных, учебных, публицистических работ.

В начале 1990-х гг. Александр Сазонович начинает заниматься издательской деятельностью. В 1993 г. он инициировал создание некоммерческого журнала «Кан-Алтай», и как соредактор совместно с З. С. Казагачевой определял тематику и концепцию издания. В 1990-е годы журнал был заметным культурным явлением в общественной жизни республики. В условиях социально-экономического кризиса А. С. Суразаков сумел решить проблему финансирования нового издания. Журнал издавался не часто, но регулярно, за счет средств Общественного фонда С. С. Суразакова, небольших взносов юридических и физических лиц и задумывался как «клубный» журнал, который мог бы объединить на своих страницах широкий круг единомышленников, занятых научным изучением истории и культуры Горного Алтая.

Авторами являлись представители горно-алтайской интеллигенции, преимущественно гуманитарии и представители общественных наук: историки, археологи, этнографы, филологи, искусствоведы, экономисты. Период 1990-х годов запомнился безденежьем, постоянными задержками и невыплатами зарплаты. Но одновременно это было время открывшихся возможностей, которые, однако, не все сумели реализовать. Александр Сазонович много сил тратил на свое детище, «Кан-Алтай» издавался не часто, но регулярно, вплоть до начала 2000-х гг. На страницах издания публиковались разнообразные материалы, посвященные истории и культуре Горного Алтая: тематические вступительные статьи к каждому номеру в авторстве самого А. С. Суразакова; научно-исследовательские работы небольшого объема; краеведческие материалы об известных личностях Горного Алтая; архивные разыскания; материалы экспедиций; дневники и воспоминания известных ученых и т.д. Отдельное место отводилось публикациям выдающихся российских ученых, профессиональная творческая жизнь которых была связана с Горным Алтаем, в их числе были: доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН фольклорист А. Б. Соктоев, доктора исторических наук, профессора: этнограф Л. П. Потапов археолог-востоковед Л. Р. Кызласов, археолог В. И. Молодин и другие видные ученые.

Роль и значение журнала «Кан-Алтай» в общественной жизни республики и вклад А. С. Суразакова и З. С. Казагачевой в развитие журнала точно охарактеризовала кандидат филологических наук, доцент Горно-Алтайского госуниверситета Т. П. Шастина спустя три года после начала издания журнала: «Бессменные редакторы десяти выпусков «Кан-Алтая» взвалили на себя добровольно такую ношу, так высоко подняли интеллектуальную планку издания, что можно по доброму позавидовать их увлеченности, их открытости людям, энциклопедичности их знания духовной культуры алтайцев в прошлом и настоящем» [12, с. 2].

В 2000-е гг. А. С. Суразаков выпускал другое некоммерческое издание – журнал «Евразийцы», в котором публиковались статьи по философии и культурологии, но оно уже не повторило популярности журнала «Кан-Алтай».

Кроме того, Александр Сазонович занимался литературным творчеством, писал стихи и эссе.

Весь спектр творческих интересов А. С. Суразакова характеризует многогранную личность этого человека. Нам же, его современникам Александр Сазонович Суразаков запомнится как ученый-гуманитарий и профессионал, который внес огромный вклад в дело изучения истории и культуры нашего региона. Он был эрудированным человеком и многогранной творческой личностью. Но в первую очередь, он оставался предан своему малому отечеству – Горному Алтаю, таким он и останется в нашей памяти.

Источники, литература

1. История Республики Алтай / редколл.: академик РАН А. П. Деревянко (гл. ред.), академик РАН В. И. Молодин, канд. филол. н. Т. М. Садалова, канд.

ист. н. А. С. Суразаков (отв. ред.), канд. ист. н. Л. М. Чевалков. – Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2002. – 360 с.

2. Киреев С. М. Ньюансы его бытия. Вспоминая Александра Суразакова // Древности Сибири и Центральной Азии. – № 9 (21). – С. 104–108.

3. Соенов В. И. Суразаков Александр Сазонович // Древности Сибири и Центральной Азии. – № 9 (21). – С. 101–103.

4. Суразаков А. С. Археологические работы ГАНИИЯЛ // Гуманитарные исследования в Горном Алтае (сборник статей) / отв. ред. Н.В. Екеев. – Горно-Алтайск, 1987: Горно-Алт. тип. – С. 56–84.

5. Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения / Отв. ред. канд. ист. наук Н. Л. Членова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд.-ие Алтайского книжн. изд.-ва, 1988. – С. 135–136.

6. Суразаков А. С. О реконструкции мировоззренческих систем древнего населения Алтая // Горный Алтай и Россия: 240 лет. Тезисы о науч.-практ. конф. «240 лет добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и современность» / Редколл.: Н. В. Белоусова (отв. ред.), к.и.н., Я. А. Пустогачев, к.и.н., В. А. Кочеев. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 1996. – С. 7–10.

7. Суразаков А. С. О реконструкции особенностей развития древних обществ через погребальный обряд // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: Тез. докл. / под ред. Л. А. Чиндиной. – Томск: Изд.-во Томского ун.-та, 1990. – С. 50–51.

8. Суразаков А. С. Образ фольклорного богатыря в древнем искусстве Горного Алтая // Национальное наследие и современность (сборник статей по алтайскому фольклору и литературе). – Горно-Алтайск: [б.и.], 1984. – С. 147–158.

9. Суразаков А. С., Тишкин А. А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. – Барнаул: Азбука, 2007. – 232 с.

10. Суразаков А. С. Древность и средневековье в исследованиях ГАНИИЯЛ // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий (мат.-л конф. посв. 40-летию ГАНИИЯЛ) / ред. Я. А. Пустогачев, А. С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 1993. – С. 14–18.

11. Чевалков Л. М. История развития археологической науки в Горном Алтае и Институте алтаистики им. С. С. Суразакова // Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова / Сост. Н. В. Белоусова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2010. – С. 35–41.

12. Шастина Т. П. Традиции российской академической журналистики и альманах «Кан-Алтай» // Кан-Алтай. – № 3 (1). – 1996. – С. 2–5.

© М. С. Каташев, 2023

УДК 351.852.15

Киреев С. М.

Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД А.С. СУРАЗАКОВА В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ ИМ. А.В. АНОХИНА

Аннотация. Публикация посвящена вкладу археолога, кандидата исторических наук А. С. Суразакова из г. Горно-Алтайска в формирование фонда археологических источников Национального музея им. А. В. Анохина. Все материалы, полученные ученым в ходе его многолетних раскопок в Республике Алтай, были переданы в местный музей и составили самую большую группу индивидуальных коллекций музея, не только археологических, но в целом персональных поступлений. Общее количество предметов фонда А. С. Суразакова превышает 2,3 тыс. единиц хранения. Многие из них экспонируются в залах, посвященных всем культурно-хронологическим периодам древней и средневековой истории Горного Алтая. А. С. Суразаков также широко известен как организатор и популяризатор охраны и пропаганды культурно-исторического наследия региона.

Ключевые слова: Горный Алтай, археология, А. С. Суразаков, Национальный музей им. А. В. Анохина, музейное дело, археологические коллекции, экспозиция археологии.

Kireev S. M.

National Museum of the Altai Republic named after A. V. Anokhin

ARCHAEOLOGICAL COLLECTION BY A. S. SURAZAKOV IN THE HOLDINGS OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE ALTAI REPUBLIC NAMED AFTER A. V. ANOKHIN

Abstract. The publication describes the contribution to archaeological sources of the National Museum of the Altai Republic made by the archaeologist, Ph.D. in History A. S. Surazakov from the city of Gorno-Altai. All items found by the scientist during his long-term excavations in the Altai Republic were donated to the local museum and made up the largest group of individual collections of the museum. It is the largest personal donation which includes not only archaeological objects. In total Surazakov's collection accounts for 2,3 thousand depository items. Many of them are exhibited in the halls showing cultural and chronological periods of the ancient and medieval history of Gorny Altai. Alexander S. Surazakov is also widely known as an organizer and popularizer of the protection and promotion of the cultural and historical heritage in the region.

Key words: Gorny Altai, archeology, A. S. Surazakov, National Museum of the Altai Republic named after A. V. Anokhin, museum studies, archaeological collections, archeology exposition.

Национальному музею Республики Алтай имени А.В. Анохина (НМА) в 2023 году исполнилось 105 лет со дня образования. В следующем году музей отмечает 155-летие со дня рождения Андрея Викторовича Анохина, его основателя, музыканта, композитора, крупного ученого-этнографа, исследователя алтайской музыкальной культуры и шаманизма. Музей обладает большими ценными коллекциями и экспонатами. Среди многочисленных и разнообразных по составу и хронологии экспонатов археологические коллекции, несомненно, занимают ведущее место, как по их количеству, так и по научной и экспозиционной значимости. Археологические коллекции занимают особое место в фондах НМА (18812 единиц хранения на 1 января 2023 г.). Процесс их формирования с большей или меньшей интенсивностью продолжался на всех этапах существования музея и осуществлялся экспедициями как самого музея, так и научных учреждений АН СССР, РФ, в том числе при участии сотрудников музея, а также в результате случайных находок и отдельных поступлений от частных лиц и организаций. В музее хранятся коллекции таких археологов как А. В. Якубского, С. М. Сергеева, Г. П. Сергеева, С. И. Руденко, А. А. Гаврилова, С. С. Сорокина, Д. Г. Савинова, В. А. Могильникова, А. П. Окладникова, В. Д. Кубарева, Н. В. Полосьмак, М. Т. Абдулганеева и др. Большое количество разновременных материалов переданы сотрудниками музея и Горно-Алтайского государственного университета В. А. Кочевым, С. М. Киреевым, О. В. Лариным, В. И. Соеновым, А. В. Эбелем. Среди них коллекции А. С. Суразакова занимают значительное место как в количественном плане, так и в хронологическом и территориальном разнообразии.

В 1973 г. А. С. Суразаков закончил исторический факультет Горно-Алтайского государственного педагогического института. В 1973–1974 гг. он работал учителем и методистом Горно-Алтайской областной заочной средней школы. В 1974 г. молодой исследователь поступил в аспирантуру Института археологии АН СССР (г. Москва). Научный руководитель – знаменитый советский исследователь культуры сарматов и савроматов К. Ф. Смирнов, в экспедициях которого начинающий исследователь получил неоценимый практический опыт работы с различными памятниками [2, с. 102]. Первую стажировку А. С. Суразаков проходил у сотрудника Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (ныне – Институт археологии и этнографии СО РАН) В. Д. Кубарева в том же 1974 г. на раскопках могильника Уландрык в Кош-Агачском районе. Основным его соратником по археологическим исследованиям, а во многом и учителем, был известный московский археолог В. А. Могильников, интереснейший ученый и прекрасный человек, с которым А. С. Суразаков еще учась в аспирантуре работал на Верхнем Алее, исследуя на юге Горного Алтая некрополи скифского времени V–III вв. до н.э. Кызыл-Джар, Боротал, Алагаил [1, с. 105]. После окончания аспирантуры в 1977 г. А. С. Суразаков был принят младшим научным сотрудником в сектор истории Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы [2, с. 102] и уже в 1978 г. провел самостоятельные раскопки в окрестностях с. Яконур на могильниках Бажанты и Сары-Кобы. В мае 1985 г.

А. С. Суразаков в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Горный Алтай и его северные предгорья в конце VI – начале II вв. до н.э.». В том же году ученый получил должность старшего научного сотрудника ГАНИИИЯЛ, а в 1988 г. был назначен заведующим сектором археологии этого учреждения. В 1992 г. А. С. Суразаков создал Агентство по культурно-историческому наследию (АКИН) при Комитете (затем Министерстве) культуры Республики Алтай, в котором занимал пост директора. С 1996 г. исследователь являлся научным консультантом АКИН, возглавлял сектор философии в Институте Алтаистики им. С. С. Суразакова. Александром Сазоновичем было опубликовано более 280 работ научного, научно-популярного, учебно-методического, публицистического и художественного характера. Основным проблемам изучения скифской эпохи региона он посвятил отдельную монографию, ставшую итогом его исследований «Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения» [3]. В своей работе А. С. Суразаков подробно рассмотрел все основные категории погребального инвентаря конца VI – начала II вв. до н.э.: вооружение, конскую сбрую, детали одежды, украшения, посуду, предметы быта и др. категории предметов. Исследователем была разработана и уточнена хронология и периодизация памятников скифского времени Горного Алтая. Также подробно рассмотрены особенности погребального обряда и культурной принадлежности памятников различных территорий.

Археолог проводил раскопки практически во всех районах Республики Алтай на разновременных и разнокультурных памятниках: Боротал-II–III, Алагаил, Сары-Кобы, Ирбисту-II, Каракол, Кызык-Телань-I, Айрыдаш-I, Большой Яломан-I–III, Курота-II, Кор-Кобы-I, Урмулык, Кош-Тал, Ябоган-I–II, Майма-I и другие.

Александр Сазонович был большим другом и партнером Национального музея им. А. В. Анохина. Материалы его раскопок составили несколько больших коллекций и достойно представлены в экспозиционных залах всех периодов древней и средневековой истории Горного Алтая. Бесспорно, самой большой в количественном отношении коллекцией являются материалы раскопок могильника саянбийского времени гунно-сарматской эпохи Айрыдаш-I, датированного IV-V вв. Могильник Айрыдаш-I расположен в одноименной долине в 3 км к ЮВ от с. Куюс Чемальского района. На территории могильника находилось около 200 археологических объектов, в число которых входят круглые курганы с каменной наброской от 5 до 30 м в диаметре, четырехугольные каменные ограды, камень с петроглифами и небольшие каменные насыпи гунно-сарматской эпохи очень компактно сконцентрированы в южной части могильника. В 1980, 1982–1984, 1985, 1986, 1987, 1989, 1990 гг. А. С. Суразаков раскопал «около полутора сотен курганов гунно-сарматской эпохи, а также несколько курганов и оградок других периодов». Материалы раскопок курганов гунно-сарматской эпохи не опубликованы, имеется лишь краткое сообщение о работах [4, с. 197–200]. Первые материалы раскопок памятника в количестве 40 предметов были переданы в музей в 1986 г., последняя

коллекция поступила в 2013 г. Коллекции из раскопок могильника Айрыдаш-I составили 1600 единиц хранения. Состав материала разнообразен: предметы вооружения (накладки на луки, наконечники стрел), детали одежды, украшения, орудия труда, предметы быта и туалета, ритуальные предметы. Материал изделий: железо, медь, золото, кость, рог, камень, глина. Также значение имеют коллекции Кош-Тал. Сары-Кобы. Кызык-Телань-I, II. Себистей. Каракол. Кызыл-Коир. Ирбисту-II. Ябоган-I, II. Урмулык. Курота-II. Кор-Кобы-I. Котыр-Тас. Беш-Озек. Чоба-VII. Бажанты. Общее количество археологического фонда А. С. Суразакова составляет более 2300 единиц и является крупнейшим авторским собранием музея.

Также отметим, что в 2018 г. в Национальном музее была проведена выставка «Археолог, философ, поэт», посвящённая 70-летию со дня рождения А. С. Суразакова, к сожалению, ученый скоропостижно скончался, не дожив до своего юбилея несколько месяцев.

Научная и творческая деятельность А. С. Суразакова неразрывно связана с культурным ландшафтом Горного Алтая, его историческим наследием, которое он старательно описывал, систематизировал и вводил в научный оборот. Мы уверены, что книги, статьи, археологические материалы, коллекции, философские заметки, литературные произведения, оставшиеся после А. С. Суразакова в обозримом будущем, станут темами отдельных научных исследований.

Источники, литература

1. Киреев С. М. Нюансы его бытия. Вспоминая Александра Суразакова // Древности Сибири и Центральной Азии. [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / отв. ред. В. И. Соенов. – № 9 (21). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. – С. 104–108.
2. Соенов В. И. Суразаков Александр Сазонович (10.12.1948–28.08.2018) // Древности Сибири и Центральной Азии. [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / отв. ред. В. И. Соенов. – № 9 (21). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. – С. 101–103.
3. Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху ранне-го железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск, 1988. – 165 с.
4. Суразаков А. С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск, 1990. – С. 197–200.

© С. М. Киреев, 2023

УДК 93/94

Енчинов Э. В.
Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова

КАТЕГОРИЯ ПОЗНАНИЕ В ЖИЗНИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. С. СУРАЗАКОВА

Аннотация. Статья посвящена изучению научного вклада А. С. Суразакова в культурно-историческое наследие Республики Алтай. Описываются жизненные вехи ученого, трудовая деятельность, основание научных изданий (альманах, журналы, интернет площадки).

Ключевые слова: Республика Алтай, наука, познание, альманах, Суразаков А. С., биография.

Enchinov E. V.
Scientific Research Institute of the Altaistiks named after S. S. Surazakov

THE CATEGORY OF COGNITION IN THE LIFE AND SCIENTIFIC ACTIVITY OF A. S. SURAZAKOV

Abstract. The article is devoted to the study of scientific contribution of A. S. Surazakov to the cultural and historical heritage of the Altai Republic. The life milestones of the scientist, labor activity, foundation of scientific publications (almanac, journals, internet sites) are described.

Key words: Altai Republic, science, cognition, almanac, Surazakov A. S., biography.

Нынче в 2023 г. научная общественность Республики Алтай отмечает 75-летие со дня рождения своего выдающегося ученого, археолога, философа и организатора науки А. С. Суразакова. Говоря об А. С. Суразакове нельзя не заметить устойчивую связь, закономерность, когда каждая веха его жизни напрямую связана с наукой и познанием, в том числе и с познанием как с философской категорией. Так в своем авторском сайте ученый, рассказывая о себе, отправляет читателя к своей генеалогии, где отмечает, что является потомком деда Сайму Матвеевича Суразакова из алтайского рода *чанты* потомственного шамана (*кам*), уроженца с. Сайдыс (село в Майминском районе Республики Алтай) [4; 8]. В традиционной алтайской культуре *кам* являлся не только лекарем людских душ, но и входил в категорию людей, обладающих правом интерпретации не только сакрального, но и профанного знания. Говоря о своих родителях, исследователь отмечает их укорененность в масштабах Евразии, так с. Сайдыс он отмечает как место рождения своего знаменитого отца, первого доктора наук из алтайцев Сазона Саймовича Су-

разакова. Мать, Ольга Капитоновна Суразакова также была связана со сферой познания, географ, уроженка с. Тайдаково Тульской области расположенного рядом с известным в поэтических кругах городом Тарусой. Факт рождения будущего ученого также связан с познанием, так его отец Сазон Саймович в это время проходил очную аспирантуру в 1946–1949 гг. в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина. Александр Сазонович говоря о своем рождении отмечает, что «спроектировали его в Москве во студенчестве, а на свет произвели 10 декабря 1948 г. в г. Новокаширск Московской области» [Вехи...].

В 1950 г. семья будущего археолога переехала в г. Горно-Алтайск, где он окончил школу и живой ум молодого человека, а также наставления отца привели его на исторический факультет Горно-Алтайского государственного педагогического института, который он успешно закончил в 1973 г. Выбор исторического образования в дальнейшем исследователь назовет одной из важнейших вех в своей жизни. В последующем выпускник около года работал учителем и методистом Горно-Алтайской областной заочной средней школы, но истинный интерес проявился к науке. Научное становление ученого происходило в годы обучения в аспирантуре Института археологии АН СССР (г. Москва), в который он поступил в 1974 г. Руководителем аспиранта стал К. Ф. Смирнов – один из крупнейших специалистов в области скифо-сарматской археологии. После окончания аспирантуры в 1977 г. первый профессиональный алтайский археолог А. С. Суразаков был принят младшим научным сотрудником в сектор истории ГАНИИИЯЛ (ныне НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова). В дальнейшем Александр Сазонович связал свою научную и творческую жизнь с институтом, которому ученый отдал 35 лет трудового стажа, до своего выхода на заслуженный отдых [3; 5; 6].

В 1985 г. исследователь защитил кандидатскую диссертацию в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск) по теме: «Горный Алтай и его северные предгорья в конце VI – начале II вв. до н.э.». На материалах диссертации и своих более поздних полевых исследований ученый опубликовал монографию «Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения» (1988). В 1986 г. А. С. Суразаков организовал и возглавил созданный в ГАНИИИЯЛ сектор археологии, который был укомплектован специалистами. В результате в институте активизировалась собирательская работа. Полученные под руководством А. С. Суразакова в ходе раскопок археологические материалы эпох энеолита и раннего железа, а также древнетюркского времени значительно расширили научные знания о хозяйстве, культуре, этническом составе населения Горного Алтая указанных эпох [6; 7].

Помимо научной стези А. С. Суразаков известен как талантливый организатор и администратор. Так в 1992 г. он становится первым директором созданного по его инициативе Агентства культурно-исторического наследия (АКИН) при Комитете культуры Республики Алтай. Под руководством А. С. Суразакова был разработан принятый 29 июня 1994 г. Закон Республики Алтай «Об истори-

ко-культурном наследии народов Республики Алтай», который регулировал работу по учету, сохранению и популяризации памятников культурного и исторического наследия на территории Республики Алтай. С 1996 г. исследователь становится постоянным научным консультантом Министерства культуры Республики Алтай и АКИН. В последующем (2000–2002 гг.) исследователь расширяет научно-консультационную работу, так он активно участвует в работе Центра науки и технологий при Правительстве Республики Алтай, где требовалось его квалифицированное и авторитетное мнение [8].

На порубежное время конца XX – начала XXI вв. приходится время создания А. С. Суразаковым просветительских, некоммерческих, научно-популярных журналов. Так в 1994 г. выходит первый номер издания «Кан-Алтай», ставшего одним из первых рупоров ревозрождения истории, культуры народов Республики Алтай. Как отмечал ученый цель издания – сконцентрировать вокруг фонда им. С. С. Суразакова гуманитариев-интеллектуалов, дать возможность реализоваться тем, кто неравнодушен к истории и культуре народов Алтая. Изначально «Кан-Алтай» рассматривался издателями как особая газета, которая по замыслу ближе всего стоит к такому переходному типу изданий как альманах, отличающийся от журнала тем, что может выпускаться не с такой периодической частотой, как журнал и не быть в строгом смысле газетным изданием с новостным содержанием. Интерес общественности к новому формату трансляции научного наследия был крайне высоким. Сложную для пореформенного времени задачу поиска источников финансирования издания альманаха решали сообща с привлечением как юридических, так и физических лиц. Например, спонсорами издания первого номера альманах стало восемь юридических и 46 физических лиц (Агентство по культурно-историческому наследию при Комитете культуры Правительства Республики Алтай, Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, Детский фонд Республики Алтай, Институт археологии и этнографии СО РАН, Отдел культуры администрации Майминского района РА, Отдел культуры администрации Усть-Коксинского района РА, Сайдысская восьмилетняя школа, Эколого-экономическая зона «Горный Алтай», а также научные сотрудники ГАНИИИЯЛ, Филиала НИИ национальных проблем, преподаватели филологического факультета, учителя СОШ № 7 г. Горно-Алтайска, представители «Сибирского соглашения», предприниматели, работники типографии, пенсионеры).

За годы выхода альманаха в нем публиковались видные ученые, общественные деятели, молодые научные сотрудники, учителя школ, деятели искусств, поэты, писатели. Бессменными членами редколлегии альманах были З. С. Казагачева и А. С. Суразаков, которые начиная с первого номера издания определили высочайший научный уровень публикаций. Также они ввели традицию специальных выпусков, когда номер целиком посвящался отдельным личностям, ученым внесшим значительный вклад в сохранение и развития научного и культурного наследия Горного Алтая. Например, № 3 за 1994 г. был посвящен 125-летию со

дня рождения ученого-этнографа и композитора, основоположника профессиональной музыки алтайцев А. В. Анохина, № 4 за тот же год – 125-летию со дня рождения художника Г. И. Чорос-Гуркина, № 1 за 1995 г. – 70-летию со дня рождения выдающегося сказителя А. Г. Калкина, № 4 за тот же год – 70-летию со дня рождения филолога С. С. Суразакова, № 1 за 1996 г. – 60-летию со дня рождения искусствоведа В. И. Эдокова.

Издание альманаха для А. С. Суразакова стало новым витком личностного роста, еще одной ступенью познания. В конце номера редактор делал обращение к читателям, где заключал некий итог всего номера с надеждой на то, что каждый из читателей нашел что-то интересное и полезное для себя.

В 2000-х гг. исследователь выпускает другой популярный журнал «Евразийцы», на страницах издания обсуждались проблемы интерпретации и актуализации категорий материальной и духовной культуры, восстановления исторической памяти, особое внимание в журнале уделялось философским работам. При этом авторами статей могли стать не только квалифицированные ученые, но и обычные люди. Способствовало углубленной разработке темы мировоззрения населения Горного Алтая основание ученым в 2002 г. в НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова сектора философии и культурологии, который он сам возглавлял до 2005 г.

Особым уровнем познания ученого становится переход его творчества и научно-просветительской деятельности в цифровое пространство. С этой целью А. С. Суразаков в 2010/2014 гг. основывает два научно-популярных сайта, сразу же ставшими ресурсными. Сайты становятся площадками для научного диалога, где охват читательской аудитории не измеряется тиражом журнала или количеством выдачи в читальском зале, трансляция познания и диалог становятся практически безграничными. Это такие электронные ресурсы как «Алтай: метафизическая параллель» [2] и авторский сайт «Александр Сазонович Суразаков» [1].

Жизненный путь А. С. Суразакова является прямым доказательством существования в людском роде неутомимой силы – познания, которая формирует личность человека, его жизнь, стремления, сказывается в масштабах общества и в конечном счете формирует цивилизации и лицо истории. Поэтому с уверенностью можно сказать, что научный вклад А. С. Суразакова, его трудовой подвиг стали частью самобытного культурного фундамента Республики Алтай.

Источники, литература

1. Александр Сазонович Суразаков. Авторский сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://evgaz.wordpress.com> (дата обращения: 01.12.2023).
2. Алтай: метафизическая параллель. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://altmetpar.wordpress.com> (дата обращения: 01.12.2023).
3. Вехи жизненного пути. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://evgaz.wordpress.com/> (дата обращения: 01.12.2023).
4. Каташев М. С. Родился Александр Сазонович Суразаков, кандидат исто-

рических наук, исследователь древней и средневековой истории Горного Алтая, первый профессиональный археолог в Горном Алтае, общественный деятель (10.12.1948–28.08.2018 гг.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://visit-altairepublic.ru/o-respublike-altay/den-v-istori/dekabr/rodilsya-aleksandr-sazonovich-surazakov-kandidat-istoricheskikh-nauk-issledovatel-drevney-i-sredneve/?ysclid=lo54oum6d3501356566> (дата обращения: 01.12.2023).

5. Киреев С. М. Ньюансы его бытия. Вспоминая Александра Суразакова // Древности Сибири и Центральной Азии. [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / отв. ред. В. И. Соенов. – № 9 (21). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. – С. 104–108.

6. Соенов В. И. Суразаков Александр Сазонович (10.12.1948–28.08.2018) // Древности Сибири и Центральной Азии. [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / отв. ред. В. И. Соенов. – № 9 (21). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. – С. 101–103.

7. Суразаков Александр Сазонович. Библиографический указатель / сост. Л. Т. Баштыкова. – Горно-Алтайск, 2008. – 28 с.

8. Чевалков Л. М. История развития археологической науки в Горном Алтае и Институте алтаистики им. С. С. Суразакова // Институт алтаистики имени С. С. Суразакова (1952–2007). – Горно-Алтайск, 2010. – С. 35–41.

© Э. В. Енчинов, 2023

Дворников Э. П., Эбель А. В.
Горно-Алтайский государственный университет

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОЛИНЕ РЕКИ ЮСТЫД И ИРБИСТУ I: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Материалы статьи посвящены полевым исследованиям в долине реки Юстыд, аварийным работам на подпрямоугольных объектах, в целях определения их датировки и семантики в соотношении с керексурами, оленными камнями, погребениями скифского времени и тюркскими оградками. Отдельное внимание уделено сопоставлению изучаемых объектов с материалами раскопок на могильнике Ирбисту I, исследованном А. С. Суразаковым в 1979 году.

Ключевые слова: археологические исследования, Юстыд, подквадратные оградки, Ирбисту I, А. С. Суразаков.

Dvornikov E. P., Ebel A. V.
Gorno-Altai State University

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH MATERIALS IN THE VALLEY OF THE RIVER YUSTYD AND IRBISTU I: COMPARATIVE ASPECT

Abstract. The materials of the article are devoted to field research in the valley of the Yustyd River, emergency work on sub-rectangular objects, in order to determine their dating and semantics in relation to kerekursurs, deer stones, burials of Scythian time and Turkic fences. Special attention is paid to the comparison of the studied objects with the materials of excavations at the burial ground of Irbistu I, investigated by A. S. Surazakov in 1979.

Key words: archaeological research, Yustyd, subquadrangle fences, Irbistu I, A. S. Surazakov.

В полевой сезон 2011 года, в рамках алтайско-бельгийской экспедиции проводились археологические исследования в границах Юстыдского археологического микрорайона. Долина Юстыд изобилует памятниками различных исторических эпох. Здесь сосредоточены объекты эпохи бронзы-керексуры, оленные камни; скифского времени - курганы пазырыкской культуры; памятники ранней керамической индустрии - хуннские и тюркские обжиговые печи.

В предыдущие годы проведения картографических работ Институтом археологии СО РАН, Горно-Алтайским госуниверситетом (Россия) и Гентским уни-

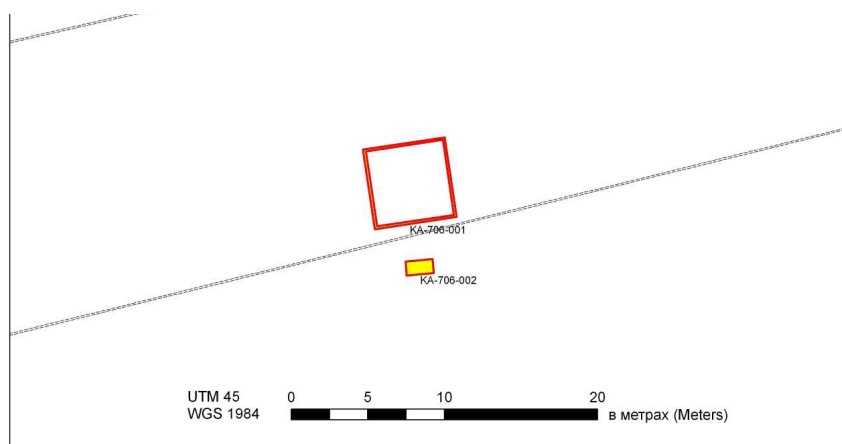
верситетом (Бельгия) здесь было зафиксировано более 4000 объектов [1]. Среди прочих типов объектов наше внимание привлекли выкладки, обозначенные нами как «жилища». Мы предполагали, что данные объекты занимали определённое место в отправлении культовых действий связанных с поминальным обрядом, даже внешние характеристики не позволяли предполагать их погребальное назначение. В ходе проведения работ мы ожидали зафиксировать остатки кострищ, прокалы почвы, кальцинированные кости животных (остатков поминальных тризн).

Главная цель планируемых исследований заключалась в выяснении характерных особенностей объектов, их датировка, назначение и место в пространственно - территориальной организации, в соотношении с керексурами, оленными камнями, некрополями скифского времени, кроме того все они находились в зоне интенсивного антропогенного воздействия, пересечены проселочными дорогами, что требовало незамедлительных аварийных работ. По окончании все объекты предполагалось восстановить, как мы полагали, в близком к их первоначальному виду. Экспедицию 2011 года решено было провести в центральной части долины Юстыд, тем более что большинство объектов выбранных нами для аварийно-восстановительных работ находились именно в центральной части. По итогам прошедших ранее экспедиций все объекты нами сгруппированы под условными кодами: КА-706, КА-710, КА-721, КА-771, КА-752. Предполагалось, так же взятие образцов для проведения OSL (оптически простимулированная люминесценция) датирования на исследуемых участках, а также и на других участках, чтобы определить эталонные данные. Кроме того, необходимо было взять образцы с памятников, возраст которых точно определён, например, курганы или тюркские оградки. Для этих целей были выбраны объекты, которые раскопаны ранее, а потому уже разрушены и не представляющие археологической перспективы. Главным принципом нашей работы было наименьшее оставление следов, то есть все объекты предполагалось привести в первозданный вид, при котором качество работы всегда бы превалировало над количеством. По итогам экспедиции 2011 года исследовано два комплекса КА 771–016 и КА 771–008. Выяснено, что исследованные объекты носили культовый характер. Сооружены были на древнем горизонте. Для датирования нами взяты образцы отложений аллювиальных террас в границах объектов с глубины 30–40 сантиметров от современной поверхности. Кроме того, с надземной части сооружений собрана коллекция камней – гранодиоритов и габброноритов, представляющих некогда строительный материал. В ходе работ в каждом из объектов обнаружены зольники мощностью до 0,10 м и диаметром до 0,60 м, так же зафиксированы мелкие фрагменты кальцинированных костей в границах зольников. В объекте КА-016 обнаружены два фрагмента шлаков металлоплавильного производства. Эти находки, скорее всего, случайно и значительно позднее попали в границы объекта, поскольку находились на глубине – 005 м от современной поверхности. Следы металлоплавки в долине Юстыд были зафиксированы довольно давно, поэтому шлаки лишь подтвердили давно известные факты.

Рис. 1. Общий план КА-706-001 / КА-706-002 до раскопок

КА-706 расположен на правом берегу реки Юстыд, в настоящее время прямо на дороге с направлением восток-запад, которая проходит через Юстыд в северной части от с. Ташанта до моста через реку Барбургазы. Объект находится приблизительно в 220 метрах к северу от края речной террасы в центральной части археологического комплекса. В 125 метрах к западу от группы КА-710. Состоит из двух выкладок, прямоугольное каменное строение 5,2x5,4 м, частично разрушено дорогой в северной части. Западная часть, выделяется не ясно. Вторая выкладка 0,9x2,0м, разрушена дорогой. Обе выкладки – затронуты полевыми дорогами, которые формируют главный след восток-запад в долине Юстыд. Координаты: 89°18'26 834 «E 49°47'7 218» N.

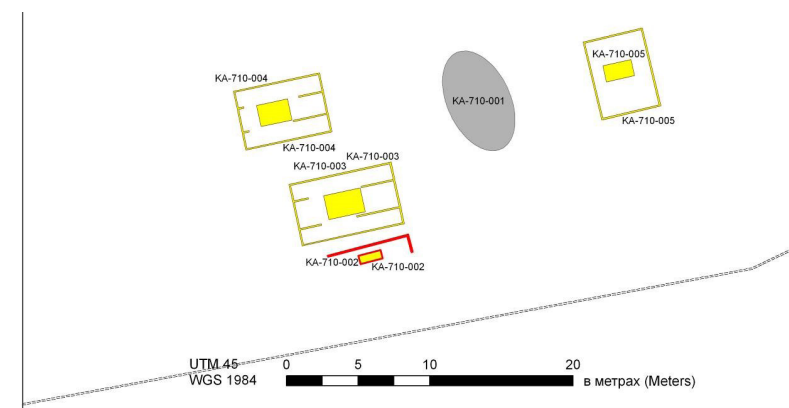

Рис. 2. Раскопки и восстановление: объекты КА-706-001 / КА-706-002

Рис. 3. Объекты КА-710-002 / КА-710-004 до раскопок

КА-710 расположен на правом берегу реки Юстыд, прямо на главной дороге проходящей через всю долину Юстыд с востока на запад, от с. Ташанта до моста через реку Барбургазы, приблизительно в 220 метрах к северу от края речной террасы, в центральном археологическом комплексе, в 125 метрах к востоку от месторасположения КА-706. Объект КА-710 состоит из нескольких прямоугольных каменных выкладок. КА-710-002 – возможно прямоугольная в плане выкладка, которую трудно описать из-за разрушения. Возможный размер стороны 5,7 м. Активно используемая дорога и начавшаяся эрозия почвы. Структура 002 очень разрушена из-за старой колеи, целой осталась только самая северная часть чрезвычайно разрушена дорогой и внутренняя каменная выкладка. Объект 004 также крайне разрушен дорогой и водной эрозией, особенно его центральная часть с каменной платформой. Координаты: E 89°18'33 135 « N 49°47'7,85».

Рис. 4. Раскопки и восстановление: объекты КА-710-002 / КА-710-004

Рис. 5. Объекты КА-721- 006/ 007 до раскопок

КА-721 расположен на правом берегу реки Юстыд, прямо на главной дороге проходящей через всю долину Юстыд с востока на запад, приблизительно в 9300 метрах к востоку от колеи, которая идет от с. Ташанта до моста через реку Барбургазы, приблизительно в 115 метрах к северу от края речной террасы, к западу от скифского погребального комплекса КА-722 и КА-741. У объекта 006 есть 2 параллельных линии, ориентированные по оси восток запад размер – 5,0 x 9,2 м. с возможной каменной площадкой в северной части размером – 0,3 x 1,0 м. Объект 007 прямоугольная каменная выкладка, расположенная к югу от 006, сооружена из булыжников, очень разрушена дорогой. **Координаты:** E 89°18'44 453 « N 49°47'13 742».

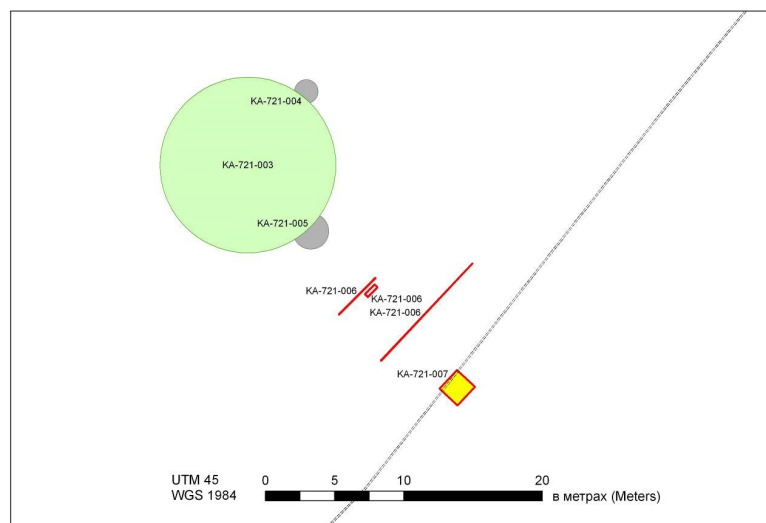

Рис. 6. Раскопки и восстановление: объекты КА-721- 006/ 007

Рис. 7. Объекты КА-771-006 / КА-771-016 раскопок

КА-771 расположен на правом берегу р.Юстыд, на более высокой части аллювиальной террасы р. Юстыд, в 230 метрах к югу от главной дороги, приблизительно в 9300 метрах к востоку от колеи, которая идет от деревни Ташанта до моста через реку Барбургазы. Состоит из восьми подпрямоугольных выкладок ориентированных по линии север - юг, с некоторым отклонением отдельных каменных насыпей и выкладок к востоку, как например объект 016. Очень плохой сохранности объект 006, с остатками центральной части размером – 6,0x3,8 м., и объект 016, отдельно стоящая выкладка размерами – 4,0x4,8 м. Оба объекта 006 и 016 очень сильно разрушены колеёй. **Координаты:** E 89°19'6 874 « N 49°47'15,73».

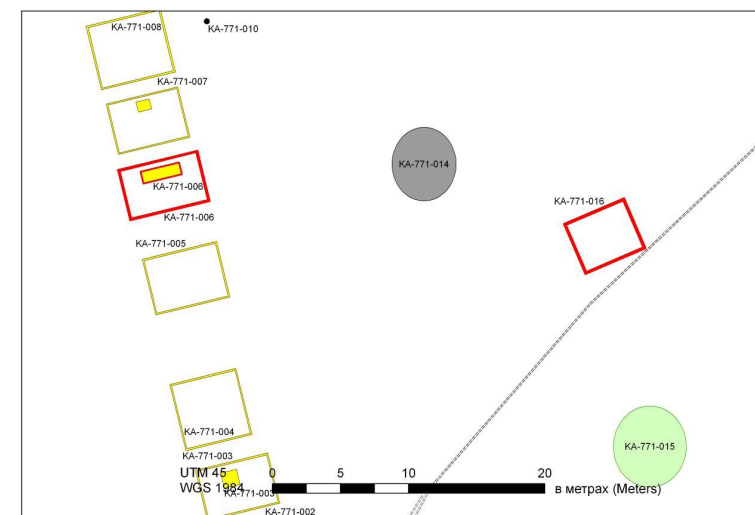

Рис. 8. Раскопки и восстановление: объекты КА-771-006 / КА-771-016

Ри. 9. Объект КА-752-001 до исследований

КА-752 расположен на аллювиальной террасе р. Юстыд, в 750 метрах к югу от главной дороги, приблизительно в 9200 метрах к востоку от колеи, которая идет от с. Ташанта до моста через реку Барбургазы, в 530 метрах к югу от края правобережной террасы, в 640 метрах к северу от левобережной террасы. Представляет собой отдельно стоящее прямоугольное каменное сооружение – 9,15х9,6 м с линией из камня ориентированной восток-запад, протяжённостью – 13,0 м и овальной выкладкой из камней внутри, размером – 2,0х6,5 м. Колея, которая ведёт к броду через р. Юстыд, разрушила южный угол объекта. **Координаты:** E 89°19'14 449 «, N 49°47'4 534».

Анализируя материалы экспедиций, нами было выявлено значительное количество типов объектов, ранее не исследованных не только в долине, но и во всём регионе. Имеется много внешних сходств с объектами, обследованными на некрополе Ирбисту I А. С. Суразаковым [2]. Это выкладки в форме кольца или подквадрата, как правило, не больших размеров, сложенные на древней поверхности. Известно, что в 1979 году экспедиция Гарно-Алтайского НИИИЯЛ проводила исследования на Ирбисту I, расположенном в 20 км. к юго-западу от села Мухор-Тархата, Кош-Агачского района, на правом берегу одноименной реки. Могильник состоял из 29 сооружений, на котором среди курганов зафиксированы подчетырёхугольные каменные оградки. Исследовано несколько из них..

Анализируя материалы экспедиций, нами было выявлено значительное количество типов объектов, ранее не исследованных не только в долине, но и во всём регионе. Имеется много внешних сходств с объектами, обследованными на некрополе Ирбисту I А. С. Суразаковым [2]. Это выкладки в форме кольца или подквадрата, как правило, не больших размеров, сложенные на древней поверхности. Известно, что в 1979 году экспедиция Гарно-Алтайского НИИИЯЛ проводила исследования на Ирбисту I, расположенном в 20 км. к юго-западу от села Мухор-Тархата, Кош-Агачского района, на правом берегу одноименной реки. Могильник состоял из 29 сооружений, на котором среди курганов зафиксированы подчетырёхугольные каменные оградки. Исследовано несколько из них..

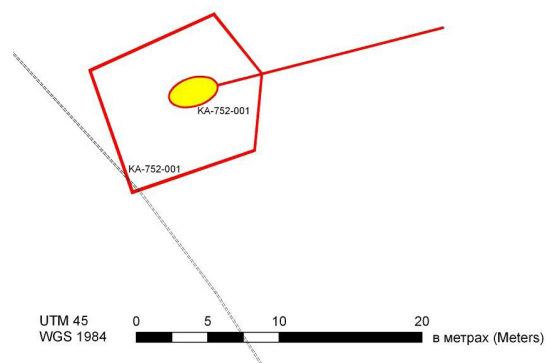

Рис. 10. Взятие проб на термо – люминисцентный анализ и восстановление: объект КА-752-001

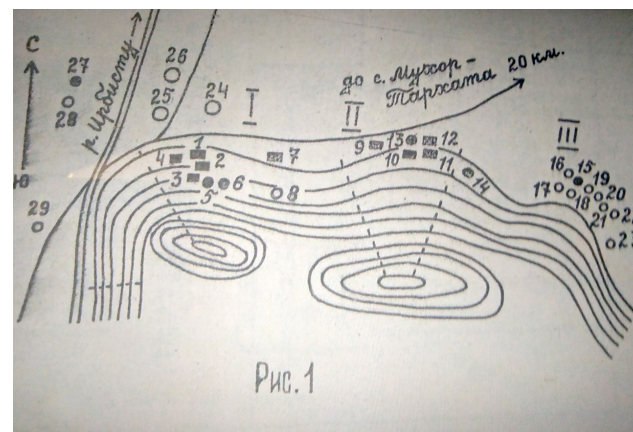

Рис. 11. План могильника Ирбисту I (по Суразакову А.С.)

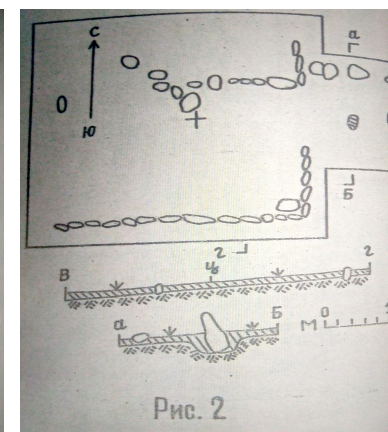

Рис. 12. Ограда 1, Ирбисту I (по Суразакову А.С.)

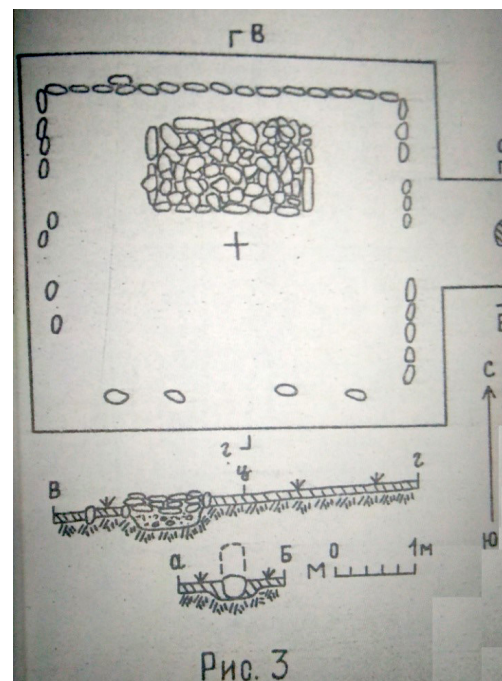

Рис. 13. Ограда 2, Ирбисту I (по Суразакову А.С.)

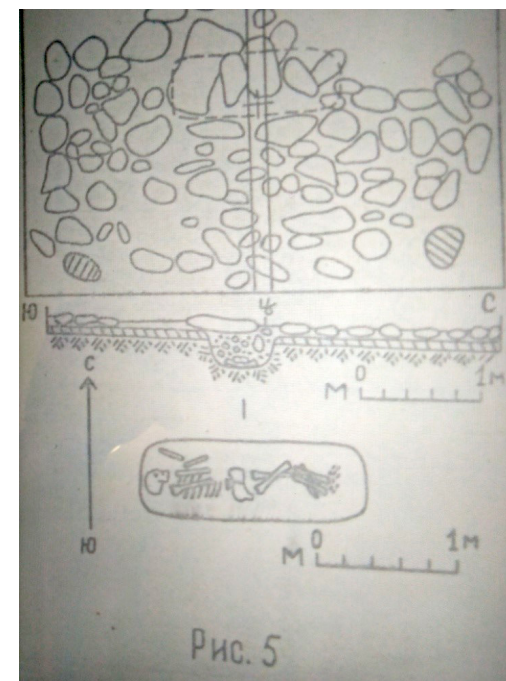

Рис. 14. Ограда 7, Ирбисту I (по Суразакову А.С.)

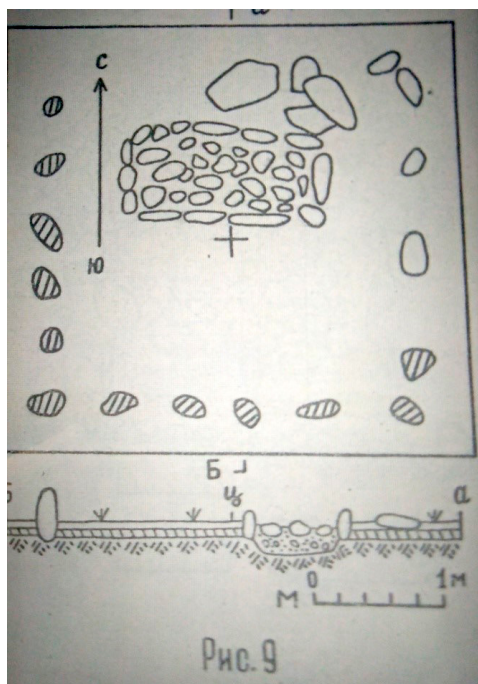

Рис. 15. Ограда 12, Ирбисту I
(по Суразакову А.С.)

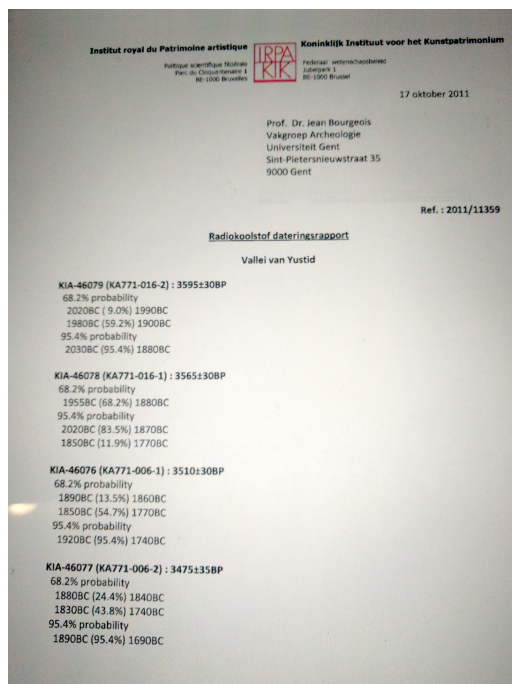

Рис. 16. Результаты датирования оградок на Юстыде

Примечательно то, что Александр Сазонович используя возможности интерпретации советской археологии, применяя широкую эрудицию, философские и культурологические знания, датировал подчетыреугольные выкладки на Ирбисту I финальной бронзой или раннескифским временем. Удивительно, но, когда пришли результаты анализов проб, проведенные в европейской лаборатории, они практически полностью подтвердили обозначенные хронологические границы.

Источники, литература

1. Bourgeois, Jean, De Wulf, Alain, Ebel, Alexander V., Gheyle, Wouter; Goossens, Rudi Goossens, Surveying and Mapping the Archaeological Monuments of the Altai Mountains (Altai Republic, Siberia), Digital discovery. Exploring New Frontiers in Human Heritage », Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology, 2006, Fargo (USA), 21/04/2006.

2. Суразаков А.С. Могильник Ирбисту I // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 22–59.

© Э. П. Дворников, А. В. Эбель, 2023

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО АЛЕКСАНДРА СУРАЗАКОВА

Аннотация. В статье рассмотрено литературное творчество археолога, историка, философа, писателя Александра Суразакова. Для анализа взят хронологический принцип и изучена творческая эволюция писателя от юмористических рассказов, очерков, цикла философских эссе до лирических произведений (стихотворений и поэм). Доказывается, что в основе авторской художественной картины мира этнософские размышления, главной идейной доминантой которых становится поиск гармоничного начала в бытии. В позднем творчестве, в его философской лирике, сильно влияние русского космизма и евразийства.

Ключевые слова: Александр Суразаков, философская лирика, очерк, юмористический рассказ, цикл рассказов, философская поэма.

Dedina M. S.
Scientific Research Institute of the Altaistiks named after S. S. Surazakov

LITERARY CREATIVITY OF ALEXANDER SURAZAKOV

Abstract. The article examines the literary work of archaeologist, historian, philosopher, writer Alexander Surazakov. For the analysis, the chronological principle is taken and the historical evolution of the writer from humorous stories, essays, a cycle of philosophical essays to lyrical works (poems and poems) is studied. It is proved that the author's artistic picture of the world is based on ethnosophical reflections, the main ideological dominant of which is the search for a harmonious beginning in being. In his later work, in his philosophical lyrics, the influence of Russian cosmism and Eurasianism is strong.

Key words: Alexander Surazakov, philosophical lyrics, essay, humorous story, cycle of stories, philosophical poem.

Литературное творчество ученого-археолога, историка, философа, писателя Александра Сазоновича Суразакова является неотъемлемой частью его научных изысканий, философских размышлений и этнософских умозаключений. При этом его произведения, изданные на страницах периодической печати, в сборниках и отдельными книгами, порой трудно разделить на научную, философскую и художественную. Все они органично соединены в едином мыслительном пространстве, взаимодействуя и взаимодополняя. Если научные работы еще как-то обособлены в силу научного стиля, то философские размышления, научно-популярные статьи, публицистику и художественные произведения строго разграничить по жанровым канонам достаточно сложно.

Известно, что философская и художественная литература в своей основе имеют творческое начало. О. Хлебникова, размышляя об этом, отмечает, что «возможность исследования стилистики философской литературы, а равным образом и само обращение к философии как к особой литературной традиции, обусловлены, прежде всего, неизбежным осознанием того обстоятельства, что в современных условиях вообще философствование выступает уже не как интеллектуальный порыв приобщения к мудрости, а как попытка создания системного дискурса, воплощающегося благодаря своеобразному писательскому искусству» [1, с. 107–108]. Рассуждая о стилистических характеристиках философской и художественной литературы, она приходит к выводу о справедливости известного высказывания У. Джеймса, утверждавшего, что «в истории человеческой мысли ... путем строго логического рассуждения она [философия] стремилась достигнуть результатов, имеющих эмоциональную ценность... Своей поэтической стороной философия влияет на людей с литературными наклонностями, своей логикой она закаляет их и исцеляет от интеллектуальной дряблости» [цит. по 1, с. 110].

Итак, литературное наследие А. Суразакова на настоящее время представлено восемью отдельными сборниками художественных произведений, а также рядом публикаций в периодической печати, в литературно-художественном журнале «Алтай-Телекей – Мир Алтая», «Евразийцы» и т. д*. В это число мы не включаем его «Философские размышления» в трех книгах и научно-популярные издания, такие как «Письмена далекого прошлого» (1993), «Древности Горного Алтая» (1992).

Первым опубликованным литературным опытом А. Суразакова стало произведение «Шапка», изданное в сборнике юмора, сатиры и пародии «Грустная пятница» (Барнаул, 1986). Позже, спустя пятнадцать лет в слове от автора к «Поэтической триаде» (2000) о своих литературных опытах он напишет: «Как и многие из нас, пробу пера начал в юности. Писал стихи о природе и на житейские темы. В первых романтизировал, во-вторых пытался проявить юмор. Казалось, ничего получалось. Но, как многие из нас, исписанные листочки затем порвал и выбросил. Побаловался, мол и хватит. / Второй раз внутренний голос позвал приобщиться к этому делу уже тогда, когда перевалило за сорок. Потворил немного, но вовремя одумался. Чего это, мол, в таком солидном возрасте...? / Третий раз внутренний

* В настоящее время издано три библиографических указателя, составленных Л. Т. Баштыковой. Первый был опубликован в 1998 г. к 50-летию А. Суразакова. Редакторами издания выступили Т. М. Садалова и В. И. Чичинов. Вводное слово, по всей видимости, было написано самим А. Суразаковым, определившим здесь себя как «археолог, историк, философ, писатель» [5]. Второй был издан в 2003 г. к 55-летию писателя под грифом Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай и Института алтаистики им. С. С. Суразакова, редактором стал В. П. Ойношев. Во вступительном слове автор определил себя уже как «философ, ученый, писатель и поэт» [6, с. 3]. По всей видимости именно в такой последовательности он определил для себя важность своей творческой деятельности. В 2008 г. к 60-летию А. Суразакова был издан третий библиографический указатель, в котором было обозначено более 300 работ, «подразделяющихся на философские, научные, научно-популярные, учебно-методические, публицистические, художественные и другие» [7, с. 3]. При этом следует отметить, что в данные указатели включены не все художественные произведения писателя, при чем, речь идет об отдельно изданных сборниках художественных произведений.

голос прозвучал уж слишком настойчиво, когда перевалило за пятьдесят. Ну и ладно, дозрел, значит» [2, с. 3].

Одним из ярких художественных произведений А. Суразакова стали его воспоминания «О детстве, юности и об отце», опубликованные в книге о С. С. Суразакове «Сын вечного Алтая» (1990). Очевидно, что составителями сборника перед ним была поставлена цель, которая заключалась в отражении образа отца через призму восприятия сына. Писатель, заранее оговаривая фрагментарность и обобщенность «предлагаемого повествования», подчеркнул: «Жизнь близких настолько переплетена с твоей собственной, что в воспоминаниях их трудно разделить. Поэтому мне и пришлось создать своеобразный фон из своего детства и юности, на котором и построить рассказ об отце» [3, с. 199]. Данное произведение, называемое в тексте самим автором рассказом (подразумевается не литературный жанр, а повествование), представляет собой художественно-документальный очерк, состоящий из коллажа ярких эпизодов, событий, размышлений и обобщений. Следует отметить, что события детства и юности были осмыслены через восприятие уже достаточно зрелого человека, что позволило ему, во-первых, с другой неизвестной для широкой общественности стороны раскрыть С. С. Суразакова как отца и главу семьи, а, во-вторых, позволило отстраниться и сделать обобщающие вывод о его личности. К примеру, автор пишет: «По натуре он не был эгоцентричен, а отсюда сумел избежать того, что мы привыкли называть карьеризмом, стяжательством, завистью. В быту не был притязателен. Ни перед кем не раболепствовал <...> Умел, как говорится, по достоинству ценить успехи других. Редкое, кстати сказать, качество, особенно у человека, занимающегося творческим трудом. Для этого надо обладать широкой, крупной натурой, не размениваться на мелкие эгоистические дрязги, видеть в людях соратников по жизни на планете земля...» [3, с. 210].

В газете «Звезда Алтая» в начале 1990-х гг. было издано несколько художественных очерков писателя, а в 1993 г. вышел в свет его первый сборник с говорящим названием «Галопом по Европам» [4]. Он представляет собой сборник юмористических рассказов о самых важных и сложных вопросах развития Человечества от первобытных времен до XX в. При этом, в центре внимания автора размышления о современном обществе, нравах, социальном укладе, на которые он смотрит через призму общественно-исторических трансформаций. В обращении к читателям автор-повествователь задает тон всей книге, что подтверждается эпиграфом «Смеется тот, кто умет смеяться» с подписью «Мудрое изречение». Еще М. М. Бахтин, говоря о смеховых истоках романа, писал: «Даже и там, где предметом изображения этих жанров служит прошлое и миф, эпическая дистанция отсутствует, ибо точку зрения дает современность <...> Именно смех уничтожает эпическую и вообще всякую иерархию – ценностно-удаляющую – дистанцию. В далеком образе предмет не может быть смешным; его необходимо приблизить, чтобы сделать смешным; все смешное близко; все смеховое творчество работает в зоне максимального приближения. Смех обладает замечательной силой приближать предмет, он вводит предмет в зону грубого контакта, где его можно фами-

лярно ощупывать со всех сторон, переворачивать, выворачивать наизнанку, заглядывать снизу и сверху, разбивать его внешнюю оболочку, заглядывать в нутро, сомневаться, разлагать, расчленять, обнажать и разоблачать, свободно исследовать, экспериментировать» [8, с. 468].

В том же юмористическом духе написана и следующая его книга, «Святой и дьявол» (1994), в которой писатель в свойственной ему шуточно-саркастической форме размышляет о вечной философской проблеме Гармонии бытия. Создал Творец Землю, закрепил над ней Свод Небесный и т. д., а для Гармонии слепил Человека из глины, и второго для «разнообразия». «Не успел Старец и глазом моргнуть, а их видимо-невидимо по земле уже бегают. Да все с дубинами сучковатыми и топорами каменными. Животных в массовом порядке истреблять начали, Деревья валить гектарами, между собою ссориться.

– Вот это да... а, – немало удивился Творец. – Плодовитое сотворилось семя. А прожорливые-то, посмотри, какие. Как саранча. Так от моих других творений вскоре ничего не останется. Какая уж там гармония» [9, с. 5].

И сотворились им Подземный мир и Небесное Царство для уравнивания той самой Гармонии, которые в свою очередь вступили в противостояние. «Но вот забрезжили однажды в околоземном пространстве цивилизованные времена» и решили они «сесть за стол переговоров». Для начала была организована согласительная комиссия и самые лояльные персоны противоположных миров, Святой Инокентий и Дьявол Аркаша, отправляются на дискуссию на нейтральную территорию, Землю. Собственно все повествование построено на диалогах Святого и Дьявола на Земле, а само повествование представляет собой цикл рассказов на философские темы. В отличие от первой книги, также построенной на тематически объединенных отдельных юмористических зарисовках, данное повествование отличается динамичным сюжетом, четко обозначенными персонажами, детализированным и реалистично описанным художественным пространством, обилием диалогов-дискуссий... Все повествование построено на дуальности и противоположности, что в итоге сходится к компромиссу и выводу, что Гармония – это баланс между добром и злом. Завершая свое повествование «Гимном человеческим противоречиям», автор-повествователь, обращаясь к Человеку, провозглашает «Так будь же ты счастлив в ее до предела противоречивой Гармонии!!!» [9, с. 52].

В 1994 г. выходит в свет сборник художественно-документальных очерков А. Суразакова «Экспедиционные были». Во вступительном слове от автора в свойственной ему ироничной форме повествует о труде археолога, «неутомимого рыцаря кисточки и лопаты», результатом деятельности которого становится колоссальное количество толстых и тонких книг. «И все бы ничего, да вот только вещают те труды лишь о результатах кропотливых научных исследований, причем сухим, доказательным, академическим языком. А как добывались материалы к тем результатам? Когда, кем, и в каких житейских условиях? Об этом матушка История зачастую умалчивает. Несущественным считает, хотя все это тоже по ее части. Так поможем ей отчасти восполнить тот досадный пробел и побываем в нескольких

археологических экспедициях. Заглянем, так сказать, в серые будни полевиков. А для примера возьмем первые десять лет экспедиций самого автора» Не идеальные, правда, будни, но все же» [10, с. 3–4].

В данной книге показан период с 1974 по 1984 г. В своих экспедиционных очерках живым, простым языком повествует автор о самых обыденных вещах, о быте и тяжелом труде, о человеческих отношениях, радостях и огорчениях и т. д. Он воссоздает образы реальных людей с их характерами. В их числе как именитые ученые-исследователи, чьи открытия широко известны в научной среде (Владимир Дмитриевич Кубарев, Константин Федорович Смирнов, Владимир Евгеньевич Максименко, Владислав Александрович Магильников, Павел Егорович Тадыев и др.), так и своеобразных, ярких, со своими достоинствами и недостатками, самых обычных людей, которые встретились на пути автора-повествователя. Среди них его друзья-коллеги Сергей Тадыкин, Виктор Кочеев...

В описании деталей археологического труда сквозным для всего повествования становится мысль о прикосновении к вечности, в сакральной памяти о живших когда-то поколениях. К примеру, он так пишет о курганах близ села Курота: «Они выстроились у подножия горного кряжа двумя длинными цепочками. На насыпях некоторых из них росли большие деревья. Усыпальницы вождей скифской эпохи. Сколько же сил и энергии затратили на их возведение древние жители долины Урсул. И все затем, чтобы увековечить память о своих предводителях и доказать окружающим несокрушимую мощь своего племени. И, казалось бы, сокрушило однажды ту мощь неумолимое время, многие века назад отодвинув то племя в область небытия. Все так, конечно, и все же. В сотнях тысяч камней, уложенных когда-то в курганные насыпи – тепло их создателей, в сложных курганных конструкциях – их интеллект» [10, с. 105].

Прикосновение к прошлому, мысли о человеческой жизни, о памяти, об ушедших эпохах, безусловно, стали основой философских размышлений писателя. Одним из плодов подобной рефлексии стала изданная в 1995 г. его книга «Житейский океан», посвященная раздумьям об «этом вечно ускользающем смысле» и поставленном когда-то «безымянным мудрецом» вопросе, который «отложив на секунду не совсем еще обглоданную кость мамонта и окинув вдруг скептическим взглядом свое облаченное в звериные шкуры доисторическое сообщество, изрек неожиданно: «А зачем мы все есть?» [11, с. 3].

Начало XXI в. в литературном творчестве А. Суразакова ознаменовалось обращением к поэтическому творчеству. В 2000 г. увидел свет сборник «Поэтическая триада», в котором были опубликованы его поэмы: «Тайный амулет», «Космический путник», «Перепутье», в 2003 г. и в 2011 г. были изданы два поэтических сборника – «Звездный ветер» [12] и «Древо познания» [13]. В своих лирических произведениях писатель продолжил размышления, характерные для всего его творчества. Доминирующими мотивами его поэзии стали искания его лирического героя, размышления о сути бытия, о сущности истины, любви, гармонии и судьбы. Сквозными как для прозаических, так и для лирических произведения являются

образы Творца, Вселенной и Человека – главных составляющих, по мысли автора, Мироздания.

Поэзию А. Суразакова можно отнести к философской лирике с доминированием идей русского космизма*. У него есть такие строки:

В веках начертан этот путь
Для познающего ума
Идти спиралью восхожденья
От крайней точки приземленья
Натурализма и магизма
К вершинам мудрого космизма [13, с. 5]

Отмечая общие, родовые черты русского космизма, С. Г. Семёнова говорит о том, что ему свойственен ряд характерных особенностей:

- во-первых, понимание восходящего характера эволюции, роста в ней разума и признание необходимости нового, сознательно-активного ее этапа (ноосфера, пневмосфера, Царствие Божие, Царствие небесное);

- во-вторых, двойственная природа «восходящего» человека – с одной стороны, его несовершенство, «промежуточность», с другой – «богочеловечность», творческое призвание, космичность в оппозиции к биологичности, историчности и социальности;

- в-третьих, признание человечества в целом как соборной совокупности сознательных, чувствующих существ в единстве своих поколений, идеальным образом которого выступает Душа мира, Божественная София, т. е. женское начало;

- в-четвёртых, переосмысление роли науки в обществе как грандиозного синтеза наук, объединенных во всеобщую космическую науку о жизни в ее духовном цвете, сохранение, продление, развитие её. Отсюда следует и неизбежная энциклопедичность каждого человека, его ориентация в широком поле человеческого знания, как точного, так и гуманитарного.

И, наконец, для русского космизма характерно обоснование объективности нравственной эволюции при переходе человечества из биосферы в ноосферу как естественного закона развития мира («геологического», по мысли Вернадского) [14, с. 32–33].

У А. Суразакова читаем:

Конечно, в каждом человеке,
Рожденном матерью земной,
Чтобы пройти сквозь сонм событий

* «Русский космизм можно определить как универалистский тип мирозерцания, выкристаллизовавшийся к рубежу XIX-XX вв. и отражающий бытие мира и человека в их единстве, в нерасторжимой взаимосвязи микрокосма человека и микрокосма природы. Важнейшее место в этой системе взглядов принадлежит идее всеединства, которая позволяет рассматривать мир и лежащие в его основе закономерности как нераздельное целое. Данная идея получила разработку во многих сферах духовно-культурного ренессанса: в философии, культурологии, науке и художественном творчестве» [Казначеев, с. 64–65].

Житейский путь очередной,
Царит духовное начало,
Что проявляет светочь свой
То как убогий мелкий карлик,
То как Великий Дух Святой [13].

В данном стихотворении присутствует двойственность в описании человека, присутствовавшая еще в его философском трактате «Святой и дьявол», когда добро и зло, как два полюса, являются по сути противоположными равновесными сторонами вселенского баланса. И главная тема его поэтической триады – это бесконечное движение к единой цели, которая формулируется как поиски «порядка Мироздания».

Одним Космическим путем
Идут они из века в век,
Но в той единой Магистрале
У каждого особый след [2, с. 13]

Здесь присутствуют сакрально-символические образы, такие как Тайный Амулет – ключ ко всем знаниям мира, Космический творец, Магистраль – как Всеобщий путь, Космический путник – «Микрокосм с центральной искрой», и «Божественная мудрость».

Нет жизни в вечной пустоте,
Нет света в непроглядном мраке,
Нет жара в скованном челе,
Нет ощущений в сжатом чреве.
Спала Вселенная средь нечто,
Закончив цикл очередной,
Лишь жизни прошлой сновиденья
Струились тонкою волной.
А рядом с ней, царя вокруг,
Витал средь Нечто верный друг,
Оберегая ее сны
И вглядываясь в их течение [2, с. 9].

Движение как развитие, как способ существования, как средство обретения знания сущности бытия выразилось у А. Суразакова в образе-символе дороги. В поздней лирике поэта есть простое, но в то же время емкое по своему содержанию, идейной глубине, пронзительное стихотворение «Дорога».

Дорога вдаль,
Дорога вброд,
Дорога – вечный переход,
Дорога вверх,
Дорога вниз,
Дорога в степь,
Дорога в жизнь.

Дорога в дождь,
дорога в зной,
дорога – вечный позывной,
Дорога там,
Дорога здесь,
Дороги нет,
Дорога есть.

Дорога днем,
Дорога в ночь,
Дорога – чтобы превозмочь
Инертность жизни,
Сонм забот,
Дороги пыль,
Дороги пот.

Дорога есть,
Дорога ждет,
Дорога – вечно в даль зовет.
Дорога друг,
дорога – путь
Дорога – жизнь,
Дорога – суть [13, с. 4].

В третьей поэме его поэтической триады, названной как «Перепутье», образ пути становится символом и раскрывается через движение, суть которого и становится главной целью для постижения:

И много дум в умах людей,
С тех пор как думают они,
О смысле бренности житейской,
О верности земных путей,
Добре и зле, разлитых всюду,
О том, когда наступит час
Расстаться с тем, к чему привязан
И превратиться в тленный прах [2, с. 23].

Но все же, есть предположение, что дорога Микрокосма, его бrenным путь, есть ничто в масштабах вселенной. Тогда возникает резонный вопрос – «зачем тогда / вся суэта земных страданий, / кипенье мелочных страстей в стремлении самоутвердить себя...?». И здесь возникает предположение, что Биосферный мир «содержит большее значение, / Чем просто побывать в живых, / на миг и кануть в неизвестность...». Таким образом, сама Биосфера, с ее противоречиями, движением через жизнь и смерть, АО мысли автора, становится тем самым Перекрестком, меняющим траекторию движения тех, «кто движется веками, Через Вселенские миры»...

Здесь Перепутье, на котором
В борьбе с самим собой суровой
Меняешь качества свои
И оттого, насколько сможешь
Преодолеть закрепошенность

Что сковывает изнутри,
Зависит качество пути,
Которым будешь ты идти [13, с. 28].

И жизнь, как вселенский океан в безбрежном мироздании, и жизнь как парусник:

Мой парусник из детских снов,
Что величаво бороздил
Просторы сказочных морей
С загадочными островами,
Сокровищами в сундуках,
Пиратами и чудесами,
Сменил однажды прежний курс,
Отплыв в житейский океан
С его изменчивой погодой
То посылающей грозу
И социальные невзгоды,
То радость жизни и покой.
Теперь же в бурях закаленный,
Обветренный и просоленный
Он держит курс к иным мирам,
Тем, что назначены судьбой
И путь к которым обозначен
Зажженной в небесах звездой [13, с. 24].

Таким образом, известные философские размышления А. Суразакова, изданные в трех книгах, художественно-публицистические очерки, научно-публицистические статьи, стихотворения, сутры, рассказы создают единый художественно-философский дискурс, позволяющий раскрыть мир поисков и находок ученого, философа и писателя. Философия писателя, позволившая создать яркий, своеобразный художественный мир, особенно ярко проявившийся в его лирических произведениях, основывается на идеях русского космизма, не без влияния и евразийства, подвижником которого он был. Не смотря на это, его художественный мир имеет четкую ориентированность на традиционное мировоззрение с присутствием главных символов-маркеров Алтая: Катунь, Эрлик, Ульгень, Дух Алтая и т. д. Каждая сфера его деятельности неизбежно накладывала отпечаток на другую, дополняя, и позволяя полнее и глубже раскрыться перед своим читателем.

Источники, литература

1. Хлебникова О. В. Сравнительный анализ стилей философской и художественной литературы // Омский научный вестник. – № 2 (116). – 2013. – С. 107–110.
2. Суразаков А. С. Поэтическая Триада. Поэмы. – Горно-Алтайск: Чаптыган, 2000. – 32 с.

3. Сын вечного Алтая. Сборник статей и воспоминаний (Сост. З. С. Казагачева, Э. М. Палкин). – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1990. – 248 с.
4. Суразаков А. С. Галопом по Европам. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1993. – 58 с.
5. Суразаков А. С. Библиографический указатель. К 50-летию. – Горно-Алтайск, 1998.
6. Суразаков А. С. Библиографический указатель. К 55-летию. – Горно-Алтайск, 2003.
7. Суразаков А. С. Библиографический указатель. К 60-летию. – Горно-Алтайск, 2008.
8. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
9. Суразаков А. С. Святой и дьявол. – Горно-Алтайск: Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай, Горно-Алтайская типография комитета по печати и информации Республики Алтай, 1994. – 54 с.
10. Суразаков А. С. Экспедиционные были. – Горно-Алтайск: Чаптыган, 1994. – 138 с.
11. Суразаков А. С. Житейский океан. – Горно-Алтайск: Чаптыган, 1995. – 36 с.
12. Суразаков А. С. Звездный ветер. Сборник стихов. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская республиканская типография, 2003. – 46 с.
13. Суразаков А. С. Древо познания. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2011. – 32 с.
14. Русский космизм: антология философской мысли / сост. С. Г. Семёновой, А. Г. Гачевой. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.

© М. С. Дедина, 2023

УДК 372.8

Аксенова Л. Н.
Государственный гуманитарно-технологический университет

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ В РАБОТАХ А.С. СУРАЗАКОВА

Аннотация. Изучение региональной истории является важным направлением в современном школьном историческом образовании. Большую роль в подготовке учебника по истории Горного Алтая сыграл А. С. Суразаков. Вопрос о создании первых учебников по региональной истории в Республике Алтай, их преемственности с учебниками предыдущего периода рассматривается в статье. Анализ учебника в соответствии с временем его написания свидетельствует не только

о знании истории, но и ответственности автора перед школьниками, для которых он предназначался.

Ключевые слова: историческое образование, учебник, школа, функции учебника, структура учебника, учитель, требования, значение.

Aksenova L. N.
State Humanitarian and Technological University

STUDYING THE HISTORY OF THE NATIVE REGION IN THE WORKS OF A.S. SURAZAKOV

Abstract. The study of regional history is an important area in modern school history education. A.S. Surazakov played a major role in the preparation of the textbook on the history of Gorny Altai. The issue of the creation of the first textbooks on regional history in the Altai Republic, their continuity with textbooks of the previous period is discussed in the article. Analysis of the textbook in accordance with the time of its writing testifies not only to knowledge of history, but also to the responsibility of the author to the schoolchildren for whom it was intended.

Key words: historical education, textbook, school, functions of the textbook, structure of the textbook, teacher, requirements, meaning.

Необходимость изучения исторического наследия, понимание преемственности в историческом развитии способствует формированию гармоничной личности. От знания истории и культуры зависит уровень развития общества, формирование гражданина и патриота своей страны. Министерство РФ своим приказом от 31 мая 2021 г. утвердило Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, который, согласно приказу, обеспечивает «...сохранение и развитие культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, реализацию права на изучение родного языка, возможность получения основного общего образования на родном языке, овладение духовными ценностями и культурой многонационального народа...» является одной из основных задач современного российского образования [1].

В «Концепции преподавания курса «История России» в образовательных организациях РФ, реализующих основные общеобразовательные программы» (Концепция) как одна из методологических основ курса выделена задача сочетания изучения истории Российского государства и населяющих его народов, истории регионов и локальной истории (истории родного села, города) [2]. В Историко-культурном стандарте выделен этнокультурный компонент содержания отечественной истории. Ключевая мысль, содержащаяся в нем: история страны должна изучаться через историю регионов. «В школьном курсе истории необходимо усилить акцент на многонациональном и поликонфессиональном составе населения страны как важнейшей особенности отечественной истории. Преподавание региональной

истории в контексте истории России является необходимой составляющей развития демократического государства, формирования современной толерантной личности, готовой к восприятию этнического и конфессионального многообразия мира. Для каждого из регионов России должен быть сформирован перечень «сквозных» исторических сюжетов, основанных на балансе между историей государства, общества и отдельных людей, между политической, социальной и культурной историей, между историей национальной, мировой и локальной». Культурное наследие обладает богатым образовательным потенциалом, способствует воспитанию патриотических чувств, развитию интереса к истории. Приобщение к историко-культурным ценностям во многом связано с познанием региональной истории. Использование образовательного потенциала культурного наследия и предполагает его актуализацию.

Дискуссии о месте и роли региональной истории в системе школьного исторического образования России насчитывают не одно десятилетие. Историки как никто другой прекрасно осознают, что изучение региональной и локальной истории – необходимая часть исторического образования и патриотического воспитания населения. В 1970–1980-е гг. развитие получило изучение краеведческого материала в курсе «Истории СССР». Преподавание и изучение краеведческого материала фокусировалось на локальном уровне.

В 1970–1980-е гг. в помощь учителям учеными Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ныне НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова) и преподавателями Горно-Алтайского пединститута (ныне ГАГУ) были подготовлены пособия по краеведению. Например, по плану Министерства просвещения РСФСР предполагалось издание 9 учебных книг по историческому краеведению (1973 г.). В результате неоднократного рассмотрения вопроса о написании «учебных книг» по истории области были подготовлены и изданы коллективом авторов «Рассказы по истории Горного Алтая» и методические рекомендации для учителей истории (4 класс).

В школах региона продолжается разработка методики и содержания школьного краеведения, развивается поисковая и исследовательская деятельность учащихся и растет число школьных музеев. Вкладом в популяризацию истории региона стала брошюра А. С. Суразакова о пазырыкской культуре, народах, живших на территории Горного Алтая. Написанная свободным, живым, доступным для школьников языком она имела большой интерес [3].

В середине 1980-х гг. выходит научно-популярный очерк «Предания старины глубокой» А. С. Суразакова. Автор на основе обобщения имеющихся данных археологии, этнографии, письменных источников знакомит с хозяйством, социальной организацией и этническим составом населения в древнетюркский период. Яркий язык, доступность изложения способствовали привлечению внимания широкого круга читателей [4].

В связи с изменениями, проходившими в стране во второй половине 1980-х гг. и модернизацией образования рассматривается вопрос о расширении сети школ

на алтайском языке и преподавание курса истории Горного Алтая. Необходимы были учебники по региональной истории, рассматривающие на основе хронологического подхода основные события и явления, происходившие в древности на территории Алтая. Научно-методический центр облоно был средоточием подготовки и издания учебников и пособий по родному языку и истории. В феврале 1989 г. был рассмотрен вопрос о программе по истории и культуре Горного Алтая. В ходе небольшой дискуссии утверждена структура изучения учебного предмета начиная с 7 класса. Был утвержден состав авторов программы и учебных пособий по истории Горного Алтая, среди которых был и Суразаков А. С. (Протокол № 1 от 13 февраля 1989 г.).

Введение курса региональной истории в учебный план школ не был обеспечен программой, учебниками или учебными пособиями. С целью оказания помощи учителям в проведении уроков по истории Горного Алтая были подготовлены вначале «Материалы в помощь учителю истории средней школы» [5]. Период древности и средневековья на территории региона был написан А. С. Суразаковым. В предисловии автор определил роль данного пособия или как он называл «брошюры». Это было изложение материала по тем или иным «периодам древней и средневековой истории Горного Алтая». В пособии представлена подробная хронологическая таблица обозначенного периода. Большое внимание уделено изобразительной наглядности, представленной рисунками археологических находок на территории региона, например, орудиями труда из Денисовой пещеры, стоянки Каратурук и др. Автор понимал значение знания терминов учащимися, поэтому дал в материалах для учителя определение частно-исторических понятий, например, нуклеус, ретушь, раскоп, горно-металлургическое производство и т. д. Встречаются в тексте и риторические вопросы, которые позволяют учителям, а затем и учащимся видеть логику рассуждения автора, причинно-следственные связи.

Методистам и учителям по истории необходимо было решать задачу не только отбора содержания курса региональной, локальной истории, но и синхронизации всех курсов, создания и систематизации средств обучения.

В середине 1990-х гг. появляются учебные пособия по истории Горного Алтая, в том числе и А. С. Суразакова, охватывающее период древности и средневековья [6]. Почему это учебник для старших классов не очень понятно, т.к. историю Горного Алтая изучали с 7 класса. За учебный год они должны были изучить период древности и средневековья. На титульном листе обозначено, что это учебник, поэтому постараемся рассматривать его в соответствии с требованиями к учебникам того времени. Задачу анализа содержания учебника с научной точки зрения, автор не рассматривает, хотя за несколько десятилетий со времени выхода учебника, накопилось значительное количество научной информации.

Учебник А. С. Суразакова состоит из следующих структурных компонентов: оглавления, введения, основного текста, разделенного на параграфы, вопросов после параграфа. На форзаце учебника вынесены основные даты курса. Учебник снабжен словарем терминов и важнейшими датами, которые заканчиваются

1826 г. – началом археологических раскопок, но не относящимся к хронологическим рамкам курса. Однако автор подробно излагает историю изучения археологических открытий на территории Горного Алтая, в связи с чем данная дата вполне закономерна.

Хронологические рамки учебника – от ледникового периода до первой половины XVIII в. Содержание учебника подразделяется на главы и параграфы. Параграфы равновеликие и имеют законченный, целостный характер. Число параграфов меньше, чем предполагалось по учебному плану. Учитель при разработке календарно-тематического плана мог использовать учебное время, отведенное для изучения курса на более значимые, сложные для учащихся темы, включать в план и конспект урока факты локальной истории и др.

Учебник выполнял в основном информационную функцию. Потому что для учащихся он являлся главным источником знаний, в котором раскрывалось программное содержание курса. Учебное содержание включало последовательное изложение фактов.

Автор дает подробную характеристику подпериодам учебного курса, раскрывая содержание, не всегда учитывая возраст учащихся. В учебнике автор использовал следующие виды авторского текста параграфа – описание и повествование с элементами объяснения. Проблемный подход не использовался. Развернутое изложение сочетается с конспективным изложением. В тексте учебника были выделены понятия, термины, ключевые слова, например: кибить, миграция, керексур, курултай и т. д.

Текст учебника доступный, в меру насыщен понятиями, выводами. Стиль изложения текста учебника учебно-научный. Как было отмечено, автор использует специальные термины, сложные предложения средней длины.

Дополнительный текст не использовался. Пояснительный текст представлен иллюстрациями учебника. Иллюстрации учебника представлены рисунками, например, рисунки на стенке склепа из Бешозека, фотографиями (Раскопки древнетюркской оградки у с. Куюс), а также исследователей истории Горного Алтая. Данный текст мог способствовать пониманию представленной информации, использоваться для создания образов прошлого.

Наличие хронологической таблицы позволяло учителям вести работу с хронологией, формировать хронологические представления. Вызывает сожаление отсутствие исторической карты, без которой невозможно формирование пространственных представлений.

Сделана Суразаковым А. С. попытка использовать межкурсовые связи с историей России и всеобщей, в том числе по терминам и понятиям, по основным событиям и явлениям, например вопросы к параграфам: «Что мы знаем о быте средневековых скотоводов?».

В конце параграфов существуют вопросы, направленные на управление процессом познавательной деятельности. Расположены они всегда после параграфа и ориентируют учеников на повторение, закрепление и обобщение пройденного материала на уроке. Вопросы и задания чаще всего носят репродуктивный характер.

Например, § 21 «Хозяйство и быт» вопрос «Что является главной отраслью хозяйства населения Горного Алтая в древнетюркскую эпоху» «направлен на запоминание и воспроизведение учебного материала. Однако вопросы к этому же параграфу: Расскажите о других отраслях хозяйства, охарактеризуйте металлургическое производство того времени» направлены на преобразование учебного материала учеником. Встречаются вопросы на формирование оценочных суждений школьников, например, «Как можно оценить монгольское время относительно нашей истории?» На развитие причинно-следственных связей направлены, например, вопросы «Каковы причины вхождения алтайцев в состав России?», «Какое значение имело вхождение алтайцев в состав России?».

Итоги тысячелетней истории развития региона подведены автором в заключительном параграфе, в котором кратко обобщены основные события, явления и процессы.

Изучая историю, мы помним о преемственности учебников и курсов. А. С. Суразаков постепенно, начиная с очерков и брошюр, накопив опыт изложения исторического материала для школьников, смог в соответствии с требованиями того времени представить учебник, по которому работали в школах республики не одно десятилетие. И сегодня некоторые темы могут быть использованы в школе в урочной и внеурочной деятельности обучающихся.

В учебнике и других работах чувствуется присутствие автора, ощущается его любовь к своей малой родине, археологии, которую он передавал школьникам и учителям, мотивируя их, повышая интерес к истории.

Источники, литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edsoo.ru/normativnye-dokumenty/> (дата обращения 18.11.23).
2. Концепция преподавания курса «История России» в образовательных организациях РФ, реализующих основные общеобразовательные программы. Утверждена Коллегией Министерства просвещения Российской Федерации от 23 октября 2020 г. № ПК-1 вн. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/download/3243/> (дата обращения: 12.01.2023).
3. Суразаков С. С. Из глубины веков. Статьи о героическом эпосе алтайцев. – Горно-Алтайск. Алтайское книжное издательство, 1982. – 144 с.
4. Суразаков А. С. Предания старины глубокой. (О голубых тюрках Алтая). Научно-популярный очерк. Под редакцией кандидата исторических наук В. А. Могильникова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1985. – 80 с.
5. Суразаков А. С. Горный Алтай в древности и средневековье: Материалы в помощь учителю истории сред. шк. Горно-Алтайский институт усовершенствования учителей. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский ИУУ, 1990. – 121 с.

6. Суразаков А. С. История и культура народов Горного Алтая. Часть 1. Древность и средневековье. Учебник для старших классов средней школы. – Горно-Алтайск: Юч Сюмер. 1994. – 136 с.

© Л. Н. Аксёнова, 2023

УДК 93

Мукаева Л. Н.

Национальная библиотека Республики Алтай имени М. В. Чевалкова

**ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ АКИН ПОД РУКОВОДСТВОМ
А.С. СУРАЗАКОВА ПО ИЗУЧЕНИЮ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО
СОЦИУМА УСТЬ-КОКСИНСКОГО РАЙОНА
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ**

Аннотация. В статье анализируются результаты научного изучения этноконфессиональной и этнокультурной группы сибирского староверия – уймонских раскольников, осваивавших современную территорию Усть-Коксинского района с середины XVIII в., предпринятого директором Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай А. С. Суразаковым, по инициативе которого в 1993 г. в исследуемый регион состоялась первая изыскательская экспедиция, положившая начало планомерному региональному изучению старообрядческого социума Горного Алтая.

Ключевые слова: Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай, уймонские старообрядцы, Усть-Коксинский район, старообрядческая культура и менталитет.

Mukaeva L. N.

M. V. Chevalkov National Library of the Altai Republic

**FROM THE EXPERIENCE OF AKIN'S WORK UNDER
THE GUIDANCE OF A.S. SURAZAKOV ON THE STUDY
OF THE OLD BELIEVER SOCIETY OF THE UST-KOKSINSKY
DISTRICT OF THE ALTAI REPUBLIC**

Abstract. The article analyzes the results of a scientific study of the ethno-confessional and ethno-cultural group of the Siberian Old Believers – the Uymon schismatics, who have been developing the modern territory of the Ust-Koksinsky district since the middle of the XVIII century, undertaken by the director of the Agency for Cultural and Historical Heritage of the Altai Republic A.S. Surazakov, on whose

initiative in 1993 the first survey expedition took place in the studied region, which marked the beginning of a planned regional the study of the Old Believer society of the Altai Mountains.

Key words: Agency for Cultural and Historical Heritage of the Altai Republic, Uymon Old Believers, Ust-Koksinsky district, Old Believers' culture and mentality.

Вопросы заселения и хозяйственного освоения юго-западной части Республики Алтай в историческом прошлом такой группой сибирского староверия как уймонские раскольники (самоназвание в XVIII – начале XX вв. – каменщики) актуализировались с начала 1990-х гг. Инициатива изучения уймонских старообрядцев – русского социума Горного Алтая принадлежала А. С. Суразакову – директору Агентства по «Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай» (АУ РА «АКИН РА»), созданного им же в 1992 г. Необходимость исследования уймонского социума как особой и уникальной группы русского населения Горного Алтая была обусловлена возникновением с начала 1990-х гг. стойкого научного интереса к проблемам духовной истории и традиционной культуры алтайского старообрядчества и их недостаточной изученностью.

Неразработанность данной темы была связана с тем, что в советское время русское старообрядчество, включая уймонских староверов XVIII – начала XX вв., оставалось «Золушкой» в отечественной историографии, не вызывавшей к себе исследовательского внимания. В результате, научная литература, посвящённая проблематике горно-алтайского старообрядчества, в начале 1990-х гг. была крайне немногочисленной. Фрагментарные сведения по отдельным аспектам истории появления уймонских старообрядцев в Алтайских горах и их культуры отложились в сочинении новосибирский исследовательницы Т. С. Мамсик [1], посвятившей свой труд хозяйственной колонизации бухтарминскими старообрядцами южных отрогов Катунского хребта, в книге В. А. Липинской [2] и в работах К. В. Чистова [3], исследовавшего тему старообрядческого Беловодья как варианта русской до-советской социальной утопии.

Исходя из того, что многие вопросы истории и культуры уймонского староверческого социума к началу 1990-х гг., оставались неизученными, А. С. Суразаков поставил задачу – организовать научную экспедицию для сбора полевых материалов и других источников по историко-культурному и нематериальному наследию русских старообрядцев Уймонской долины. С первых же дней своей деятельности на посту руководителя АКИН Александр Сазонович отстаивал необходимость творческого союза между региональным научным миром и краеведческим сообществом Усть-Коксинского района, поскольку только ученые, вооруженные методами критического анализа архивных, опубликованных источников и данных устной истории могут воссоздать картину исторического прошлого, близкую к действительности, а местные краеведы, погруженные в повседневность бытия, эту картину могли «напитать» культурным колоритом.

Итак, летом 1993 г. состоялась исследовательская экспедиция по изучению истории, культуры и быта уймонских староверов, в ходе которой были посещены

старообрядческие селения: Верх-Уймон, Нижний Уймон, Мульта и другие населенные пункты Усть-Коксинского района. Основной локацией экспедиционных исследований стал районный центр Усть-Кокса. В результате, было выяснено, что в районном архиве данных по историческому прошлому уймонских старообрядцев не имеется, как и в других хранилищах, зато были выявлены краеведы: Л. В. Бухтуева, Г. В. Бескончина, С. М. Головачева, Н. М. Истомина, М. М. Огнев, С. М. Петенева (Ковальчук), Т. Г. Мальцева и другие носители богатейшего пласта устной истории уймонского старообрядчества и русской культуры. Все они являются потомками русского населения, пришедшего в регион в XIX в. и ранее.

С той первой поездки в 1993 г., а ее руководителю удалось совершить еще ряд полевых исследований в 2000-х гг., в истории научного изучения населения Усть-Коксинского района многое изменилось, и в ряде случаев триггером как раз послужили события и результаты экспедиции 1993 г.

Краеведение и архивоведение за 1993–2023 гг. поднялись на достаточно высокий уровень, благодаря начальнику архивного отдела Усть-Коксинского района Л. В. Бухтуевой, организовавшей одиннадцать конференций «Историко-архивные чтения Усть-Коксинского района», начиная с 2006 по 2019 г. В выпусках «Историко-архивных чтений» размещались не только краеведческие, но и научные статьи по истории образования населенных пунктов: Верхнего Уймона, Абая, Усть-Коксы, истории хозяйственного освоения, в которых отразились материалы и результаты экспедиции 1993 г. Кроме того, Л. В. Бухтуевой были сформированы новые фонды по истории региона, в том числе из копий архивных документов, извлеченных из сибирских архивов. Ею же подготовлен сборник документов по истории Усть-Коксинского района за XIX в. – 1940 г.

Тематические краеведческие конференции в 2007–2009 гг. проводила Е. В. Королева (Скопырская) – директор Государственного музея-заповедника имени Н. К. и Е. И. Рерихов – филиала Национального музея Республики Алтай имени А. В. Анохина. Материалах краеведческих конференций «Традиции природопользования народов Горного Алтая» руководитель экспедиции 1993 г. публиковала материалы по истории хозяйственного освоения современного Усть-Коксинского района в досоветском прошлом [4].

Одним из активнейших краеведов Усть-Коксинского района является Н. И. Кошева, возглавившая с 2007 г. школьный комплексно-краеведческий музей (создан 19 апреля 2004 г.) в с. Карагай. Данный музей, работая по направлению «История малой родины» в рамках программы «Юный краевед, осуществил несколько многолетних проектов, а Н. И. Кошева опубликовала несколько краеведческих изданий по истории Карагая.

Результаты полевых исследований 1993 г. были обобщены в «Отчете полевой экспедиции 1993 г.», переданного в АКИН, и изложены в двух статьях «Уймонские раскольники» [5], «Некоторые черты социально-психологического и культурологического типа русского населения Горного Алтая в досоветское время (К постановке проблемы)» [6].

Уже в первых региональных работах по теме уймонского старообрядчества были поставлены в научную повестку и освещены многие вопросы, развернутые автором в последующих трудах: время и причины появления каменщиков в Алтайских горах их социальный состав, обстоятельства возвращения беглых староверов в российское подданство; дана краткая, но емкая характеристика хозяйственно-практической деятельности каменщиков во второй половине XVIII – начале XX вв. Автор, основываясь на данных экспедиции 1993 г., пришла к выводу, что длительная изоляция, оторванность от других этнических центров, отсутствие вплоть до 1870-х гг. колесных дорог привели к складыванию в Уймонской долине особого жизненного уклада и своеобразного культурно-психологического типа этой части русского населения. Согласно ее выводам, уймонские староверы законсервировали те традиции русской жизни, которые они принесли с собой в Алтайские горы в XVIII столетии; в то время как у остального русского населения края Алтая все менялось в соответствии с духом и запросами времени, общественный быт и культура уймонских старообрядцев оставались практически без изменений [5, с. 47].

Все досоветские путешественники, в разное время побывавшие на Уймоне, отмечали, что местные староверы очень религиозны, уделявшие много времени чтению молитв и Священного Писания. Почти до начала XX в. уймонские жители не знали светской литературы: книги, которые их предки принесли с собой и сберегли, были исключительно-духовно-религиозного содержания. Несмотря на постоянную замкнутость и изоляцию, уровень грамотности уймонского населения, включая женщин, был высоким. Чтение и письмо практически знали все. В старообрядческих домах, как правило, было много старинных медных створчатых икон. Раскольники, сохраняя себя в «древнем благочестии», тщательно оберегались от всего мирского, не употребляли вино-водочные изделия, табак, китайский чай, даже бадан в их среде был под строгим запретом. Среди старых уймонцев было распространено скитничество, чему в немалой степени способствовала уединенная жизнь на отдаленных заимках, расположенных высоко в горах [5, с. 47]. Исследователей этой части Горного Алтая всегда поражали такие качества жителей горных деревень, как смелость, отвага, решительность и уверенность в себе, бескорыстие и готовность прийти на помощь, поразительное умение быстро адаптироваться к суровым природно-климатическим Катунского высокогорья [7, с. 89–90].

В последующие годы история научного изучения уймонских раскольников продолжилась, шло выявление архивных документов в Государственном архиве Алтайского края, Государственном архиве Томской области, Государственном архиве Новосибирской области, Российском государственном историческом архиве, а также опубликованных источников, в том числе периодики и других артефактов, отложившихся в хранилищах Российской Национальной библиотеки (РНБ), Российской Государственной библиотеки (РГБ), изучались досоветские издания в газетном фонде РНБ на Фонтанке.

На сегодняшний день по теме уймонского старообрядчества опубликовано около 200 работ, в них уточнены и освещены многие вопросы истории и культу-

ры этой группы южно-алтайского староверия: заселение и хозяйственное освоение уймонскими старообрядцами алтайского высокогорья, динамика хозяйственно-практической деятельности уймонцев в XVIII–XXI вв., механизмы адаптации староверов к природно-климатическим условиям Верх-Катунского высокогорья и Уймонской степи, особенности их хозяйственной культуры и менталитета, обстоятельства появления русских поселений в алтайском высокогорье, а также многие аспекты социальной истории и духовной жизни раскольников Уймоны.

По мнению автора работ, основными причинами появления раскольников в Алтайских горы, точнее их побегов в труднодоступные каменные ущелья Верх-Катунского высокогорья являлись их эсхатологические представления о сопутствующем им времени как «конце света», выраженные формулой «удалятися и бегати подобает в Антихристово время» [8, с. 154; 9, с. 79–81]. Но при этом конечно, нельзя не учитывать социальные обстоятельства, в немалой степени влиявшие на настроения мастеровых (бергалов), трудившихся на горных предприятиях Кабинета Его (Ее) Императорского Величества, управлявшего царской собственностью на Алтае. Бергалы считали, что Антихрист воцарился на кабинетских заводах и рудниках и мучает их непосильной работой [9, с. 83].

Начало освоения бухтарминских и катунских верховий историки относят к 1720-м гг. [1, с. 4]. Путь, по которому пришло первое поколение предков уймонских насельников – это Кузнецкий край – Уба – Холзун – южные отроги Катунского хребта. Как свидетельствует исследовательская литература по истории сибирских старообрядцев первые алтайские раскольники вначале поселились в глухой кузнецкой тайге. Но с появлением в этих местах воинских и казачьих команд они ушли в труднодоступные места Южного Алтая, в верховья алтайских рек Катунь и Бухтарма. За высокими каменными хребтами находили прибежище спасавшиеся от религиозных преследований раскольники, мастеровые, не желавшие отбывать службу на рудниках и горных заводах, солдаты, уходившие в горы от рекрутской повинности [5, с. 46]. По словам дореволюционной исследовательницы М. П. Швецовой, изучавшей причины появления раскольников в Алтайских горах, в Бухтарминско-Катунскую зону уходили и «поляки» – потомки староверов, в свое время бежавших в Польшу и возвращенных Екатериной II в 1763–1769 гг., часть их была расселена в западной части Алтая [10, с. 19]. Основную массу алтайских каменщиков, – так стали называть укрывшихся в ущельях каменного Алтая старообрядцев, составляли последователи беспоповского согласия, не признававшие церковь и институт священства. По берегам притоков Верхней Катунь и Верхней Бухтармы беглецы основали раскольничьи общины с определенной системой хозяйствования. Как правило, они проживали в малодворных поселениях в 2–3 двора, разбросанных по высокогорным долинам и ущельям. Заимки даже в один двор, если там были женщины, домашние животные, предметы технического прогресса того времени, например, топор, представляли собой значительное культурное явление. Общее число поселений беглых раскольников в 1760-х гг. составило 17, а в 1780-х гг. – 30. В них каменщики строили небольшие избышки, бани, амбары, мель-

ницы, распахивали удобные места, промышляли охотой, собирательство, рыбной ловлей. Достаточно быстро они смогли наладить взаимовыгодную торговлю со своими южными соседями: китайцами, монголами, казаками [5, с. 46]. При первоначальном освоении алтайского высокогорья хозяйственная деятельность предков уймонских крестьян отличалась промыслово-земледельческими чертами. Жители горных деревень, осваивая верх-катунские верховья, основали комплексное хозяйство, включавшее пашенное земледелие, промыслы, носившие ярко выраженный торговый характер (добыча и продажа пушнины). Особенно значительным был охотничий промысел. Не случайно, в XIX – начале XX вв. охота оставалась любимым занятием уймонских крестьян, о чем писали путешественники, побывавшие в старообрядческих деревнях [11]. Ближе к концу XVIII в. в раскольничьей среде Бухтармы и Уймоны стали складываться легенды о недоступной для царской администрации богатой и привольной стране Беловодье, только здесь можно было согласно представлениям староверов сохранить в неприкосновенности «древлеотеческую веру». К тому же хозяйственные успехи каменщиков, создавших в конце XVIII в. особую модель многоукладной экономики, включавшей мелкотоварное хозяйство, порождали слухи о вольной крестьянской стране, отделенной от остального мира непроходимыми высокогорными хребтами. Горные деревушки Верхней Бухтармы и Верхней Катунь являлись заветной мечтой для заводского люда и приписных крестьян, а предприимчивые и инициативные люди надеялись стать в Камне крепкими хозяевами [5, с. 46].

Итак, во второй половине XVIII в. старообрядчество прочно обосновалось на южных склонах Алтайских гор. Бухтарминско-Катунские верховья стали для старообрядцев «пустыней», где они надеялись обрести спасение от мира и от воцарившегося, по их глубокому убеждению, в стране Антихриста. В Бухтарминско-Катунском районе беглые старообрядцы встретились с представителями скотоводческих культур и китайской цивилизации. С XVIII в. на этот регион стал претендовать Китай, разгромивший в середине столетия Джунгарскую империю. В течение длительного времени Бухтарминско-Верх-Катунский край являлся буферной зоной между Китайской и Российской империями, но де-юре принадлежал все же Китаю. Несмотря на свое довольно длительное присутствие в этом регионе, китайцы не смогли закрепить его за собой. Единственное, что им удалось, так это наладить несение пограничной службы по высокогорным плато и плоскогорьям Южного Алтая. Российские попытки заселения и освоения этого района правительственными мерами тоже оказались безуспешными. Но то, что не удалось двум могущественным империям, смогли осуществить беглые раскольники во второй половине XVIII столетия.

По мере приближения к местам старообрядческих поселений казачьих команд и рудоискательских партий каменщики уходили все выше и выше, забираясь в самые неприступные ущелья южных отрогов Катунского хребта. Казачьи команды, отправляемые в Южный Алтай на поимку беглецов, никого поймать не могли и ограничивались только тем, что разоряли посева и сжигали поселения

каменщиков [5, с. 46]. Скрываться от горной администрации с каждым годом становилось все труднее, кроме того в старообрядческой среде начались разногласия, усугубленные трехлетним неурожаем. Все это вместе взятое, а также ощущение постоянной «зыбкости» своего пограничного положения в буферной зоне между Россией и Китаем, потребность в государственной защите вынудили каменщиков задуматься о протекторате. Сначала они обратились к китайскому правительству с просьбой о принятии их в подданство Китая. Но китайский император в этом каменщикам отказал, к тому же их пребывание в китайском городе и наглядное знакомство с особенностями чуждого им образа жизни произвели на них такое отвратное впечатление, что они больше не рисковали обращаться с подобными просьбами к китайской стороне. В том же году старообрядцы сумели выйти на представителей горных властей Алтая, изложив им свои просьбы о возвращении в состав Российского государства. В российское подданство горно-алтайские староверы вернулись указами Екатерины II, объявленных им в 1792 г., по ним они получили значительные льготы: были записаны в разряд ясашных крестьян с предоставлением широких прав, привилегий, свобод [5, с. 46–47]. События 1792 г. в значительной степени ускорили заселение и хозяйственное освоение русским населением территории Горного Алтая. Именно это время следует считать временем основательного закрепления русских старообрядцев в горах Алтая. Взяв в подданство староверов, правительство распространило свое влияние до китайской границы.

После императорских указов каменщики оставили свои суровые и неприступные ущелья и переселились в более просторные и широкие долины по притокам Бухтармы. Но семья старообрядца Гаврилы Бочкарева, выходца с бухтарминского притока – р. Белой, по прозвищу Бочкарь, несогласная с этим решением, отделилась от основного бухтарминского социума и укрылась в устье Аргута – правого притока Катуня. Здесь Бочкаревым удалось продержаться несколько лет, после чего они были обнаружены торговцем, сообщившим о них горным властям. По настоянию кабинетской администрации Бочкаревы покинули Аргутское ущелье и перебрались в широкую Уймонскую долину, где ими была основана дер. Верх-Уймон. Год возникновения деревни датируется по-разному: от 1796 по 1798 г. [12, с. 90–91]. В 1824 г. раскольники получили местное самоуправление – Уймонскую управу на основании Общего Положения об управлении сибирскими инородцами 1822 г. и официальный статус оседлых инородцев [5, с. 4].

В первой половине XIX в. центром уймонского старообрядчества была дер. Верхний Уймон, к которой стали приселяться другие раскольники с Бухтармы. Примерно в 1826 г. появилась дер. Нижний Уймон. Непреложной истиной является то, что все уймонские каменщики вышли из верх-катунского и верх-бухтарминского социумов. В 1840–1890-х гг. от старообрядческих горных деревень по берегам катунских притоков потянулись заимки, представлявшие отдельные поселения крестьянских семей, которые, в свою очередь, разрастались в новые деревни. Так были основаны деревни: Щелкино, Горбуновка, Терехта. Последнюю деревню

основал вернеуймонский старообрядец В. Блинов, отделившийся от односельчан для занятия пчеловодством. Следует отметить, что в досоветское время уймонские старообрядцы, как и горно-алтайские крестьяне в целом, широко практиковали заимочную форму поселений. Сначала поселялись одна–две семьи. Они обзаводились жилыми домами, хозяйственными постройками, пасаками, маральниками, распахивали землю, разводили скот. Сразу же строили основательные жилища: дома-связь, избы с прирубком, пятитенки с сенями; рубили в угол, крыши делали с четырьмя или с двумя скатами; битые из глины русские печи обкладывали деревянными щитами для крепости. Если место под поселения было выбрано удачно, то к ним приселялись другие крестьяне. Так первоначальная заимка превращалась в деревню, от которой в свою очередь тянулись выселки. Многие крестьяне горных деревень, расположенных в речных долинах, имели в горах на расстоянии 5–20 км. от собственного жилья заимки, где держали пасеки и скот, маралов. По словам дореволюционного исследователя А. Михайловича, Уймонский край уже в первой половине XIX в. стал классическим очагом и приютом русского раскола. В его дебрях, щелях, долинах, за каменными хребтами при полном отсутствии путей сообщения, последователи древнего благочестия могли свободно жить, отправляя свои обряды [13, с. 12].

Итак, в Уймонской степи сложилось несколько старообрядческих поселений: Верх-Уймон, Нижний Уймон, во второй половине XIX в. – Мульта. На новом месте старообрядческое население создало определенный тип хозяйства, не выходящего за рамки традиционной русской культуры, но имевшее специфические особенности, обусловленные своеобразием природы и климата юго-западной части Горного Алтая; оно было комплексным, товарным и включало занятия: земледелие, скотоводство, высокогорное пчеловодство, мараловодство, таежные промыслы: охоту, сбор кедрового ореха, собирательство [5, с. 47].

Образование главного центра старожильческого населения Уймонской долины – с. Усть-Коксы происходило в рамках общих процессов заселения и хозяйственного освоения этой части Алтая русским населением. Основателями деревни были старожилы из Шуйской волости Кузнецкого уезда. По социально-правовому статусу они были оседлыми инородцами, платившими ясак, занимались охотой, рыболовством, немного земледелием для личного потребления. Но затем начальство обложило их подушной податью и другими повинностями, как русских крестьян Кузнецкого округа. В результате, шуйцы обеднели, за ними скопились недоимки, в дополнение к этому прибавилось уменьшение зверя в тайге вследствие притока населения. Обедневшим жителям Шуйской волости наиболее вероятным выходом из бедственного положения представлялся переезд на новое место жительства, где они бы могли в прежних размерах заниматься охотой, рыболовством и другими таежными промыслами. Наиболее предприимчивые шуйцы, желавшие перебраться на новое место, – А. Бухтуев, Ефим, Савелий и Митрофан Кудрявцевы (или Кудрины) обратились в Казенную палату Томской губернии с прошением, в котором просили разрешения переселиться, как они объясняли, на «никем не за-

селенные земли около Алтайских хребтов вверх по Катуню в Уймонской степи», и зачислить их в разряд кочевых инородцев с уплатой ясачной подати. При этом они обещали заплатить все недоимки по месту выхода. Решение Томской казенной палаты оказалось компромиссным: руководствуясь законом о праве оседлых инородцев на свободу выбора места жительства, губернская администрация разрешила группе Бухтуева, в которой насчитывалось 45 душ мужского пола родственников и «прочих товарищей», переселение вглубь Алтайских гор, куда они и просились, но, следуя тем же правовым нормам, начальство отказалось переводить их в разряд кочевых инородцев, поскольку переход из оседлого состояния в кочевое российским законодательством не допускался. В итоге, шуйцы остались оседлыми инородцами с правом уплаты ясака [14, с. 49–50].

Первые усть-коксинцы под постоянное место жительства облюбовали одно из красивейших мест в Горном Алтае – место слияния Коксу с Катунью – Катунскую стрелку. Выбранное место оказалось удачным. Усть-коксинские жители сумели максимально приспособиться к новой природно-климатической и социальной среде, население Усть-Коксы быстро росло. Благодаря усть-коксинцам, православный фактор стал во многом определять социокультурную и экономическую ситуацию в Уймонском крае. Здесь стали селиться православные крестьяне из различных волостей округа, а после отмены крепостного права – из других губерний страны. Сами жители Усть-Коксы тоже активно расселялись по западной части Уймонской степи, используя тот же заимочный способ освоения. Начало их массового заимочного движения относится к 1860-м гг., когда усть-коксинские «ясачные инородцы» по речкам, впадающих в Катунь, устраивали заимки, быстро перераставшие в деревни. Интенсивный процесс образования заимок привел к значительным селообразовательным результатам. Из Усть-Коксы выделились заимки: Красноярка, Тюгурюк, Власьевка, Кайтанак, Огнева, Баштала (1875 г.) и Кастахта (середина 80 гг. XIX в.). Высокогорное село Юстик на р. Коксе было основано усть-коксинским крестьянином И. Бухтуевым, он построил добротную заимку с пасекой. Впоследствии, к нему присоединились жители дер. Малый Башчелык Бийского округа, крестьяне из Алтайской и Ануйской волостей и выходцы из внутренних губерний страны [14, с. 50–52].

Вторым по времени возникновения старейшим русским селением Усть-Коксинского района является село Абай. Дата его основания датируется – 1826 г., или даже 1825 г. [15, с. 46]. Образование Абая происходило в рамках общих переселенческих процессов, происходивших в Алтайских горах. Вначале это было небольшое старожильческое поселение, в середине XIX в. оно превратилось в миссионерский поселок, а в конце 1870-х гг. стало переселенческим. Население Абая в социальном и этническом отношении было неоднородным; по социокультурному облику оно являлось русско-алтайским селом, проживали в нем и старообрядцы. Природно-климатические условия Абайской долины благоприятствовали развитию здесь хлебопашества, разведению мелкого и крупного рогатого скота, пчеловодства и различных промыслов. Здесь было много удобной для земледелия земли

и прекрасных сенокосов, на лугах – медоносных растений, тайга изобилвала промысловым зверем, а реки – рыбой [15, с. 48–49].

Благодаря появлению новых населенных пунктов: Усть-Коксы, Абая, Катанды, конфессиональная картина региона со второй четверти XIX в. стала меняться, но значительную роль в социально-экономических процессах по-прежнему играли старообрядцы.

Итак, вопросы уймонского староверия и в целом русского населения Усть-Коксинского района в историческом прошлом, изучение которых было инициировано А. С. Суразаковым в начале 1990-х гг., в настоящее время стали устойчивыми сюжетами в региональной исторической науке, привлекая к себе исследовательский интерес со сторон ученых других регионов Сибири.

Источники, литература

1. Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры». – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. 1989. – 240 с.
2. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае, XVIII–начало XX в. – М.: Наука, 1996. – 267 с.
3. Чистов К. В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР. – Петрозаводск, 1962. – Вып. 35. 1962. – С. 116–182.
4. Традиции природопользования народов Горного Алтая. Материалы конференции / Сост. Е. В. Королева, С. Ф. Королев. – Бийск: Издательский дом «Бия». – 256 с.
5. Мукаева Л. Н. Уймонские раскольники // Кан-Алтай. 1994. – № 4. – С. 46–47.
6. Мукаева Л. Н. Некоторые черты социально-психологического и культурологического типа русского населения Горного Алтая в досоветское время (К постановке проблемы) // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Горного Алтая / Ред. Елин В. Н., отв. ред. Суразаков А. С. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 103–105.
7. Ледебур К. Ф. Путешествие по Алтайским горам и предгорьям Алтая // Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / пер. с нем. Отв. ред. О. Н. Вилков, А. П. Окладников. – Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1993. – С. 14–156.
8. Мукаева Л. Н. Беловодье как реализация старообрядческой эсхатологической мифологии. // Социальные процессы в современной Западной Сибири / Под общей редакцией доктора философских наук Ю. В. Табакаева. – Горно-Алтайск, 2001. – С. 152–161.
9. Мукаева Л. Н. Беловодские легенды – феномен духовной культуры Алтая и России // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет. Т. 15. 2020. – С. 79–86.

10. Швецова М. П. Поляки Змеиногорского округа // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 26. – Омск, 1899. – С. 1–92.

11. Сапожников В. В. По Русскому и Монгольскому Алтаю. – М., Государственное издательство географической литературы, 1949. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/sapozhnikow_w_w/text_0020.shtml (дата обращения 29.11.2023).

12. Мукаева Л. Н. «Желание быть гласными правительству»: история принятия беглых старообрядцев Алтая в российское подданство в конце XVIII в. // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – № 3. – С. 83–92.

13. Михайлович А. Русская колонизация горного округа Алтая. – Тобольск, 1896. – 38 с.

14. Мукаева Л. Н. Заселение и хозяйственное освоение Усть-Коксы в досоветском прошлом // Усть-Коксинские архивные чтения. Вып. 1. Материалы первых и вторых архивных чтений / сост. Л. В. Бухтуева, Л. В. Кассир. – Барнаул, 2007. – С. 49–53.

15. Мукаева Л. Н. Заселение и хозяйственное освоение Абайской долины на примере села Абай // Усть-Коксинские историко-архивные чтения. Материалы третьих, четвертых, пятых, шестых, седьмых историко-архивных чтений / сост. Л. В. Бухтуева, Л. В. Кассир. – Усть-Кокса: Издательство ООО «Пять плюс», 2014. – С. 46–52.

© Л. Н. Мукаева, 2023

УДК 030

Шастина Т. П.

Национальная библиотека Республики Алтай имени М. В. Чевалкова

«РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ. КРАТКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» КАК ОПЫТ СИСТЕМНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ РЕГИОНА

Аннотация. Книга «Республика Алтай. Краткая энциклопедия» рассматривается в контексте повышения интереса к созданию региональных энциклопедий в России конца XX – начала XXI вв. Автор подчеркивает специфику работы редколлегии и трактует издание в целом как влияющее на формирование позитивного имиджа региона, имеющего глубокие национальные традиции, ставя в заключении вопрос о необходимости создания полной энциклопедии.

Ключевые слова: книга «Республика Алтай. Краткая энциклопедия», Горный Алтай, главный редактор, А. С. Суразаков, имидж региона, Российская национальная библиотека.

Shastina T. P.

M. V. Chevalkov National Library of the Altai Republic

«ALTAI REPUBLIC. A SHORT ENCYCLOPEDIA» AS A PRESENTATION OF THE REGION

Abstract. The book «Altai Republic. The short encyclopedia» is considered in the context of increasing interest in the creation of regional encyclopedias in Russia in the XX – XXI centuries. The author emphasizes the specifics of the work of the editorial board. According to the author, the publication influences the formation of a positive image of a region that has deep national traditions. The author raises the question of the need to create a complete encyclopedia.

Key words: the book «Altai Republic. Short Encyclopedia», Gorny Altai, editor-in-chief, A. S. Surazakov, image of the region, Russian National Library.

Региональные энциклопедии в России регулярно начали выходить с конца 1980-х гг. Специалисты Российской национальной библиотеки отмечают, что наибольшее число таких энциклопедий, выпускавшихся в течение одного года, «было отмечено во второй половине 2000-х годов. Самым урожайным стал 2007 г., когда в свет вышло 30 энциклопедий. К началу октября 2012 г. число выявленных печатных региональных энциклопедий, изданных в России с 1957 по 2012 год, достигло 292» [1, с. 67]. Проблемы работы над подобными изданиями активно обсуждались в начале XXI в., было проведено несколько научных конференций: Всероссийская научно-практическая конференция «Региональные энциклопедии в культурном пространстве России» (г. Чебоксары, 17–18 авг. 2007 г.); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Исторический опыт, актуальные проблемы развития российской региональной энциклопедистики» (Уфа, 27–28 сент. 2012 г.).

На рубеже веков вышли энциклопедические издания «Все о Мордовии: Энциклопедический справочник» (1997); «Татарский энциклопедический словарь» (1999); «Удмуртская Республика: Энциклопедия» (2000); «Краткая чувашская энциклопедия» (2001) и другие. На начальном этапе развития движения по созданию региональных энциклопедий лучшей была признана «Башкирская энциклопедия» (суммарный объем 4308 страниц) [2], начинавшаяся с краткого варианта в 1996 г.

Идея создания энциклопедического издания о нашей республике в указанный период тоже витала в воздухе. Александр Сазонович Суразаков первым начал её реальную разработку, учредив в журнале «Кан-Алтай» раздел «Материалы к энциклопедическому справочнику «Республика Алтай». Начиная публикацию этих материалов, он писал: «...идея та так и остается идеей. В то же время необходимость в подготовке такого труда отнюдь не уменьшается и актуальности своей не теряет. Исходя из этого, более года назад Фонд (Фонд имени С. С. Суразакова – Ш.Т.) выступил с инициативой создать на первых порах хотя бы краткий энци-

клопедический справочник «Республика Алтай». Причем ставка была сделана на профессионалов-энтузиастов. И те бескорыстно на это откликнулись.

Однако работа здесь, учитывая трудности нашего сложного времени, может затянуться на достаточно продолжительный период. Иными словами, с этого номера мы открываем в журнале специальный раздел, где будут публиковаться подготовленные на сегодняшний день материалы. Пусть они уже сейчас послужат нашему обществу, да и апробацию пройдут соответствующую» [3, б/с].

В этом номере журнала опубликованы были только справочные статьи, написанные самим А. С. Суразаковым: Балбалы, Башадарские курганы, Бодунова купца дом, Грязнов Михаил Петрович, Елангашские петроглифы, Керексуры, Киселев Сергей Владимирович, Ледебур Карл Фридрих, Оленные камни, Пазырыкские курганы, Письмена древнетюркские, Руденко Сергей Иванович, Тобокова купца лавка, Тюркология, Хунну.

В «Кан-Алтае» начиная с этого номера раздел «Материалы к энциклопедическому справочнику «Республика Алтай» стал постоянным (и подавляющее число справочных статей для него было подготовлено А. С. Суразаковым, без его материалов не выходила ни одна подборка). В следующем выпуске к статьям Суразакова были добавлены две справочные статьи З. С. Казагачевой: Алтайская духовная миссия, Чевалков Михаил Васильевич; в третьем к авторам справочных статей присоединилась Л. Н. Тыбыкова. Во втором номере за 1997 г. в этом разделе помимо справочных статей была опубликована обзорная статья Н. М. Киндиковой «Алтайская литература», в номере третьем – обширная справочная статья Л. Т. Баштыковой «Библиотека универсальная научная Республики Алтай». В первом (и единственном) номере за 1998 г. статьи раздела, посвященные сибирским областникам – одним из столпов алтаеведения Г. Н. Потанину и Н. М. Ядринцеву, написаны А. А. Иркитовой; она же – автор статей о Л. П. Потапове и Ф. А. Сатлаеве в единственном номере за 1999 г. и о С. Я. Пахаеве – в номере за 2000 г., оказавшемся последним для данного периодического издания (всего вышло 19 выпусков «Кан-Алтая»).

Таким образом, мы можем со слов А. С. Суразакова само появление идеи создания региональной энциклопедии в Горном Алтае с уверенностью датировать как минимум 1994-ым годом, начало её разработки – 1995-ым.

Профессионалы-энтузиасты, готовившие «Материалы к энциклопедическому справочнику «Республика Алтай», составили костяк авторского коллектива будущей краткой энциклопедии. К началу работы над нею в Сибири тоже был опыт создания энциклопедии национального региона – двухтомной «Энциклопедии Хакасии» [4]. Она создавалась на протяжении нескольких лет, коллектив столкнулся со множеством трудностей - см. подробнее [5], но по прошествии времени стало ясно, что успешное завершение проекта было обеспечено прежде всего внушительным научным обоснованием, положенным в основу изданных перед началом работы методических указаний [6]. Их составители – виднейшие ученые Хакасии: Боргоякова Тамара Герасимовна, профессор, доктор филологических наук,

директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии; Торосов Владислав Михайлович (1937–2018 гг.), кандидат экономических наук, заслуженный деятель науки Республики Хакасия, Председатель Хакасского республиканского общественного движения Совет старейшин родов хакасского народа (2003–2017), Кузьмин Валентин Анатольевич (1943–2007 гг.) – доктор философских наук, профессор, ректор Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.

Этими методическими указаниями руководствовалась и редколлегия краткой энциклопедии Республики Алтай, которую возглавил Александр Сазонович Суразаков – и не просто возглавил, а выполнил сложнейшую часть подготовительной работы: составление и утверждение словника, формирование авторского коллектива. К работе над написанием алфавитной части книги и обзорных очерков были привлечены крупнейшие специалисты Республики Алтай.

Опыт соседнего региона позволил значительные объемы научной информации, накопленные отраслевыми научными учреждениями Горного Алтая и учеными ГАГУ, впервые осмыслить как систему, позволяющую сформировать полное представление о природной и социальной специфике региона.

Данный проект был задуман и осуществлен как книга, влияющая на формирование позитивного имиджа региона. Она напрямую связана с теми составляющими имиджа региона, которые сибирские ученые сегодня выдвигают на первый план: «историческая глубина региона», «уровень и качество культуры», «демографическая динамика (то есть степень однородности или разнородности населения, количество носителей «других» культур) [7, с. 24].

Еще на этапе составления словника энциклопедии редколлегия столкнулась с проблемой диспропорции материалов о природной специфике Горного Алтая (их на момент обсуждения было подавляющее большинство) и специфике социальной (практически все из последней категории пришлось заказывать «с нуля», искать ученых и специалистов, владеющих достаточно узкими знаниями). Сведения о флоре и фауне региона оказались исчерпывающе полными, у работавших в редколлегии Н. П. Малкова, А. Г. Манеева, А. М. Маринина был опыт написания «красных книг» и их выпуск уже двумя изданиями: «Красная книга Республики Алтай (животные)» – 1996, 2007; «Красная книга Республики Алтай (растения)» – 1978, 2007; «Красная книга Республики Алтай. Особо охраняемые территории и объекты» – 2000, 2002 гг. А вот архивисты, сотрудники министерства культуры РА, ученые Института алтаистики им. С. С. Суразакова, историки и филологи ГАГУ за два года непосредственной подготовки издания (2008–2009) значительно пополнили банки данных, на которых основывались предшествующие обобщающие труды по истории Горного Алтая, его этнографии и культуре, пересмотрели многие устоявшиеся оценки личностей и событий.

В итоге наш регион предстал в краткой энциклопедии как перекресток культур и народов, сменявших друг друга на его обширных пространствах на протяжении нескольких исторических эпох. Эта мысль проходит красной нитью обзорного

очерка, занимающего пятую часть объема книги. В традиционном для региональных энциклопедий и справочников разделе «Общие сведения» описываются месторасположение субъекта и его границы – внешние (с Казахстаном, Китаем, Монголией) и внутренние – с республиками Тыва и Хакасия, с Алтайским краем и Кемеровской областью. Трансграничность территории, её отдаленность от любых столиц и центров, маленькая плотность населения, экологическая привлекательность вкупе с общепризнанной уникальностью ландшафтов и локальная мифология способствовали тому, что 5 природных объектов РА были внесены в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (объект «Алтай – золотые горы»), что было акцентировано в этом разделе.

Глубинный смысл данного образного названия пояснен в справочной статье «Алтай», написанной известнейшим фольклористом З. С. Казагачевой. Она проанализировала топоним «Алтай» в поэтике тюрко-монгольских народов, подчеркивая, что у алтайцев он «может обозначать и конкретное географическое понятие, и выступать в нарицательном значении» [8, с. 83]. В алтайских представлениях это и срединный мир, где сталкиваются силы Добра и Зла, и Земля–родина, и центр Вселенной. Антропоморфно осознаваемый, Алтай мылится как особо оберегаемая свыше территория.

Поэтической строкой Г. В. Кондакова «Алтай – колокол земли» открывает раздел «Общие сведения и особенности природы» А. М. Маринин, интерпретируя этот образ метагеографически: «Алтай с высот массива Белухи как бы оповещает мир о своем господствующем центр. положении, молодости и живучести древних геол. структур, их безбрежном движении с импульсами неравномерных толчков, истекающих как будто из kloкочущего сердца раскаленных глубин огромного субконтинента Земли – Евразии» [8, с. 6]. Уточним, лирическим героем Г. Кондакова Алтай воспринимается с внешней точки зрения:

Ту землю, что меня вскормила,
Не зря высокой нарекли.
Издалека Алтай мой милый
Похож на колокол земли... [9, с. 50].

Подобная точка зрения формируется у всякого, кто впервые оказывается в Горном Алтае, т. е. и у потенциального читателя энциклопедии. Для него столь подробно описаны достопримечательности Сибирской Швейцарии (этот бренд довольно устойчиво закрепился за регионом). Движение по республике по Чуйскому тракту или по Турачакской трассе – это восхождение от подножия к вершине, знакомство с вертикальной поясностью, смена пейзажей за каждым поворотом. Географические образы региона описаны весьма подробно, они показывают регион как центральную, самую красивую часть горной страны Алтай.

От Бабыргана, встречающего путников на границе республики, до высокогорного плато Укок, будоражащего сознание своими тайнами, можно добраться по единственной трассе – Чуйскому тракту (статья о тракте написана В. П. Ойноше-

вым). С каждой горой, с каждым перевалом, рекой или родником на пути следования связаны мифы, легенды и предания, уходящие корнями в седую древность. На наш взгляд, внимание к мифопоэтике коренного населения можно назвать отличительной чертой нашей энциклопедии.

Основные этапы древней истории и средневековья очерчены Л. М. Чевалковым (этнополитическую историю с XI в. и до наших дней описали Н. В. Екеев и Л. Н. Мукаева). На основе археологических данных он выстраивает схему заселения описываемого пространства начиная с палеолита, показывает процесс этногенеза предков современных алтайцев, основы мировоззрения в скифскую, гунно-сарматскую эпоху, в частности, культ героизированных предков, породивший образ воина-богатыря алтайских героических сказаний, известных ныне всему миру. Этот очерк, как и алфавитные статьи, написанные археологами, порождает мысль о том, что земля Горного Алтая действительно благословенна, если на ней люди селились с незапамятных времен (названные в энциклопедии археологические памятники располагаются практически по всей территории региона), искали на ней спасения от врагов, и горы защищали их, давали приют, становились соучастниками в радости и горе. Отсюда – культ гор на Алтае (см. статьи «Обо Таш», «Родовое место» Т. М. Садаловой), отношение к ним как к первопредкам, антропогенное их восприятие. Горы порождали различные культуры (в археологическом значении термина) и сами становились носителями текстов, сохранив до нашего времени рунические письмена и наскальные рисунки (см. статьи Л. Н. Тыбыковой и И. А. Невской «Рунические письмена Бичикту-Боба», «Рунические письмена Калбак-Таша»), привлекающие в Горный Алтай исследователей со всего мира.

Итак, историческая глубина региона отражена в энциклопедии достаточно полно, удачно отобраны археологические и исторические объекты, формирующие образ «древнего Алтая», «седого Алтая», который сливается с образом Хозяина Алтая; он всё видит и всем, обращающимся к нему, помогает. Закономерно, что и располагается он на самой высокой горе. Это Белуха, возвышающаяся над всеми горами Алтая, «крыша» Центрально-Азиатского континента. Её образ вдохновлял поэтов и художников, ныне можно создать целую антологию произведений, посвященных этому сакральному объекту. Белуха и Беловодье – не просто однокоренные слова. К сожалению, в словнике отсутствует статья «Беловодье», хотя её следовало бы дать отдельно или привести в статье о старообрядцах; без легенды о Беловодье – обетованной земле – будет неполным как представление о появлении под Белухой кержаков, так и о движении рериховцев (легенда упоминается только в статье «Русские», написанной С. М. Киреевым).

Вернемся снова к позиции наблюдателя извне. В пространстве, ограниченном по линии горизонта горами, в любой горной долине или расщелине, в каньоне реки взгляд невольно обращается в небо, стремится туда, где сняты эти ограничения – в традиционных представлениях алтайцев небо (верхний мир), как и мир нижний, имеет сложную структуру (см. статьи «Шаманизм», «Шаманские духи», «Шаманские жертвоприношения» и др. Р. М. Еркиновой).

В энциклопедии основное внимание уделено этнографии и культуре коренных народов Горного Алтая: алтайцев, теленгитов, тубаларов, кумандинцев, челканцев; даны статьи о русских и казахах, а вот о культуре немцев и украинцев, как и других диаспор, например, армян, сохраняющих в условиях межкультурного диалога в Республике Алтай свою национальную идентичность, еще предстоит написать.

Очерки, посвященные литературе, фольклору, архитектуре, изобразительному и прикладному искусству, театру и музыкальной культуре, объединены идеей локального текста. Локальный текст Горного Алтая базируется на древнейшей эпической традиции, сохранявшейся здесь в живом виде еще во второй половине XX в. и давшей толчок самобытному развитию всех видов искусства. Алтайские героические сказания дошли до современности благодаря сказителям-кайчи, воспринимаемым как гении места (Н. Улагашев). Геоидеология возвела в конце XX в. в этот статус и Г. И. Чорос-Гуркина, гениально воплотившего в прозе и на своих живописных полотнах мощные эпические образы («Хан-Алтай», «Озеро горных духов» и др.).

Детализация содержания обзорных очерков производится в серии алфавитных статей к ним (биографии творческих личностей, творческие портреты художественных коллективов).

«Республика Алтай. Краткая энциклопедия» как первый опыт энциклопедического издания в регионе до сих пор критически не осмыслена специалистами всех сфер, нашедших отражение на её страницах. Нам представляется, что редколлегия следует продолжить работу по сбору и обсуждению замечаний, предложений, по составлению на их основе словника к дополнительным (?) томам. Энциклопедия должна стать полной.

В заключение отмечу, что Российской национальной библиотекой, являющейся с начала 2000-х гг. федеральным библиографирующим центром региональных энциклопедий, на 22.06.2022 г. выявлено 1047 печатных и электронных региональных энциклопедий, и энциклопедических справочников по 81 субъекту и 8 федеральным округам Российской Федерации.

В прошлом году Российской национальной библиотекой по результатам мониторинга электронного каталога Национальной библиотеки имени М.В. Чевалкова в библиографический список «Региональные биографические отраслевые и тематические справочники Российской Федерации (1992–2022 гг.)» было внесено еще 6 справочно-энциклопедических изданий нашего региона:

1. Художники Горного Алтая: библиогр. справ. / Горно-Алт. ОБ, Горно-Алт. НИИ истории, яз. и лит.; [сост. Л. Т. Баштыкова; ред. В. И. Эдоков]. – Горно-Алтайск, 1992. – 100 с.

2. Исследователи Горного Алтая (XVII – середина XX в.): биобиблиогр. справ. / НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова; [сост.: А. А. Иркитова, Т. К. Майчикова; ред. Г. П. Самаев]. – Горно-Алтайск, 2003. – 136 с.

3. Моя судьба в судьбе Алтая, XX – начало XXI вв.: биогр. справ. / Ком. по

делам архивов Респ. Алтай; [сост. В. П. Величко и др.; редкол.: А. Н. Гавриков и др.]. – Горно-Алтайск, 2006. – 367 с.

4. Ветераны учреждений культуры и искусства Республики Алтай: [биогр. справ.] / М-во культуры Респ. Алтай; [отв. ред. Н. К. Саймина; ред. А. Е. Белекова]. – Горно-Алтайск, 2010. – 58 с.

5. Кайчы Алтая: русско-алтайский информ. справ. с биогр. данными кайчы, начиная со второй половины XIX в. по сегодняшний день / Респ. центр нар. творчества, НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова; [сост. и пер. текстов А. А. Конунов]. – Горно-Алтайск, 2010. – 67 с.

6. Писатели Горного Алтая: биобиблиогр. слов. / НБ им. М. В. Чевалкова; [сост. С. В. Моможокова, Э. П. Чинина, М. М. Алушкина, А. В. Бобокова; ред. Э. П. Чинина]. – Горно-Алтайск, 2019. – 104 с. [10].

В РНБ The Book создан Федеральный центр регионалистики «Вся Россия», руководитель – Раздорский Алексей Игоревич (в электронной базе этого центра есть и электронная копия книги «Республика Алтай. Краткая энциклопедия»: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000007768/view/?#page=2>). Центр разрабатывает проект энциклопедии российских регионов «Вся Россия». В аннотации проекта подчеркивается, что уникальный характер имеющимся в региональных энциклопедиях материалам придает то, что большинство из них составлено на основе изучения неизвестных до сих пор документов региональных архивов и подготовлено в результате многолетних кропотливых разысканий местных ученых и краеведов. Многие факты, явления и лица, представленные в этих энциклопедиях, отсутствуют и в БРЭ, и в «Википедии» – см. подробнее [11].

Предполагается, что энциклопедия будет включать два информационных уровня. Первый уровень будет аккумулировать материалы собственно региональных энциклопедий (оцифрованные тексты, иллюстрации и карты), связанные между собой единой системой навигации. Второй уровень будет состоять из разделов, содержащих актуализированную справочную информацию о каждом из субъектов Российской Федерации, подготовленную по единому формуляру и включающую основные сведения обо всех сторонах жизни региона (административно-территориальное деление, природные условия и ресурсы, население, экономика, культура, выдающиеся деятели и уроженцы и т. д.). Предусматривается, что данная информация будет регулярно обновляться (не реже раза в год).

Безусловно, научному сообществу РА, специалистам-архивоведам и библиографам надо уже быть готовыми включиться в работу над таким фундаментальным изданием.

Источники, литература

1. Раздорский А. И. Региональные энциклопедии России вчера, сегодня, завтра // Вестник Академии Наук Республики Башкортостан. – 2012. – № 4. – С. 67–72.

2. Башкирская энциклопедия: в 7 тт. – Уфа: НИ «Башкирская энциклопедия», 2005–2011.

3. Суразаков А. С. Материалы к энциклопедическому справочнику «Республика Алтай» // Кан-Алтай. – 1996. – № 1. – С. 32–35.
4. Энциклопедия Республики Хакасия: в 2 тт. – Абакан: [б.и.], 2007–2008.
5. Кедрин А. В. Энциклопедия Республики Хакасия: как это было. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.encyclopedia.ru/news/enc/detail/33046> (дата обращения: 01.11.2023).
6. Методические указания для подготовки энциклопедии Республики Хакасия. – Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2005. – 140 с.
7. Супрун В. И. Имидж региона – имидж страны // Имиджи Сибири / под науч. ред. В. И. Супруна. – Новосибирск: Тренды, 2008. – С. 14–43.
8. Республика Алтай. Краткая энциклопедия. – Новосибирск: Изд-во «Арта», 2010. – 366 с.
9. Кондаков Г. Избранное: Стихотворения и рассказы / Сост. В. А. Кондакова. – Горно-Алтайск: Универ-Принт, 2005. – 204 с.
10. Региональные биографические отраслевые и тематические справочники Российской Федерации (1992–2022 гг.)» (сост. А. В. Куликова, Н. Г. Пушкарева // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nlr.ru/cms_nlr/obik/vid_news.php?id=4369 (дата обращения: 01.11.2023).
11. ВСЯ РОССИЯ: электронная энциклопедия российских регионов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nlr.ru/res/epubl/rue/project/all_russia.html (дата обращения: 01.11.2023).

© Т. П. Шастина, 2023

УДК 929:001.32

Тарбанакова С. Н.
Независимый исследователь

ОБ АЛЕКСАНДРЕ САЗОНОВИЧЕ СУРАЗАКОВЕ – УЧЕНОМ И ЧЕЛОВЕКЕ

Аннотация. Статья посвящена биографии, жизни, творчеству и научному подвигу алтайского ученого, археолога, историка, философа А. С. Суразакова. Рассматриваются важные этапы жизненного пути ученого, его научно-организационная и просветительская деятельность, подготовка и издание крупных научно-популярных изданий. Например, репрезентативных альбомов о регионе и первой энциклопедии Республики Алтай.

Ключевые слова: Республика Алтай, история, культура, археология, ученый, писатель, Суразаков А. С.

Tarbanakova S. N.
Independent researcher

ABOUT ALEXANDER SAZONOVICH SURAZAKOV – SCIENTIST AND PERSON

Abstract. The article is devoted to the biography, life, work and scientific feat of the Altai scientist, archaeologist, historian, philosopher A. S. Surazakov. Important stages of the scientist's life path, his scientific-organizational and educational activities, preparation and publication of large popular scientific editions are considered. For example, representative albums about the region and the first encyclopedia of the Altai Republic.

Key words: Altai Republic, history, culture, archeology, scientist, writer, A. S. Surazakov.

Искусствовед В. И. Эдоков, с которым я как директор областного Дома народного творчества сотрудничала, был председателем общественного Совета художников и работал в Горно-Алтайском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы. Он иногда знакомил меня со своими коллегами, среди них был Александр Сазонович Суразаков. При редких встречах с ними я здоровалась, а близко с Александром Сазонович я познакомилась на презентации книги «Алтайская литература и фольклор» вышедшей в 1982 г. В этом сборнике была опубликована моя статья «Народные истоки алтайского театра». Он подошел ко мне и сказал: «У тебя интересная статья опубликована, с такой точки никто еще не рассматривал алтайский фольклор. Послушай, почему бы тебе не заняться научной работой, чем воевать с этими актерами...». Затем мой друг и шеф В. И. Эдоков тоже сказал несколько хороших слов об этой статье. Я была как на крыльях, что мою работу так хорошо оценили настоящие ученые. Но бросать свою работу в управлении культуры я не хотела, надеялась что-то для области интересное сделать. Как говорится человек предполагает, а судьба располагает. Через три года я перешла работать в Научно-исследовательский институт истории языка и литературы и проработала там около тридцати лет. И все годы мы работали рядом с Александром Сазоновичем: в начале в разных отделах, а потом вместе в отделах культурологии и истории. И я всегда наблюдала за его работой. И увидела в нем не только известного археолога, основателя археологической школы в Республике Алтай, но и многогранную личность: он был известным ученым, писателем, поэтом, философом, большим трудолюбом, отличным организатором многих изданий. И всегда удивлялась, как он успевает сделать такой большой охват работы.

В начале 1990-х гг. он вдруг стал менять свою археологическую направленность на другую. Вроде бы его научная деятельность шла по накатанной линии, как говорили, но вдруг отдал свой грант археологического исследования с Бельгийским университетом кафедре археологии Горно-Алтайского государственного университета. Я была очень удивлена и спросила его: «Что ты делаешь, Саша?»

Зачем тебе это?» Он так мне ответил: «Им нужнее». Он так сказал, что я не стала дальше его расспрашивать.

В то время он стал активнее работать с Министерством культуры Республики Алтай, в 1992 г. открыл Агентство по культурно-историческому наследию (АКИН) при комитете, затем министерстве культуры РА, был его первым директором. Он заложил правила работы, традиции и принципы подхода к культурно-историческому наследию алтайского народа. Наряду с этой работой он много лет выпускал вместе с доктором филологических наук З. С. Казагачевой альманах «Кан–Алтай», в котором собирались и издавались материалы об исторических событиях и личностях. Альманах был интересен не только профессионалам и многим любителям истории нашей республики, но и за ее пределами. Иногда журнал был полностью посвящен историческим личностям, таким как Г. И. Чорос-Гуркин, С. С. Суразаков, В. И. Эдоков. Увлечение философией, космосом, философское осмысление той территории, в которой он живет, дало жизнь журналу «Евразийцы», который он издавал совместно с Э. Бабрашевым и сестрой Еленой.

Будучи директором АКИН, он стал помогать министру культуры РА И. И. Белекову в подготовке и проведении III съезда работников культуры, искусства и духовной сферы «Культура и духовность – основной ресурс развития священного Алтая». Съезд поднимал важные социально-экономические, политические, культурные вопросы развития культуры и искусства. На съезде присутствовали 157 делегатов, гости Алтайского края, Тувы, Хакасии. В ходе подготовки съезда Министр культуры И. И. Белеков и ученый А. С. Суразаков подружились, стали соратниками и партнерами.

Первой их совместной работой стало формирование и издание книги «Алтай–сокровищница культуры», которую затем на всероссийской выставке признали одной из лучших книг о культуре народов России. Наверное, вдохновленные этим признанием, они решили сделать новый проект – создание своей «Энциклопедии Республики Алтай». Генератором идеи был Иван Итулович. И он начинает подготовку к изданию своей энциклопедии Республики Алтай. Естественно было то, что работа осуществлялась под эгидой Правительства и Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай. Эти организаторские моменты взял на себя И. И. Белеков и, преодолев множество негативных моментов и недоверия, добился этого. Вышли постановление Президиума Государственного Собрания – Эл Курултай от 25.04.2007 г. «Об издании исторической энциклопедии Республики Алтай» и распоряжение Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай от 24.04.2008 г. «О разработке и издании энциклопедии Республики Алтай». Проект решили реализовать через Министерство образования, науки и молодежной политики и НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Соратники с привлечением специалистов составили концепцию энциклопедии, после ее утверждения работа над проектом издания Энциклопедии Республики Алтай началась. К разработке энциклопедических статей был привлечен широкий круг специалистов НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, Горно-Алтайского государ-

ственного университета, Республиканского архива, Республиканского Национального музея им. А. В. Анохина, Национальной библиотеки им. М. В. Чевалкова и мн. др. учреждений и ведомств. Эта огромная работа с авторами легла на плечи ученого А. С. Суразакова. Помогала ему в этом филолог Э. М. Кокпоева. Авторы были разными, некоторые, не понимая энциклопедического масштаба, требовали опубликовать свои статьи полностью, без сокращения или давали не то, что было нужно. Со всеми этими проблемами справлялся терпеливый, внимательный, знающий А. С. Суразаков. Только он мог уговорить, убеждать и убедить этих авторов. За год была проделана огромная работа: собраны и скомпонованы тексты энциклопедии, подобраны иллюстрации. Еще год и «Республики Алтай. Краткая энциклопедия» в 2010 г. была издана в Новосибирске в издательстве «Арта». Это был подвиг А. С. Суразакова и И. И. Белекова во имя своей Республики, который не до оценили до сих пор. Если бы даже они больше ничего не делали в науке, их имена как первопроходцев остались бы в истории региона, а издание «Республики Алтай. Краткая энциклопедия» – книгой на все времена.

Если говорить о литературном творчестве А. С. Суразакова, то вспоминается, что мое внимание на него обратил наш друг из Москвы, российский тюрколог, вице-президент Ассоциации Востоковедов России Д. Д. Васильев. Я подарила ему книгу А. С. Суразакова «Экспедиционные были» (1994). Прочитав ее, он сказал: «Какую интересную книжку ты мне дала, рассказы А. Суразакова об археологических экспедициях. До чего ж интересно читать рассказы и байки, спасибо автору, у него несомненно литературный дар». И я, конечно, прочитала эту небольшую, похожую на брошюру книжку со смешными ситуациями и героями. Меня удивили его меткие оценки, заметила я и то, каким хорошим литературным языком владел Александр Сазонович. Он также писал стихи и поэмы, публиковал их в своих журналах. Особенно запомнились его поэмы «Европейский материк» и «Дух Алтая», опубликованные в «Евразийцах» и в «Кан-Алтай», соответственно, а также стихи «Свет жизни» и «Идеал». Затем вышли его поэтические книги, в них выражены его взгляды на окружающий мир и космос, его философия, его духовный мир. Как потом покойный журналист и издатель Эмиль Кыдыев, характеризую поэтическое творчество Александра, говорил: «Генетику не спрячешь, она все равно вылезет, его дед был шаманом, отец с разрешения шамана-отца занимался алтайскими героическими сказаниями, а Александр – поэзией, вы понимаете».

В 2016 году мы провели в театральном обществе его творческий вечер «Лицом к лицу». Вначале он не соглашался: «Что я тебе, актер или режиссер, что я буду рассказывать». Спустя некоторое время он согласился и вечер прошел успешно, многое он рассказал о своем детстве и о жизни. Пришли зрители и верные друзья. А. Суразаков сказал, что в его жизни важны три этапа: происхождение, личностный рост и собственное творчество. Он говорил и о том, что его корни тянутся из села Сайдыс до села Тайдаково Тульской области, где родилась его мама. Родители познакомились в Москве во время учебы. Саша попал на Алтай двухлетним. Вырос в Горно-Алтайске. И поведал каким он помнит центр старого города:

какие учреждения были на нем расположены. С юмором рассказывал, как он с 12 лет начал путешествовать по городам. Его снимали с поездов и привозили к отцу, но тот никогда его не ругал и не наказывал. После окончания вечерней школы, он перепробовал множество профессий: каменщик, плотник, бетонщик, кузнец, разнорабочий. Пока отец Сазон Саймович не заставил его поступить на исторический факультет ГАГПИ (ныне Горно-Алтайский государственный университет). Окончив институт, он также искал свою дорогу в жизни. Пробовал учительствовать, оказалось не то. Поехал в археологическую экспедицию, здесь ему понравилось. И он поступил в аспирантуру в Московский институт археологии, окончил ее, затем защитился, и стал работать в Горно-Алтайском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы (ныне НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова). Так он нашел свой путь в жизни. И шел по этому пути успешно около 18 лет, сделав значительный вклад в развитие археологии Республики Алтай.

Но вновь его ждали перемены: уход от археологии к другим занятиям: организации Агентства по культурно-историческому наследию при комитете (был его первым директором), затем в министерстве культуры РА. Ему было интересно заниматься этим. Он помогал спикеру Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай И. И. Белекову организовывать и проводить различные международные научно-практические конференции, такие, как «Единство этнического и культурного многообразия – основа устойчивого развития Республики Алтай», к которой проявили интерес не только наши ученые, общественники, но и сотрудники из Института этнологии и антропологии РАН. Большой резонанс вызвала конференция «От кочевой государственности к автономии республики», посвященная 90-летию государственности и 15-летию Конституции Республики. Международная научно-практическая конференция «Алтай – Россия: через века в будущее», посвященная 260-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав России и 25-летию образования Республики Алтай, вызвала также огромный интерес.

Вызвала большую заинтересованность научных и административных кругов Международная научно-практическая конференция «Алтай в цивилизационном пространстве Евразии», на которой были даны научные оценки событиям, исходя из современной методологии. В работе конференции участвовали депутаты, ученые, руководители и гости из республик Башкортостан, Татарстан, Тыва, Хакасия, Саха – Якутия, Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Томской областей, также из Азербайджана, Казахстана, Монголии.

В последние годы жизни он занимался формированием книги по теме духовности: «Алтай – духовное измерение», которая была издана в 2016 г. Он не забывал о сотрудниках сектора и опубликовал в этой книге их статьи. Он был светлым и добрым человеком, помогал людям по мере сил. Я ему благодарна за помощь и поддержку, которую он мне оказывал.

© С. Н. Тарбанаква, 2023

УДК 930.2(=512.1):398.22

Исхаков Д. М.
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
журнал «Туган жир. Родной край»,
Тычинских З. А.
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

СИБИРСКО-ТАТАРСКИЙ ЭПОС «АК КУБЭК» И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ (К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНЫХ КЫПЧАКАХ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса о восточных кыпчаках, в домонгольское время занимавших территорию к востоку от Волги вплоть до Южной Сибири и Алтая. Анализ проблематики основан на изучении сибирско-татарского дастана «Ак Кубэк», в нескольких других версиях в XIX в. записанного и у алтайских тюрков (алтайцев и хакасов). Из-за того, что содержание данного эпического произведения через мамлюков Египта из кыпчаков попало в арабские хроники (Ан-Нувайри и Ибн Халдуна), где были зафиксированы клановые принадлежности главных героев дастана – речь идет о племенах дурут (дурт/тертеровичи) и токсоба (токсобичи), появляется возможность поиска этнических наследников этих кланов среди татар, башкир, ногайцев и казахов. Было выяснено, что существовавшие в составе перечисленных народов, а также алтайцев клановые подразделения с общим наименованием «кыпчак», в большинстве случаев относились к группе «кара-кыпчак». Последние и являются этническими наследниками домонгольских восточных кыпчаков, имевших не одинаковые этнические истоки – группа дурут (тертеровичи) может восходить к древним татарам – клану терат, а группа токсоба – к центральноазиатским древним тюркам, чьи этнонимы содержали числовые обозначения «девять/тогуз» (тогуз татар, тогуз огуз).

Ключевые слова: кыпчаки, восточные кыпчаки, кара-кыпчак, дурут (тертер), токсоба (токсобичи), терат, тогус, этногенетические линии.

Iskhakov D. M.
Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, the magazine «Native Land»,
Tychinskikh Z. A.
Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences

THE SIBERIAN-TATAR EPIC “AK KUBEK” AND ITS HISTORICAL CONTEXT (ON THE QUESTION OF THE EASTERN KIPCHAKS)

Abstract. The article is devoted to the study of the question of the eastern

Kipchaks, who in pre-Mongol times occupied the territory east of the Volga to Southern Siberia and Altai. The analysis of the problems is based on the study of the Siberian-Tatar Dastan "Ak Kubek", that in several other versions was recorded by the Altai Turks (Altaians and Khakass) in the XIX century. Due to the fact that the content of this epic work through the Mamluks of Egypt from the Kipchaks got into the Arab chronicles (an-Nuveiry and Ibn Khaldun), where the clan affiliations of the main characters of dastan were recorded – we are talking about the tribes Durut (Durut / terterovichi) and Toksoba (Toksobichi), it becomes possible to search for ethnic heirs of these clans among Tatars, Bashkirs, Nogais and Kazakhs. It was found that the clan units with the common name "Kipchak" that existed as part of the listed peoples, as well as the Altaians, in most cases belonged to the Kara-Kipchak group. The latter are the ethnic heirs of the pre-Mongol eastern Kipchaks, who had the same ethnic origins – the Durut (Terterovichi) group can go back to the ancient Tatars – the Terat clan, and the Toksoba group – to the Central Asian ancient Turks, whose ethnonyms contained the numerals "nine" (nine Tatars, nine Oguz).

Key words: Kipchaks, Eastern Kipchaks, Kara-kipchaks, durut (Terterovichi), toksoba (toksobichi), terat, Togus, ethnogenetic lines.

Дастан «Ак Кубэк» был записан известным российским тюркологом В. В. Радловым у представителей тобольской и барабинской групп сибирских татар, в несколько иных версиях – у алтайцев (алтай киж), а также у хакасов (абаканских татар – сагайцев) [1, с. 204–212; 2, с. 45–58, 142–152]. Используя материалы этого ученого, публикацию дастана осуществил и Н. Ф. Катанов [3, с. 392–393]. Сегодня дастан доступен на сибирско-татарском и литературном татарском, а также русском языках [4, б. 530–538; 5, с. 186–200, 382–393]. Несмотря на достаточно полное изучение данного эпического произведения фольклористами (подробно см. [6]), исторический контекст его формирования, в особенности, его связь с восточно-кыпчакским миром, остается не достаточно исследованными, хотя некоторые аспекты этой проблемы в литературе уже поднимались и ранее [7; 8; 9; 6].

На самом деле дастан «Ак Кубэк», в силу исторических причин попавший в главных моментах в арабские хроники Ан-Нувайри (1279–1333) и Ибн Халдуна (1332–1402) как мамлюкское наследие, заслуживает отдельного анализа, на что уже обращали внимание [7; 8; 10; 9]. Такой анализ необходим потому, что благодаря арабским хроникам мы можем установить клановую принадлежность главных героев дастана, что, в свою очередь, позволяет сформулировать некоторые новые взгляды на кыпчакский мир, точнее, на его восточную половину, в период, предшествовавший началу монгольской экспансии.

Для того, чтобы войти в эту тему, вначале нам необходимо остановиться на содержании дастана «Ак Кубэк / Ак Кубяк».

В некотором городе у бия по имени Ак Бытык родился сын, которому дали имя «Ак Кубэк». Сын бия обладал рядом чудесных качеств: разговаривал еще во чреве матери, был с детства очень силен, не вполне еще выросший пошел звать

людей на свою свадьбу и по пути встретил хана по имени Кидан. Последнему Ак Кубэк не понравился, и он поручил своему сыну – султану Мангушу, убить его. Тот позвал его на охоту, подумав, что там легче будет его уничтожить. Мангуш решил действовать хитростью и поочередно попросил Ак Кубэка отдать ему своего коня (ур кулак, ат), собаку (ит) и ловчую птицу (кош), а когда это не получилось, попытался забрать у него саблю (кылыч) и горн (быргы), но и тут он не преуспел. Затем они подошли к одной горе, где Мангуш предложил обойти ее с двух сторон с условием – кто раньше обогнет ее, тот имеет право отрубить голову запоздавшему. Так как хитрый Ак Кубэк попросил свою сестру устроить пир с 40 девушками и завлечь туда Мангуша, последний опьянел, а Ак Кубэк его застал в постели и, после ряда обрядов, отрубив ему голову, ушел домой. А между тем хан Кидан отправил к нему посла, чтобы узнать, что случилось с его сыном. Когда выяснилось, что Мангуш убит («Манар тауда йортлады / осел у горы Манар»), хан собрал войско и пошел к Ак Кубэку. Причем в войске находились легендарный Салыр Казан и некто, по имени Буйдар Алып. При этом сам Кидан также назван «алпом». Салыр Казан попытался убить Ак Кубэка, но тот, применив ряд хитростей, в конце концов отрубил его голову, затем врезался в войско хана Кидана, но тот оказался проворнее и вонзил в него копьё. Раненный Ак Кубэк ушел домой и попросил брата закопать его в землю и не трогать до пятницы, но тот разбудил его раньше срока и затем герой дастана залег в могилу и умер. После его смерти хан Кидан сражался с его братом, но затем помирился с ним, и они забыли былую вражду.

Из этого, в целом довольно незамысловатого сюжета данного дастана, нас заинтересовали имена хана Кидана, сына бия Ак-Бытыка Ак Кубэка и сына указанного хана (возможные тюркские формы его имени – Кидэн / Китэн / Котэн) султана Мангуша.

К настоящему времени можно считать установленным, что под одним из героев дастана «Ак Кубэк» – ханом Киданом подразумевается известный кыпчакский вождь самостоятельной 40-тысячной орды хан Котян, ушедший в период монгольских завоеваний в Венгрию. Он был предводителем племен дурут / дурт (в русских летописях – Тертеровичи). Его противником, согласно дастану, являлся Ак Кубэк бий, по арабским хроникам возглавлявший племя токсоба (по русским летописям – Токсобичи) (подробнее об этом см.: [10; 9; 6]).

Но в сочинении Ибн Халдуна есть одно весьма примечательное замечание: «...племя Дурут из кыпчаков, а племя Токсоба из Татар...», а после перечисления большого числа (11) кыпчакских племен есть завершающая фраза: «все перечисленные племена – не от одного рода и тюрки, находящиеся в египетских землях – из Кипчаков» [11, с. 65]. Для того, чтобы выяснить истинный смысл данной информации, очень ценной для раскрытия ранней истории восточной группы кыпчаков, нам необходимо привлечь новые исторические материалы. При этом один из главных вопросов, на который необходимо найти ответ – это то, каким образом легендарные сведения о половцах, находившихся на территории западной части Дешт-и Кыпчака, о хане Котяне, его орде и противниках, оказались далеко на вос-

токе – у сибирских татар, алтайцев и хакасов. Высказывалось мнение о том, что в период падения Сибирского ханства была миграция сибирских татар на Алтай [12, с. 89–90; 13, с. 57–58]. Действительно, у теленгитов существовала даже группа «кёбёк» [13, с. 57], чье наименование можно было бы сопоставить с именем Ак Кобэк / Ак Кубяк. В этом случае к алтайским тюркам это эпическое произведение могло быть занесено сибирскими татарами. Но это далеко не единственное возможное объяснение как этнонима кёбёк, так и причин появления дастана «Ак Кубэк» у алтайских тюрков. В частности, А. К. Кушкумбаев указал на присутствие имени Аккобик в качестве генеалогического предка казахов из клана кара-кыпчак [10, с. 80]. Подразделение кара-кыпчак существовало и у башкир, причем именно оно имело уран «токсоба» [14, с. 98]. На основании этого урана известный башкортостанский этнолог Р. Г. Кузеев высказывал предположение о восхождении клана кара-кыпчак к домонгольскому кыпчакскому племени токсоба [15, с. 178]. Однако в генеалогии башкир подразделения кара-кыпчак имени Ак-Кубэк нет, но зато там есть имя Монаш (Манаш бия), которое можно было бы вывести из имени сына Кидан хана Мангуша (из-за превращения «к/г» в придыхательное «h» с последующим исчезновением). Но тут возникают неясности – если клан кара-кыпчак у казахов связывается с Ак-Кубэком (Аккобик), то есть, со старым кыпчакским племенем токсоба, как и у башкирского родоплеменного подразделения кара-кыпчак с ураном токсоба, почему в генеалогии башкир данного клана стоит имя Монаша, тем более с княжеским, а не ханским достоинством?

К тому же из арабских хроник вытекает вывод о том, что хан Котян (Кидан), чьим сыном был Мангуш, был главой другого племени дурут / дурт (тертер + обичи), враждовавшего с племенем токсоба. Правда, при подсчетах, основанных на данных о звеньях родословных башкирского подразделения кара-кыпчак, Манаш би мог жить лишь где-то ближе к последней четверти XV в. Хотя, конечно, он мог представлять и легендарное звено, восходящее к весьма далекому предку, жившему еще в XIII в. и попавшему в генеалогию из-за важности этой фигуры.

Несмотря на подобные нестыковки, мимо нашего внимания не должен пройти такой факт, как наличие в таком татарском историческом источнике конца XVII в., как «Дафтери Чингис-наме» в разделе, посвященном одариванию Чингис-ханом клановых вождей племенными атрибутами (дерево, птица, тамга, уран), эпонима Кыпчак, под которым явно скрывается племя кыпчак, у которого даны следующие атрибуты клана: дерево карама (вязь), птица – беркет (орел), тамга – тарак (гребень), уран – Тук Сыба [16, б. 19]. У башкир клана кара-кыпчак мы видим те же атрибуты, за исключением тамги – она названа у них дал (это арабская буква даль) [14, с. 98]. Но у казахов клана кара-кыпчак тамга именовалась «кос элип» (две черты П), а уран звучал как «ойбас» [10, с. 77]. То есть тут, кажется, нет значимого совпадения с башкирской и татарской историческими традициями.

Для того, чтобы разобраться с этими несколько противоречивыми материалами, содержащими определенные нестыковки, надо принять к сведению записанное П. И. Небольсиным в середине XIX в. у сибирских групп казахов историче-

ское предание, гласящее, что в «весьма давних временах несколько семей киргизов <казахов> кыпчакского рода... перешли из Сибири через Урал... <и> вступили в родственные связи с башкирцами и смешавшись с ними <составили> один народ» [17, с. 17]. О чем это предание свидетельствует?

Действительно, в составе Среднего жуза казахов, занимавшего территории вплоть до Тобола, наряду с кланами аргын, найман, кунграт, кирей, уак, имелся и клан кыпчак [17, с. 24]. При этом этот клан обладал довольно сложной внутренней структурой [10, с. 77]. Однако данный клан вошел в состав казахов достаточно поздно, ибо еще в начале 1670-х годов в верховьях Тобола существовала самостоятельная «земля Копчатская» (не входившая в число казахских родоплеменных групп, являясь в это время, скорее, уже остатком Сибирского ханства или Ногайской Орды, постепенно вытесненной, в последнем случае, калмыками за Волгу, но не полностью. Скажем, в 1608 г. в подчинении у бия Ногайской Орды (тогда уже фактически Больших Ногаев), Иштерьяка в числе подчиненных ему 14 «родов» (названия 7 перечислены) отмечено и «Кипчацкое родство» [19, с. 179]. Более того, из ногайских дел известно, что в Ногайской Орде имелся не только клан кыпчак, но и существовали кланы кара-кыпчак и сары-кыпчак [20, с. 149; 21, с. 67]. Отсюда не трудно понять, что оказавшиеся позже в структуре разных, формировавшихся в постордынское время, новых тюркских этносов представители клана кыпчак имели общие этнические корни, иногда, тем не менее, относясь к различным этногенетическим линиям древних кыпчаков. Об этом говорят и сведения об объединении «жиде ру» / «семиродцы».

Известно, что у башкир объединение «джидиру» включало подразделения кыпчак, кара-кыпчак, суун-кыпчак, бусмыш-кыпчак, чанким-кыпчак, карагай-кыпчак, тамиян-кыпчак [17, с. 24; 15, с. 115–116]. Но у казахов объединение «жетыру», входившее в состав кланов Младшего жуза, состояло совершенно из другого набора кланов – это роды табын, тама, кердери, керейт, телеу, рамадан, жагалбайлы [22, с. 24; 23, с. 80–81]. Тут совпасть могут лишь роды тамиян и тама. Теперь известно, что казахское объединение жетуру было создано искусственно, лишь при хане Тауке (1582–1598) [24, с. 62–63], поэтому оно никак не может быть сравнимо с башкирским объединением с аналогичным названием. Есть еще объединение едисан (еди/жиде + сан, в последнем случае это понятие «цифра» 1000 и 10000), оно у ногайцев, кажется, существовало не позже конца XV в. Однако, его состав тоже был иным – это кланы мангыт, маджар, келечи, кенегес, тогай, кишлик, кильбеин и, возможно, канглы [25, с. 141, 434–435, 437]. Заметим, что из данного перечня клан келечи известен с конца XIV в. [26, с. 303–304], а кланы мангыт, кенегес и канглы – еще раньше, но они только частично имели отношение к кыпчакам (к ним можно отнести скорее всего лишь группу канглы). В. В. Трепавлов, исследовавший вопрос о ногайцах объединения едисан, пришел к заключению, что в данном случае мы имеем дело с присоединившимися к Мангытскому юрту «общинами восточных кыпчаков», являвшимися «этническими реликтами домонгольских европеоидных кыпчаков, вошедших в состав этих

семи элей» [25, с. 439]. С этим мнением следует согласиться и заключить, вслед за С. М. Ахинжановым [27, с. 263–264], что подлинный «джидиру» – это, скорее, башкирское (на деле – татаро-башкирское) объединение, состоявшее, главным образом, из кыпчакских групп, поэтому в принципе возводимое к домонгольскому кыпчакскому клану етебичи (ете /жиде) + термин родства у татар – бече (бичи).

По сохранившимся историческим сведениям, клан кыпчак золотоордынского времени – образование, более чем вероятно, составленное из обломков разных домонгольских кыпчакских родоплеменных групп – фиксируется к востоку от р. Волги, где-то в районе Южного Приуралья и казахстанских степей. Приведем конкретные данные на этот счет. Прежде всего, у хорезмийского историка Утемиш-хаджи в его сочинении «Кара таварих» (сер. XVI в.) содержится рассказ о сражении войск золотоордынского хана Улу-Мухаммеда с войсками хана Барака, в ходе которого последний потерпел поражение и один из людей хана-победителя Айас бек Кыпчак, бывший скорее всего одним из карачабеков Улу-Мухаммеда, «отрезал голову <Барака> и принес ее Мухаммад хану и Кады беку», за что «дали ему даругу Сарайчука». Далее источник сообщает: «До сих пор (то есть до времени Утемиш-хаджи – Д.И., З.Т.) даруга Сарайчука принадлежит им» [28, с. 179]. Получается, что клан кыпчак со своими предводителями продолжал владеть территорией, расположенной в районе р. Яика до середины XVI в. А эта территория находилась весьма близко к землям приуральской Кыпчакской волости Уфимского уезда XVII в. И тут следует напомнить, до 1630-х годов основное ядро Ногайской Орды находилось еще на левобережье Волги, занимая территорию бассейна р. Яик и прилегающих зон, доходя на севере и до бассейна р. Дёмы [29, с. 140–174].

Вряд ли можно сомневаться в том, что вышеуказанный клан кыпчак – а он состоял из нескольких подразделений, оказавшийся в составе Ногайской Орды, это та же группа, которая владела «даругой Сарайчука» при хане Улу Мухаммеде и после него. Во всяком случае, при ногайском бие Иштеряке (1600–1619) подчиненные ему рода, пока их калмыки не выдавили на правый берег Волги, держались вблизи г. Астрахани и бассейна Яика. Косвенно о приходе этнических наследников кыпчаков в XIV в. в район низовьев Волги, скорее всего, на левобережье реки, говорят также некоторые места из «Фирдаус ал-икбал» (источник первой половины XIX в.), написанный авторами из Хивы Мунисом и Агахи и связанный с историей кунгратской династии, пришедшей к власти в Хорезме в XVIII в. Рассказывая об истории этой династии, авторы сочинения приводят легендарные данные об Акхадай бахадуре (Он там выступает в качестве сына Нокай нойона), правившем 22 года в «Булгаре, Черкесе и Казани», а его сын – «Черкесами». Но когда Нокай и Акхадай были убиты во время сражения, датированного в источнике явно ошибочно 713 г.х. (1312–1313), сын последнего – Нахдай (известен по ярлыку хана Джанибека за 1342 г. как Nagadain, был убит около 1361–1362 г.) [30, с. 153], бежал от черкес с другом отца Исен Буга Чеченом Кипчаком и пришел к хану Узбеку в низовья Итиля...» [31, р. 367–369]. Похоже, что в этом случае тоже подразумевается передвижение с Предкавказья каких-то групп кыпчаков, связанных с кунгратами,

в низовья Волги, скорее всего, на ее левобережье, накануне прихода к власти хана Узбека, но после смерти хана Тохты (1312 г.). То, что в этих легендарных данных нашли отражение какие-то исторические события, видно по преданиям, попавшим в родословные потомков главы клана ольбер (албыр) накануне монгольских завоеваний 1230-х годов эмира Бачмана, ставших предводителями клана кыпчак в Золотой Орде и пришедших в Булгарский вилайет вместе с ханом Улу-Мухаммедом (они в Казанском ханстве являлись одним из четырех карачабекских кланов). По этим преданиям получается, что представители этой группы вначале жили в «Румском вилайете» или же «Малой Татарии близ Крыма», но затем перешли «к реке Яику, устью реки Сакмары» или «к рекам Ику, Заю и Белой...» [32, с. 36–40]. Не будем забывать и того, что отец хана Тохтамышша Туй-ходжа, чьими нукерами (каучинами) были наследственные эли – племена ширин, барын, аргын, кыпчак, в качестве удела имел Мангышлак.

Но потомки кыпчаков, скорее всего, оставались и в восточной зоне бывшего Дешт-и кыпчака. Об этом, по нашему мнению, свидетельствуют данные из «Мажмуат ут-таварих» Шах Аббаса Аксинента конца XV – начала XVI в., где фигурируют «Каркаралинские кыпчаки», во время хана Тохтамышша возглавлявшиеся Жакуп беком и его сыном – легендарным Манасом [33, б. 43–45, 47, 49, 70–71]. Территориально эта группа могла занимать район Каркаралинских гор (северо-восток современного Казахстана) или район где-то в верховьях Таласа [33, б. 47]. С. И. Ахинжанов помещал этих кыпчаков к югу от Иртыша вплоть до оз. Балхаш [27, с. 158–159]. Нахождение групп кыпчакского происхождения далеко на востоке бывшего Дешт-и Кыпчака вытекает и из одной опубликованной в свое время видным тюркологом Н. Ф. Катановым сибирско-татарской рукописи, посвященной исламизации сибирских татар, когда в ходе описываемого похода «хана Средней Орды Шейбана» против язычников, в бассейне р. Иртыша упоминаются «народы» хотан (у хантов этот термин обозначал сибирских татар), ногай и кара-кыпчак, некоторые из которых уже исповедовали ислам [34, с. 20–22]. Тут заслуживает внимания «народ кара-кыпчак», ибо он и есть, вероятно, те самые кара-кыпчаки, оказавшиеся в конце концов в составе казахов и башкир. Похоже, что они имели отношение и к легендарным каркаралинским кыпчакам Манаса.

Имея в виду, что в составе основных родов (сеоков) алтайцев из подразделения алтай-кижи находился аймак кыпчак, причем как один из ведущих родов [12, с. 23–24; 13, с. 57–58], не обязательно считать присутствие версий дастана «Ак Кубэк» у алтайцев и хакасов результатом переселения тюркских групп из Сибирского ханства, Ногайской Орды или государства Шибанидов [13, с. 57]. Этот дастан мог быть наследием более раннего времени. Как отмечал еще Л. П. Потапов, у теленгитов (а сеок кыпчак и некоторые другие связанные с ним роды, входили в их состав) имелись предания о приходе предков из «степи Конграй-Сагай» (Сагайской степи), а у хакасов-качинцев бытовали предания об их проживании в местности «Соко/Сокэ», локализуемой «на Иртыше», причем кумандинцы и качинцы сеока Соки (от Сагай?) в качестве общих предков называли «Кумана/

Кубана» [12, с. 32, 37–38, 59]. Поэтому Л. П. Потапов часть эпического наследия алтайцев, особенно южных их групп, склонен был относить не только к периоду Улуса Джучи, но и к кыпчакскому наследию, правда, без четкой дифференциации дозолотоордынского и золотоордынского этапов истории кыпчакского мира.

По всем данным, в лице клана «кара-кыпчак» мы имеем дело с наследниками восточных групп кыпчаков под наименованием «кара», известными уже в домонгольское время. Действительно, у тюрков «кара» по цветовой ориентации относительно сторон света обозначает восточную часть. Как представляется, изначально происхождение двух кланов, чья ранняя история нашла отражение в дастане «Ак Кубэк», тоже было связано с Центральной Азией. Как можно полагать, в летописном половецком объединении «Тертеровичи» (1185 г.) можно не просто видеть клан терть / тертер+оба, объясняемый из понятия дурт – «четыре», но и, если следовать Рашид ад-Дину, выводить этот клан следует из среды древних татар – от племени «терат» [35, с. 101–103]. Название же половецкого клана Токсобичи домонгольского времени, как было показано, связанного с кара-кыпчаками, тоже скорее всего расшифровывается как tokus +оба (аба), где корень токус / тогуз (тугыз) – это «девять», а оба – обозначение родовой группы (на монгольском – oboh / obok). Так как объединения «тогуз татар» и «тогуз огуз» (обозначение уйгуров) хорошо известны в древнетюркском мире, под кланом токсоба надо понимать также выходцев из среды центральноазиатских тюрков. Кстати, родовое подразделение «тогуз» имелось как на Алтае [12, с. 23, 84; 13, с. 57], так и среди сибирских татар, а также башкир [6, с. 514], как алтайское, а затем и кыпчакское этническое наследие. Применительно к территории Волжской Булгарии можно было бы отметить наименование городка Тухчин (упоминается в русских летописях под 1184 г.), не исключено, восходящему к тому же этнониму (тухч / тук[г]с + окончание ин).

В результате получается, что определение Ибн Халдуна клана дурут (дурт / тюрть) как кыпчакского, а клана токсоба – как татарского этнического формирования, не вполне правомерно. Наоборот, первые являются потомками древних татар, а вторые уже в XII в. были частью восточных кыпчаков, что, впрочем, не противоречит тому, что они тоже являлись потомками древних тюрков. Не исключено, что заключение Ибн Халдуна об этнической принадлежности названных двух групп могло быть связано с тем, что клан токсоба в Золотой Орде мог сохраниться в относительно целостном виде и из-за мамлюкско-золотоордынских контактов во время жизни Ибн Халдуна мог восприниматься как «татары», в том числе и применительно к их потомкам, оказавшимся в составе мамлюков. Но не исключено и другое объяснение – в составе половецких/ кыпчаков XI–XII вв. могли существовать разные этногенетические линии – собственно кыпчакская (половецкая), занявшая более западные земли Дешт-и Кыпчака, и татарская, восходившая к кимакам, имевшим татарско-уйгурский компонент, образовавшая другую этногенетическую линию, давшую начало восточным кара-кыпчакам, занимавшим территорию к востоку от Волги вплоть до Иртыша и Алтая, сыграв существенную роль в этногенезе ряда тюркских народов.

Источники, литература

1. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собранные В. В. Радловым. – СПб., 1886. Ч. I. – 420 с.
2. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собранные В. В. Радловым. – СПб., 1872. Ч. IV. – 411 с.
3. Образцы народной литературы тюркских племен, изданных В. Радловым. СПб., 1886. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. – СПб., 1907. – 660 с.
4. Ак Кубэк // Татар эпосы. Дастаннар. – Казан: «Раннур» нэшрияты. 2004. – Б. 530–538.
5. Юсупов Ф. Ю. В. В. Радлов и его книга «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи». Часть IV. – Нижний Тагил: ООО «Онлайн-сервис», 2021. – 912 с.
6. Исхаков Д. М., Закирова И. Г. К вопросу о присутствии в Западной Сибири следов домонгольских кыпчаков (на основе анализа дастана «Ак Кубэк») // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 3. – С. 504–522.
7. Потанин Г. Н. Тангутско-тибетские окраины Китая и Центральная Монголия. Путешествия Г. Н. Потанина. 1884–1886. Т. II. – СПб., 1893. – 436 с.
8. Фалеев П. А. Ногайская сказка об Ак-Кобоке // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Ко дню 80-летия академика Василия Васильевича Радлова (1837–1917). Т. 5. Вып. 1. – Петроград. 1918. – С. 189–196.
9. Исхаков Д. М. По следам одного татарского дастана: в поисках исторических реалий в эпическом произведении «Ак Кубэк» // Туган жир. Родной край. 2021. № 4. – С. 20–33.
10. Кушкумбаев А. К. Сведения казахских шежере по истории средневековых кыпчаков // «Дешті Кыпшактын орта гасырлык тарихы» атты Халыкаралык галымы конференция. 2017. – Павлодар, 2018. – С. 76–82.
11. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. Переработанное и дополненное издание. Под-ка к нов. изд., введ., дополнения и комм. Б. Е. Кумекова, А. К. Мукминовой. – Алматы: «Дайк Пресс», 2005. – 711 с.
12. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. – Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отд., 1969. – 196 с.
13. Алтайцы. Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / редколл. Н. В. Екеев (отв. ред.), Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов, НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2014. – 464 с.
14. Башкирские шежере / Сост., перев. текстов, введ. и коммент. Р. Г. Кузеева. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1960. – 304 с.
15. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М.: Изд-во «Наука», 1974. – 570 с.

16. Дэфтэре Чингыз-намэ. – Казан: «Иман» нэшрияты. 2003. – 44 б.
17. Небольсин П. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край (статья первая) // Вестник РГО. Часть IV. Кн. I. – СПб., 1852. – С. 1–40.
18. Кузембайулы А., Абиля Е., Алибек Т. Сибирский улус и казахи: проблемы этнической преемственности и исторической памяти. – Костанай: Региональный ун-т им. А. Байтурсынова, 2022. – 256 с.
19. Акты времен правления Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). – М., 1914. – 421 с.
20. ПДРВ. Ч. VIII. – СПб., 1793. – 336 с.
21. ПДРВ. Ч. IX. – СПб., 1793. – 315 с.
22. Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). – М.: Изд-во «Наука». 1982. – 132 с.
23. Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В., Алексеенко А. Н., Баратова Т. С. История Казахстана: народы и культуры. – Алматы: Дайк Пресс, 2001. – 608 с.
24. Темиргалиев Р. Д. Эпоха последних батыров. – Алматы: Изд-во «Аспандау», 2019. – 376 с.
25. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 752 с.
26. Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения / Сост., введ. ст. и коммент. Р. П. Храпачевского. – М.: «Наука», 2003. – 448 с.
27. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: «Наука», 1989. – 293 с.
28. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Серия «Язма мирас. Письменное наследие». Вып. 4. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани. 2017. – 312 с.
29. Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998. – 276 с.
30. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). – Казань, 2007. – 356 с.
31. Bregel Yuri. Tribal tradition and dynastic history// Asian and African studies. Journal of the Israel Oriental Society. – 1982. Vol. 16. – P. 357–398.
32. Исхаков Д. М. История рода Яушевых в средневековый период и кимакская проблема. – Казань-Воронеж: ООО «Фаворит», 2018. – 116 с.
33. Сайф ад-дин ибн дамулло Шах Аббас Аксикенти, аның уулу Нурмухаммед. Тарыктардын жыйнагы («Мажму-ат ут-таварих») / котор. М. Добсолов, О. Сооронов. – Бишкек: «Акыл» мамконцерни, 1996. – 128 б.
34. Катанов Н. Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея) // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1904. Вып. XIV. – Тобольск, 1905. – С. 1–28.
35. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Книга первая. – М.: «Ладомир», 2001. – 315 с.

© Д. М. Исхаков, З. А. Тычинских, 2023

УДК 94 (571.513) «1941/1945»

Кискидосова Т. А.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ ОБ УЧАСТНИЦЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Е. Ф. ПЕРЕКРЕЩЕНКО

Аннотация. Статья посвящена воспоминаниям современников об участнице Великой Отечественной войне Екатерине Перекрещенко. Статья основывается на материалах Национального архива Республики Хакасия. Основное внимание уделено воспоминаниям близких и родных.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Хакасия, воспоминания, фронт, Екатерина Перекрещенко, современники.

Kiskidosova T. A.

Khakass Research Institute for Language, Literature and History

MEMOIRS OF CONTEMPORARIES ABOUT THE PARTICIPANT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR E. F. PEREKRESTENKO

Abstract. The article is devoted to the memoirs of contemporaries about the participant of the Great Patriotic War Ekaterina Perekrestenko. The article is based on the materials of the National Archive of the Republic of Khakassia. The main attention is paid to the memories of friends and relatives.

Key words: The Great Patriotic War, Khakassia, memories, the front, Ekaterina Perekrestenko, contemporaries.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. участие женщин в рядах Красной Армии носило массовый характер. С самого начала войны постоянно действовал партийно-административный аппарат, призывавший девушек вступать в ряды фронтовиков. Воспитанные на чувстве патриотизма многие женщины добровольно отправлялись на защиту своей Родины от врага [1, с. 24]. Весомый вклад в Победу нашей страны внесли женщины Хакасии.

В Национальном архиве Республики Хакасия в Ф. Р-655 «Коллекция документов участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» хранятся документы, связанные с героем Отечественной войны, фронтовиком Екатериной Федоровной Перекрещенко (документы, фронтовые письма воспоминания родных и близких и др.). Особую ценность представляют эго-документы (фронтовые письма Екатерины своим близким), переписка близких с друзьями-фронтовиками Кати, очевидцами ее подвигов и гибели. В газетных заметках военного времени

сохранились сведения о старшем санинструкторе Е. Перекрещенко, материалы о проявленной отваге в кровопролитных боях за Родину. Данная статья подготовлена на основе воспоминаний о Е. Перекрещенко ее родных (сестра Л. Ф. Дегтярева, брат В. Ф. Дегтярев), писем ее однополчан, краеведов и др.

Биографические сведения о довоенной жизни Кати представлены ее близкими родственниками. Екатерина Перекрещенко родилась 21 декабря (по другим данным 24 декабря) 1920 г. в обычной семье жителей г. Минусинска. С детства она была бойкой и подвижной девочкой, любившей шумные игры. Вместо того чтобы слушать сказки, Катя отдавала предпочтение рассказам отца и его знакомых о суровой борьбе за Советскую власть и о героических делах молодежи тех лет [2, л. 8]. Сестра Кати Лидия Федоровна Дегтярева вспоминала: «Мы жители Минусинска переехали в Абакан в 1936 г. У матери Матрены Ивановны нас было четверо детей. Отец пришел с Гражданской войны больным калекой. В 1930 г. он умер от многочисленных ранений» [2, л. 3].

Катя была второй по старшинству из детей и с раннего детства ей пришлось нести ответственность за младших сестру и брата. С малых лет Катя отличалась энергичностью и смелостью. До переезда из Минусинска она любила ходить с взрослыми в лес за ягодами. Ей удавалось быстро собрать ягоды, продвигаясь через дремучие дебри и не пугаясь любого шороха. Девочка не боялась самой трудной работы на огороде. Сестра Лида отмечала, что во время прополки картофеля Катя была всегда впереди. Также быстро сестре удавались поливка и прополка огорода. Казалось, что в ее руках работа кипела, она делала все быстрее и качественнее чем другие ребята. Любимым времяпрепровождением детей в летний период было купание на речке. Обычно они плавали в протоке р. Минусинки. Катя отличалась спортивностью и выносливостью, хорошо плавала. Отличалась общительностью и в случае беды друзья могли на нее положиться. На правах старшей сестры воспитывала младшую всего на два года Лиду. Стремясь привить сестре сильные качества характера, она часто ее наставляла: «Лида, какая ты несмелая, все боишься кого-то». Катя постоянно напоминала: «Учись, Лида, старайся, в жизни все пригодится». При этом на собственном примере показывала младшим, что надо много заниматься, стараться хорошо учиться и принимать активное участие в общественной жизни. Однако она не только наставляла свою сестру, но проявляла заботу и нередко дарила подарки. Когда Катя начала работать, то стала покупать сестре платье, чулки, шарфы и др. Лида заметила, что, Катя отличалась добротой и бескорыстностью, она могла без сожаления отдать последнее. Любила детей и во время работы с пионерами все силы отдавала процессу воспитания [2, л. 2 об.]. Во время встречи с пионерами дружины имени Кати Перекрещенко абаканской школы № 10 Лидия Федоровна вспоминала: «Катя в предвоенной жизни была такой же, как и на фронте: яркой, удивительной, горячей, самоотверженной, отдававшей людям все и взамен не требовавшей ничего» [2, л. 8].

В тяжелых материальных условиях одной матери пришлось растить четверых детей. Далее Лидия писала: «Ни старшей сестре Тоне, ни Кате не пришлось

много учиться. Катя училась на разных курсах, у нее была жажда учиться». Стремление девушки к получению образования переключалось с желанием заниматься общественной работой. Она была активисткой и ее не тяготили различные общественные поручения. Также увлеченно Катя занималась спортом. Известно, что она окончила курсы парашютистов в Черногорске и сделала несколько прыжков [4, л. 1].

После школы, окончив торговую школу в Абакане, Екатерину Перекрещенко по распределению направили на работу в Бейский район в село Сабинку. Затем девушка сменила профессию, отучившись в краевой школе пионервожатых, стала старшей вожатой в тогда только новой школе № 10 г. Абакана. Один из современников тех лет вспоминал, как встретили пионервожатую дети: «На большой перемене кто-то из ребят крикнул: «Вожатая пришла». Все, кто находился поблизости, бросились навстречу к Кате. Ребята ее окружили и с вниманием разглядывали. В свою очередь она, улыбаясь, сказала им: «Что? Думаете, испугаюсь?». В ответ ребята засмеялись, и тогда всем стало просто и легко».

Насколько хорошее впечатление о себе оставила за короткий период пионервожатая свидетельствует отношение к ней детей. «В 1939 г. горком комсомола наградил Катю за хорошую работу путевкой в Крым, ее подопечные пришли провожать на вокзал.

- Что же вы плачете? – спросила у ребят мама, - она скоро вернется, да она же вам не родная.

- Она нам лучше, чем родная,- возразили ребята. Все любили Катю, потому что с ней было всем тепло» [2, л. 8].

Подобный случай свидетельствует о душевности Кати. Такой сердечной и открытой она осталась в памяти школьников.

С 1939 по 1940 гг. Катя работала инструктором отдела пионеров и школьной молодежи в Абаканском горкоме ВЛКСМ. Затем тяга к дальнейшему обучению привела Катю к тому, что в 1940 г. по направлению она закончила курсы экономистов-бухгалтеров Иркутске. После окончания обучения она работала бухгалтером в Абаканском банке и была председателем местного комитета комсомола до осени 1941 г. Во время войны по направлению обкома ВЛКСМ была направлена помощником политотдела в Богградский совхоз «Хакасия» [2, л. 8].

Весной 1942 г. стала формироваться добровольческая бригада «Сталинская». По заявлению в военкомат Катя уехала в Красноярск для прохождения подготовки на фронт. Она окончила медицинские курсы и добровольно отправилась на войну без ведома местного обкома партии. Попытка вернуть девушку домой оказалась безрезультатной, она стремилась отправиться на войну. Перед отъездом Катя перелистала любимые книги и простилась с товарищами. Осенью 1942 г. Екатерина Перекрещенко в качестве старшей медсестры вошла в состав сформированной военной бригады, которая из Сибири была направлена на Северо-Западный фронт, находившийся между Москвой и Ленинградом [2, л. 9 об.].

Оказавшись на фронте, девушка совершила свой первый подвиг в ноябре

1942 г., когда в немецком окружении ей удалось вынести на себе 28 раненых бойцов. Позднее она совершила другие подвиги, наглядно показывающие ее храбрость и отвагу. Например, неоднократно ходила с другими бойцами в разведку. Взяв в плен двух немецких солдат, она вела их в отряд. Один из пленных ударил ее. Обороняясь, она застрелила нападавшего, а второго сумела сдать командованию. Свидетельством отваги стала сохранившаяся фотография Е. Перекрещенко с разбитым носом после удара немца. Во время наступательного прорыва на выбивание немцев из окопов погиб командир роты, и среди красноармейцев началась паника. В этом случае санинструктор Перекрещенко проявила бесстрашный поступок в бою, бросившись в контратаку, повлекла за собой других бойцов. Она первой ворвалась в траншею, где немецкий солдат ударил Катю прикладом, но ей удалось его застрелить. После полученного легкого ранения Катя оказалась на четыре дня в госпитале, а затем вновь вернулась к боевым действиям [2, л. 10]. Однажды, произошел случай, когда Екатерина оставила землянку перед началом авиационной бомбардировки. Когда она вернулась, то увидела, что вместо землянки осталась развалина. Находившиеся там медсестры все погибли [2, л. 9 об.].

В 1942 г. дивизионная газета «Сталинская гвардия» упоминала Катю среди других героев Смоленской дивизии, участвовавших в боях. В заметке о ней указывалось: «Она выросла в Сибири, где суровая природа создает характеры суровые и прямые, честные и твердые, характеры героев». Далее воодушевленный журналист продолжил: «... По полю битвы, мрачному полю смерти движется невысокая фигурка в полушубке с санитарной сумкой через плечо. Утопая в снегу, презирая опасность, девушка разыскивает раненых» [4, л. 2].

О героических подвигах Екатерины Перекрещенко знали земляки. Они гордились и хотели узнать больше информации о ней. Из письма сестры Кате на фронт: «Катя! В Доме культуры состоится вечер, посвященный 25-летию комсомола. Пришли к нам комсомольцы и пригласили на вечер маму. Она сидела в Президиуме. Много говорили о твоей храбрости. Четвертая пионерская дружина твоего имени ждет твою фотографию, и хотят нарисовать твой портрет». О ней писали в местной газете. К осени 1943 г. грудь ее гимнастерки украшали медаль «За Отвагу» и Орден «Красная звезда и Красное Знамя», 4 почетных нашивки – 2 красные и 2 желтые, свидетельствовавшие о двух тяжелых и двух легких ранениях [4, л. 3].

Военный корреспондент, посетивший Смоленскую дивизию, душевно описывал встречу с гвардии старшиной Е. Ф. Перекрещенко: «Встретились мы с Катей в землянке. Она пришла к старшему товарищу за тематикой бесед по докладу Сталина. На фронте она вступила в партию и уже больше года являлась партгоргом роты. Воодушевленная добрыми сталинскими словами, девушка несет их в массу бойцов, поднимая гвардейцев на борьбу за большевистское выполнение приказа вождя, на ускорение окончательного разгрома ненавистного врага» [5].

Неоднократно командование предупреждало ее не лезть под огонь, спасая раненых. Всего она вынесла 321 чел., за что была представлена к высшей награде в конце 1943 г. [2, л. 10]. Жизнь старшины медицинской службы, санинструктора

Кати Перекрещенко трагически оборвалась 18 января 1944 г. Ценой огромного риска она, вынося с поля бойцов, спасла многих от смерти. Отправившись с бойцами своей части в разведку, была тяжело ранена и скончалась в госпитале.

После войны родственники Кати искали ее место захоронения. До родных дошла неполная и неточная информация о ее гибели и месте захоронения. Сохранились только сведения одного очевидца гибели Кати майора А. Н. Шемякина, не указавшего точное место гибели. В 1945 г. он писал ее родственникам: «В январе мы с ней пошли в разведку, напали на мину, она была тяжело ранена, а я получил легкое ранение. Ей оторвало левую руку и правую ногу, я ее вынес на своих руках с поля боя, донес до полевого госпиталя, и она скончалась» [2, л. 7].

В другом письме родственникам он сообщал: «Ваша сестра Катюша воевала в моей части. Бесстрашная девушка. Очень любили ее бойцы за героизм. В январе нас вместе ранило, меня легко, а она имела тяжелое ранение. В полевом госпитале на моих глазах она умерла. Сам похоронил и поставил памятник. Ее друг Леонид Лесняк к этому времени был тоже ранен» [6, л. 1]. И хотя сослуживец обещал в дальнейшем поддерживать связь с родственниками Кати, но больше он не проявлял отзывчивость и все его ответы не отличались дружелюбностью. Периодическая переписка с ним продолжалась до конца 1950-х гг. При чтении писем создается впечатление, что со временем А. Ф. Шемякина стали раздражать вопросы сестры, пытавшейся установить место захоронения Кати, а также найти ее боевые награды, которые бесследно исчезли. В одном из писем к ней Шемякин с нескрываемым раздражением отвечал: «Товарищ Дегтярева, Вы требуете в грубой и оскорбительной форме от меня, чтобы я сообщил вам место, где похоронена ваша сестра. Еще раз сообщаю, что район и место, где похоронена ваша сестра не помню. Однако помню и то смутно – это произошло на территории Калининской области» [6, л. 7]. В дальнейшем переписка прекратилась, и Лидия стала обращаться непосредственно в административные органы, где предположительно погибла ее сестра.

На многочисленные запросы Лидии Дегтяревой несколько районных советов Калининской и Псковской областей ответили, что в списках погибших Е. Ф. Перекрещенко не значилась. Окончательный ответ Лидия получила только в 1967 г. от жителей д. Алушково Пустошкинского района Псковской области – Егоровой Лидии Андреевны и секретаря Пустошкинского райкома комсомола А. Минченкова. На просьбу Лидии Федоровны откликнулись оба, они постарались дать достоверную и подробную информацию. Егорова Л. А. объясняла, что деревня Скураты в Псковской области, где погибла Катя к этому времени не существовала. Но старожилы рассказали краеведам о событиях военных лет. В январе 1944 г. погибло много советских воинов и поэтому в последующие годы все останки были перезахоронены на братском кладбище [6, л. 28]. А. Минченков официально сообщал: «Сообщаем Вам, что Ваша сестра Перекрещенко Екатерина Федоровна погибла 17 января 1944 г. в боях у деревни Скураты Пустошкинского района Псковской области. В 1957 г. ее останки были перенесены на благоустроенное кладбище д. Алушково Пустошкинского района. Так что можете смело приезжать к нам. За

братским кладбищем следят пионеры и комсомольцы Алушковской 8-летней школы» [6, л. 25].

По сведениям местного жителя В. А. Жукова, Катя была тяжело ранена и поступила в госпиталь, размещенный в одном из домов д. Алушково. Сейчас в этой деревне находится братская могила, где захоронены 2 тыс. советских воинов [6, л. 33].

В последующие годы историей жизни и смерти Кати Перекрещенко интересовались местные краеведы. Житель г. Пустошка А. И. Антонов переписывался с Лидией Федоровной. По его просьбе она отправила фотографию, вырезки из газет о сестре. А. И. Антонов писал ей: «Катя достойна того, чтобы ее именем были названы многие пионерские дружины, отряды, улицы. Как жаль, что она так мало прожила!» [6, л. 38]. Место захоронения посетили учащиеся дружины имени Кати Перекрещенко, абаканской школы № 10. Группа школьников отправилась в Псковскую область в деревню Алушково. У пионеров давно была мечта увидеть места, где проходили боевой путь жители Хакасии. Им удалось побывать на братской могиле, где среди погибших покоится прах Е. Перекрещенко. Старшая пионервожатая школы № 10 Н. Аникина писала: «Мы приедем, чтобы вновь поклониться этому святому месту, где покоится прах нашей землячки Кати Перекрещенко – славной русской девушки, которая любила жизнь и отдала ее во имя живущих [4, л. 11].

Таким образом, воспоминания о героине войны Екатерине Перекрещенко наглядно показывают героический подвиг женщины-фронтовика. Военная медсестра Екатерина Перекрещенко стала одной из многих жителей Хакасии, сражавшихся и погибших за освобождение нашей страны от нацизма.

Источники, литература

1. Полевец О. В. Женщины Хакасии-участницы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Хакасия в годы Великой Отечественной войны: боевой и трудовой подвиг. – Абакан: [б.и.], 1995. – С. 24–30.
2. Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 482.
3. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 481.
4. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 479.
5. Советская Хакасия. – 1943. – 26 декабря.
6. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 480.

© Т. А. Кискидосова, 2023

УДК 39+316.733

Трошкина И. Н.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ЭТНОБЫТОВЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ОСНОВА СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ТИТУЛЬНЫХ ЭТНОСОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении основных традиций, которых придерживаются алтайцы, тувинцы, хакасы. Эмпирической базой исследования являются результаты социологического опроса, проведенного в мае–июне 2022 г. среди алтайцев, тувинцев и хакасов в республиках Южной Сибири. Представлена информация о динамике потенциальных носителей традиций, преобладающих традициях, их этнической специфики. Сделан вывод, что несмотря на совокупное увеличение потенциальных носителей традиций титульных этносов Южной Сибири (преимущественно за счет тувинского этноса), отмечаются миграционные процессы из сельской в городскую местность, сокращение носителей родного языка, что можно оценивать неоднозначно; приоритетными этнобытовыми традициями, обусловленными этнической принадлежностью, для абсолютного большинства титульных этносов Южной Сибири являются гостеприимство, родильные, похоронные, поддерживающие значимость ценностей родительства и родства; среди инновационных стоит выделить традиции совместного проведения досуга, праздников, направленные на сохранение и воспроизводство всего спектра семейных ценностей (обусловлены половой и этнической принадлежностью, местностью проживания). Алтайцы более придерживаются свадебных и родильных традиций, хакасы – гостеприимства, застольных, у тувинцев преобладающими являются ценности гостеприимства, родильные.

Ключевые слова: этнобытовые традиции, семейные ценности, алтайцы, тувинцы, хакасы.

Troshkina I.N.

Khakass Research Institute for Language, Literature and History

ETHNOBYTE TRADITIONS AS THE BASIS OF FAMILY VALUES OF THE TITULAR ETHNIC GROUPS OF SOUTHERN SIBERIA IN THE MODERN PERIOD

Abstract. The purpose of the article is to identify the main traditions that the Altaians, Tuvans, Khakas adhere to. The empirical basis of the study is the results of a sociological survey conducted in May–June 2022 among Altaians, Tuvans and Khakas in the republics of Southern Siberia. Information about the dynamics of potential bearers of traditions, prevailing traditions, and their ethnic specifics is presented. It is concluded

that despite the cumulative increase in the potential bearers of the traditions of the titular ethnic groups of Southern Siberia (mainly due to the Tuvan ethnos), migration processes from rural to urban areas are noted, the reduction of native speakers, which can be assessed ambiguously; priority ethnobyte traditions, due to ethnicity, for the absolute majority of the titular ethnic groups of Southern Siberia are hospitality, maternity, funeral, supporting the importance of the values of parenthood and kinship; among the innovative ones, it is worth highlighting the traditions of joint leisure activities, holidays aimed at preserving and reproducing the entire spectrum of family values (due to gender and ethnicity, place of residence). Altaians adhere more to wedding and maternity traditions, Khakas – hospitality, table, Tuvinians have prevailing values of hospitality, maternity.

Key words: ethnobyte traditions, family values, Altaians, Tuvans, Khakas.

Согласно данным различных исследований, семейные ценности, представленные совокупностью компонентов супружества-родительства-родства, претерпевают существенную динамику, проявляющуюся в замещении традиционных семейных ценностей современными или инновационными [1, с. 43], что обусловлено повышением позиций индивидуалистских над коллективистскими ценностями, приоритетом частных над общими благами. Динамика семейных ценностей проявляется в изменении структуры основных ее компонентов, приводит к эффекту «перевернутой пирамиды семейных ценностей», в связи с преобладанием инновационных компонентов над традиционными. На сегодняшний день наибольшую значимость имеет ценность супружества, при этом сохраняется позиция родительства, отмечается снижение – родства.

Основу семейных ценностей составляют традиции, дополняющиеся инновациями. Отмечается, сохранение устоявшихся национально-бытовых, снижение духовно-нравственных традиций, формирование новых норм, правил и образцов поведения.

Традиция рассматривается исследователями как ценность, способ социальной организации общества, социальный регулятор, базирующийся на системе норм, представлений, передающихся в течение жизни как минимум двух поколений. Категория «традиция» раскрывается через понятия «инновация», «рациональность», «система стереотипов» (образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте ранее сложившегося мнения) [2, с. 128; 7]. Универсальным определением данной категории является понимание ее как ценности и привычного поведения (привычки) [3, с. 56]. В связи с тем, что одной из главных функций традиции является культуротранслирующая, предполагающая передачу норм жизни и принципов поведения в течении длительного времени, определение можно дополнить – «состоящее из социокультурного ядра и периферии, где доминирование первого над вторым можно рассматривать как позитивный эволюционный процесс соотношения традиций и инноваций в воспроизводстве культурных образцов.

В структуре социокультурного блока традиций исследователи, как правило, выделяют трудовые, бытовые, обрядовые и иные элементы. Они позволяют социуму сохранять ощущение стабильности и поступательного развития, регулировать общественные отношения за счет передачи системы многопоколенного социально, семейного опыта (национального, бытового, духовного, нравственного), сформировавшегося в результате естественного отбора, выраженного в нормах, представлениях, правилах и образцах поведения [4, с. 170–171]. Среди *бытовых традиций* вычлняются трудовые, свадебные, похоронные, связанные с рождением ребенка, взаимодействия с внешним миром [5, с. 1929], обусловленные жизненными циклами природы, семьи.

Традиции подвержены динамике под влиянием объективных и субъективных факторов, где первая категория факторов является определяющей. Она включает глобально-цивилизационный, государственно-региональный компоненты. Государственно-региональный фактор представлен условиями функционирования традиций этносов, политикой государства в отношении традиций и ценностей.

Политика государства, направленная на сохранение и воспроизводство традиций (явлений материального и духовного мира) исходит как из общих нормативных положений, ориентированных на укрепление общероссийской культурной основы*, так и региональных (с учетом исторических и иных местных традиций). Традиции регулируются нормативно-правовыми актами регионов**, локальными актами (уставами общественных и некоммерческих организаций, содействующих сохранению, развитию и пропаганде традиций и обычаев) [6, с. 141].

К факторам, обуславливающим эффективное воспроизводство и поддержание традиций, относят исконную территорию, компактное расселение представителей культуры, системность и взаимосвязанность составных частей традиции друг с другом и (или) с элементами другой социальной традиции. Внутренняя и внешняя системность традиции является фактором, отсекающим новации, не способных вписаться в существующую систему или стать элементом новой [7, с. 15]. Среди иных переменных, влияющих на сохранение традиций, выделяют включение локальных культур в глобальный контекст, совокупность и простоту выполнения традиций – «чем легче соблюдаются традиции и чем больше их, тем характер сообщества выражен отчетливее, тем сообщество более однородно»; совершенство механизма трансмиссии – «от того насколько безупречны способы передачи наследия, настолько богато содержание традиций» [8, с. 13–14].

Среди *факторов, снижающих уровень трансляции традиций* – процессы, происходящие в обществе (дисперсное расселение этносов, миграция населения, нравственная нестабильность общества) и семье (рост числа трансрегиональных и семей с пропущенным поколением, консенсуальных союзов или гражданских

* Постановление от 3 ноября 1997 г. № 15-П. // СЗ РФ. 1997. № 45. Ст. 5241.

** Конституция Республики Алтай от 28.12.2023 №3-КРЗ, Конституция Республики Тыва от 04.05.2023 № 67-КЗРТ, Конституция Республики Хакасия от 09.02.2021 № 01-ЗРХ; Закон Республики Алтай от 25 июня 2014 г. № 53-ЗР, Закон Республики Тыва от 10.01.2017 №252-ЗРТ, Закон Республики Хакасия от 28.06.2006 № 30-ЗРХ.

браков, неполных и сводных семей, в последнем случае основанных на повторном браке) [9, с. 99–110].

Поскольку основу семейных ценностей составляют традиции и обычаи конкретных этносов, определяющиеся культурой, принадлежащими к определенному культурному габитусу, динамика потенциальных носителей традиций, доминирующие компоненты семейных традиций, инновации представляют особый научный интерес.

В своем исследовании мы попытались выяснить какова динамика потенциальных носителей традиций за последнее двадцатилетие (2002–2020 гг.), какие традиции воспроизводятся титульными этносами в рассматриваемых национальных регионах, есть ли расхождения между алтайцами, тувинцами и хакасами по данному вопросу, прояснить какие еще традиции наличествуют.

Динамика потенциальных носителей традиций. Остановимся на одном из компонентов условий функционирования традиций – этническом составе регионов Южной Сибири, в связи с возможностью статистически оценить этнокультурную составляющую. Статистическими индикаторами являются: состав этнокультурной среды, показатели внутренней миграции этносов, идентификация по языковой принадлежности.

Динамика этнической структуры за счет сокращения русских, увеличения доли некоторых титульных этносов, иноэтничного компонента. Представительство этносов в регионах Южной Сибири за последнее двадцатилетие (2002–2020 гг.) несколько изменилось (табл. 1). Оно выражается в сокращении русских на 12,8 %, увеличении совокупной численности алтайцев, тувинцев, хакасов в своих национальных регионах на 3,3 %, по РФ – их удельный вес остался неизменным – 0,3 % (увеличение показателей происходит преимущественно за счет представителей тувинской национальности, которые составляют более 60 % от совокупной численности титульных этносов Южно-Сибирского региона) (табл. 2), росте доли иноэтничного компонента – в Республике Алтай на 5,2 %, Туве – 2,3 %, Хакасии – 18,5 %.

Стоит отметить существенные изменения, которые произошли в этнической структуре Республики Хакасии за последнее двадцатилетие, проявляющиеся в сокращении удельного веса хакасов (по РХ – на 4,5 %, по РФ – на 5,5 %) (табл. 2), а также всех доминирующих этногрупп (русских, немцев, украинцев), увеличении представителей иных национальностей, среди которых существенно возросло представительство тувинского компонента (табл. 1).

Таблица 1.

Удельный вес доминирующих этносов Южной Сибири (2002–2020 гг.), %*

	2002	2010	2020
Республика Алтай, тыс. чел.	202,9	206,1	210,9
русские	57,4	55,7	50,4
алтайцы	32,9	33,3	34,6

казахи	5,9	6,0	6,0
другие национальности	3,8	5,0	9,0
Республика Тува, тыс. чел.	305,5	307,9	336,6
тувинцы	77,0	80,9	85,2
русские	20,0	16,0	9,5
другие национальности	3,0	3,1	5,3
Республика Хакасия, тыс. чел.	546,0	532,4	534,7
русские	80,2	81,7	66,7
хакасы	11,9	12,1	10,3
немцы	1,6	1,1	0,6
украинцы	1,5	1,0	0,4
тувинцы	0,1	0,2	0,4
другие национальности	3,3	3,0	21,8

*Высчитано по: Итоги Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг.

Численность и размещение населения, Национальный состав населения, Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам РФ, Население отдельных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам РФ, Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам и полу 2020 г.

Таблица 2.

Совокупная численность алтайцев, тувинцев, хакасов по РФ и республикам Южной Сибири (2002–2020 гг.), %*

	на территории России, тыс. чел.			на территории националь- ных регионов, тыс. чел.		
	2002	2010	2020	2002	2010	2020
алтайцы, тыс. чел.	67,1	74,2	78,1	62,1	68,8	73,2
удельный вес алтайцев	17,4	18,0	18,0	17,1	18,0	18,0
тувинцы, тыс. чел.	243,4	263,9	295,3	235,3	249,2	279,7
удельный вес тувинцев	63,0	64,3	67,9	64,9	65,4	68,5
хакасы, тыс. чел.	75,6	72,9	61,3	65,4	63,6	55,1
удельный вес хакасов	19,6	17,7	14,1	18,0	16,6	13,5
численность ал- тайцев, тувинцев, хакасов, тыс. чел.	386,2	411,0	434,7	362,8	381,6	408,0

*Высчитано по: Итоги Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг.

Численность и размещение населения, Национальный состав населения, Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам

и полу по субъектам РФ, Население отдельных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам РФ, Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам и полу 2020 г.

Несмотря на то, что численность представителей русской национальности сокращается, они представляют этническое большинство (45,6 %), совокупная доля алтайцев, тувинцев, хакасов возрастает (37,7 %) (табл. 1, 2), процесс ассимиляции с этническим большинством, формирование неотрадиций за счет инноваций продолжается, особенно в регионах с расширенным этническим составом населения.

Миграция этносов из сельской в городскую местность. Существует прямая зависимость между уровнем воспроизводства традиций и местом проживания, степенью концентрации этноса в регионе (моноэтническая среда). В республиках Алтай, Тыва, Хакасия значимая часть коренных этносов сосредоточена в сельской местности (57,3 %), для которой характерен более высокий уровень сохранения традиций, нежели чем в городской. Наибольшая доля сельчан представлена у алтайского этноса, максимальная концентрация – у тувинского (табл. 4, 2). Таким образом, алтайцы, тувинцы, хакасы преобладают в сельской местности при этом отмечается общая тенденция сокращения их доли (на 5,0 %) за последнее двадцатилетие (2002–2020 гг.), увеличения удельного веса в городских территориях (табл. 3).

Таблица 3.

Удельный вес алтайцев, тувинцев, хакасов по городской и сельской местности в местах исконного проживания (2002–2020 гг.), %*

	2002	2010	2020
городская местность, тыс. чел.	136,7	153,7	173,9
удельный вес алтайцев	16,3	18,4	23,1
удельный вес тувинцев	43,1	46,8	49,6
удельный вес хакасов	38,3	38,3	33,4
сельская местность, тыс. чел.	226,1	227,9	234,1
удельный вес алтайцев	83,7	81,6	79,6
удельный вес тувинцев	56,9	53,2	50,4
удельный вес хакасов	61,7	61,7	66,6
численность алтайцев, тувинцев, хакасов, тыс. чел.	362,8	381,6	408,0

*Вычислено по: Итоги Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг. Численность и размещение населения, Национальный состав населения, Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам РФ, Население отдельных национальностей по возрастным

группам и полу по субъектам РФ, Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам и полу 2020 г.

В целом, этническая структура в регионах Южной Сибири претерпела изменения за счет совокупного увеличения численности населения титульных этносов Южной Сибири, сокращения представителей русской национальности (при этом в республиках Алтай, Хакасия они остаются доминирующей этногруппой), роста удельного веса иных этносов в регионе. Особенностью динамики национального представительства в рассматриваемых субъектах РФ является сокращение всех доминирующих этносов в Хакасии (2010–2020 гг.). Внутренняя миграция алтайцев, тувинцев, хакасов имеет тренд из сельской в городскую местность, при этом сохраняется соотношение – преобладание доли сельского над городским населением.

Изменение состава доминирующих этносов в регионах является следствием, преимущественно, миграционных процессов [10, с. 89–90], сокращение количества представителей хакасского этноса связано с процессом метисации, снижением уровня национального самосознания, естественной убылью, отрицательной миграционной динамикой; увеличение алтайцев, тувинцев обусловлено этнокультурными особенностями развития территорий. Движение населения из сельской в городскую местность связано с продолжающимся процессом урбанизации коренного населения. Эти процессы свидетельствуют о дальнейшем взаимопроникновении культур, ускоренном проявлении инновационных основ в традициях.

Динамика языковой принадлежности этносов выражается в снижении темпов прироста носителей родного языка (монолингвов, говорящих на родном языке, лиц, признающих материнский язык из числа представителей титульных этносов Южной Сибири). Дополнительным индикатором динамики традиций является изменение численности носителей родного языка. Отмечается увеличение количества признающих алтайский и тувинский языки в качестве родных на уровне РФ, на уровне национальных регионов Южной Сибири наличествуют противоречивые тенденции в динамике носителей родных языков (рост у хакасов, сокращение у алтайцев, стабильное положение у тувинцев), удельный вес монолингвов сокращается среди алтайцев, тувинцев, увеличивается у хакасов (табл. 4). Особенностью развития языковых процессов является увеличение среди хакасов числа монолингвов, признающих родным языком хакасский, увеличение доли хакасов, считающих родным языком хакасский при сокращении числа признающих хакасский язык родным в целом по РФ и РХ.

Таблица 4.
Этноязыковая ситуация по родному языку среди титульных этносов Южной Сибири (2002–2020 гг.)*

	на территории России, тыс. чел.			на территории национальных регионов, тыс. чел.		
	2002	2010	2020	2002	2010	2020
алтайцы , тыс. чел.	67,1	74,2	78,1	62,1	68,8	73,2
признание родным языком алтайский, тыс. чел.	65,5	63,5	68,7	62,6	59,5	65,6
признание алтайцами родного языка, %	н/д	83,6	86,7	89,3	85,9	88,6
количество монолингвов, говорящих на данном языке, %	7,2	6,0	3,9	7,6	6,4	4,0
тувинцы , тыс. чел.	243,4	263,9	295,3	235,3	249,2	279,7
признание родным языком тувинский, тыс. чел.	242,7	248,6	294,0	235,6	247,0	281,0
признание тувинцами родного языка, %	н/д	98,4	98,0	98,5	99,0	99,0
количество монолингвов, говорящих на данном языке, %	15,2	17,2	7,0	15,7	18,1	7,2
хакасы , тыс. чел.	75,6	72,9	61,3	65,4	63,6	55,1
признание родным языком хакасский, тыс. чел.	52,2	44,5	46,7	47,9	44,7	44,0
признание хакасами родного языка, %	н/д	65,5	74,6	71,1	69,9	78,4
количество монолингвов, говорящих на данном языке, %	2,0	1,4	1,5	2,2	1,5	1,7

* Вычислено по: Национальный состав и владение языками. Население по национальности и владению русским языком 2002, 2010, 2020, Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ 2020. Распространённость владения языками (кроме русского) 2002, Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по республикам, автономной области и автономным округам РФ 2002, Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку по субъектам РФ 2010, 2020, Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку 2010, 2020 гг.

Эти процессы свидетельствуют о продолжающемся процессе языковой ассимиляции, приводят к расширению среди титульных этносов практик билингвизма, дальнейшего языкового сдвига. Данная проблема, как и ряд сопутствующих, изучаются в рамках проблемного поля функционирования русского и тувинского языков в республике Тыва, языков титульных этносов – в Хакасии, на Алтае. Основными факторами, оказывающими влияние на этноязыковую ситуацию, являются этноязыковое законодательство, социальная среда [11].

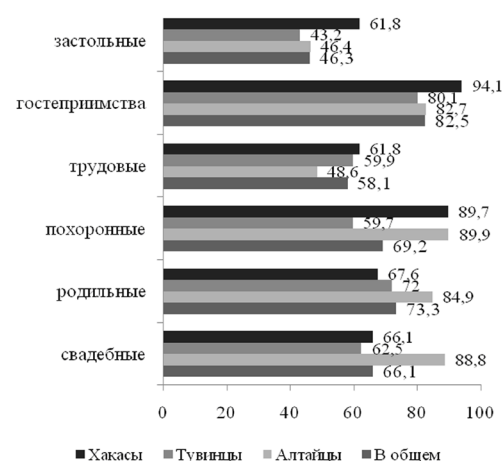
Таким образом, среди значимых факторов динамики традиций – изменение этнического состава населения Южно-Сибирского региона с преобладанием титульных этносов, иноэтничного компонента и сужение представителей русской национальности; миграция сельчан в городскую местность; сокращение носителей родного языка. Данные процессы свидетельствуют о неоднозначности компонентов, определяющих динамику традиций, сложности суждений относительно их перспектив в условиях роста числа потенциальных носителей традиций и продолжающейся урбанизации, сокращения темпов роста численности представителей материнского языка. Можно предположить, что в связи с увеличением иноэтничного компонента в регионах Южной Сибири, в перспективе динамика традиций будет испытывать влияние культурной составляющей увеличивающихся этногрупп.

Возникает исследовательская проблема: *какие бытовые традиции, формирующие каркас семейных ценностей этносов Южной Сибири, на сегодняшний день сохраняются, оказывают на общество стабилизирующее воздействие, объединяют их?*

Освещение данного вопроса необходимо начать с понимания отношения представителей этносов к родному языку, являющегося ценностью, одним из средств передачи норм, этнозначимостей.

Отношение к родному языку. Язык является этнической ценностью, важным инструментом трансляции этнокультурных ценностей. В языке отражаются такие культурные ценности как традиции, обычаи, быт и др. В общем количестве респондентов на своём родном языке могут изъясняться 92,8 % опрошенных. Наименьший процент ответивших у хакасов: только 69,1 % из них могут говорить на языке своего народа. Среди опрошенных алтайцев – 97,8 %, тувинцев – 96,2 %. Гендерных различий во владении родным языком не было выявлено, но при этом жители городов несколько чаще отмечают данный навык (95,5 % против 90,8 % у сельчан). Таким образом, трансляция этнокультурных ценностей, в т. ч. традиций посредством языка в неизменном виде (в результате перевода с одного языка на другой) в большей степени характерна для представителей алтайского, тувинского этносов, в меньшей – хакасского.

Этнобытовые традиции. Респондентам было предложено выбрать традиции, которых придерживаются в семье. Среди самых распространенных стали: гостеприимство – 82,5 %, родильные – 73,7 %, похоронные – 69,2 %. Менее популярными являются трудовые традиции, их отметило 59,7 % опрошенных, и

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие традиции Вы соблюдаете?», в %

застольные – 47,6 % от числа опрошенных*. Проанализировав общий массив опрошенных респондентов по полу и местности проживания, важно отметить отсутствие разницы в ответах по данным основаниям. Иная картина наблюдается по этнической принадлежности респондента. Например, хакасы чаще других выделяли традиции гостеприимства, застольные; алтайцы – свадебные и родильные, для тувинцев преобладающими являются ценности гостеприимства, родильные (рис. 1).

На открытый вопрос об иных семейных традициях, которых придерживается Ваша семья, респонденты отметили: совместное проведение праздников (41,7 %), встреча родов, родственников (6,6 %), приготовление национальных блюд (6,6 %).

Анализ показал, что мужчины и женщины придерживаются традиций по-разному. Так, например, женщины отмечали следующие традиции, чаще мужчин: «почитание старших» (26,4 % – женщины, 3,1 % – мужчины) и «передача поколениям обрядов и обычаев» (26,4 % – женщины, 7,1 % – мужчины). Приготовление национальных блюд (9,2 % – мужчины, 1,9 % – женщины) придерживается больше мужчин, чем женщин.

Как выявил анализ, есть различия в соблюдении традиций по критерию местность проживания. Респонденты, проживающие в сельской местности, чаще отмечают, что их семья придерживается совместного проведения праздников (48,9 % – село, 31,7 % – город) и встречи родов и родственников (11,4 % в селе и 0 % в городе). Горожане, выбирают варианты «почитание старших» (17,5 % – город, 6,8 % – село) и «приготовление национальных блюд» (11,9 % – город, 3,4 % – село).

По этнической принадлежности почитаемые традиции также различаются. Например, алтайцы выбирали почитание природы (24,2 %), передачу поколениям обрядов и традиций (27,3 %) и каждый второй – совместное проведение праздников (48,5 %). Тувинцы предпочитали в основном совместное проведение праздников (41 %). Хакасы отдавали предпочтение также совместному проведению празд-

* Сумма ответов превышает 100 %, так как по методике опроса нужно было выбрать несколько вариантов.

ников (33,3 %) и встрече родов и родственников (27,8 %).

Резюмирую все выше сказанное, можно заключить, число потенциальных носителей традиций алтайского, тувинского, хакасского этносов в своих национальных регионах в общей своей совокупности увеличилось за последнее двадцатилетие, однако миграционные ориентации из сельской в городскую местность, снижение темпов прироста носителей родного языка, в целом характеризует процесс воспроизводства традиций как неоднозначный. Особенностью динамики этносов в регионах Южной Сибири является сужение хакасского компонента, рост национальной идентификации хакасов в последнее десятилетие по этноязыковой составляющей. Можно предположить, что в связи с увеличением удельного веса иноэтничного компонента в регионах Южной Сибири, сужением – русского, динамики традиций в перспективе будет испытывать влияние культурной составляющей увеличивающихся этногрупп.

Приоритетными этнобытовыми традициями, обусловленными этнической принадлежностью, для абсолютного большинства титульных этносов Южной Сибири являются гостеприимство, родильные, похоронные, поддерживающие значимость ценностей родительства и родства; среди инновационных стоит выделить традиции совместного проведения досуга, праздников, направленные на сохранение и воспроизводство всего спектра семейных ценностей (обусловлены половой и этнической принадлежностью, местностью проживания). Алтайцы более придерживаются свадебных и родильных традиций, хакасы – гостеприимства, застольных, у тувинцев преобладающими являются ценности гостеприимства, родильные. В целом система культивируемых представлений о традициях оценивается как позитивная, в связи с выраженным стремлением опрошенных этносов в признании компонентов гостеприимства, родильных и похоронных.

Источники, литература

1. Малаева А. Т. Надэтническая идентичность или казахи и русские в Казахстане. Монография. – Алматы, 2000. – С. 43.
2. Улинова И. Х. Динамика традиций в культуре: общая характеристика и фактор взаимодействия с инновациями // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2019. – № 4 (41). – С. 122–130. DOI: 10.30725/2619-0303-2019-4-123–130.
3. Вебер М. Основные понятия стратификации / Пер. с англ. изд. А. И. Кравченко. – М.: Социологические исследования, 1994. № 5. – С. 243.
4. Беляева А. Б. Традиционные семейные ценности // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 11 (67). – С. 170–175.
5. Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник музея антропологии и этнографии. – 1929. – № 8. – С. 152–195.
6. Шайхуллин М. С. Традиции в системе нормативного регулирования местного самоуправления // Вестник волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2013. – № 2 (78). – С. 136–144.

7. Фахрутдинова А. З. Традиции и инновации: когнитивная и институциональная поддержка // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2016. Т. 2 (68). – № 4. – С. 11–20. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tuva.asia/journal/issue_6/1743-madyukova-popkov.html (дата обращения: 05.08.2023).

8. Биктагирова Г. Ф., Валеева Р. А., Биктагиров Р. Р. Семейные традиции: вопросы теории и социального проектирования: Монография. – Казань: «Отечество», 2012. – 229 с.

9. Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 99–110. DOI 10.7868/S0132162517110113.

10. Попков Ю. В., Попкова Т. В. Влияние миграции на этносоциальные процессы (на примере Сибири) // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 86–94. DOI: 10.17805/zpu.2016.1.6.

11. Трошкина И. Н. Этноязыковая ситуация в регионах Южной Сибири // Социодинамика. – 2020. – № 12. – С. 27–38. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.12.34604.

© И. Н. Трошкина, 2023

УДК 655.552

Чертыкова М. Д.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА НА ИЗДАНИЕ «АЛТАЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ»

Аннотация. В рецензии дается оценка лингвистом этнографического словаря алтайцев, выполненный сотрудниками Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Анализируется построение словарной статьи, словника, структуры работы, а также удобство пользования словарем.

Ключевые слова: словарь, культура, этнография, языкознание, алтайцы.

Chertykova M. D.

Khakass Research Institute for Language, Literature and History

LINGUIST'S PERSPECTIVE ON THE PUBLICATION «ALTAI ETHNOGRAPHIC DICTIONARY»

Abstract. The review evaluates the linguist's assessment of the ethnographic dictionary of the Altai people, made by the staff of the Research Institute of Altaic Studies

named after S. S. Surazakov. It analyzes the construction of the dictionary article, the dictionary, the structure of the work, as well as the usability of the dictionary.

Key words: dictionary, culture, ethnography, linguistics, Altaians.

В современном мире значимость лексикографических источников неопределима: они содержат и систематизируют коллективные знания целой эпохи; способствуют общению и взаимопониманию между разноязычными народами; удовлетворяют интересы каждого, кто прибегает к их помощи. По сути же, в содержании любого вида словарей фиксируется ценная информация о мировоззрении, истории, культуре народа в определённый период времени. В последнее время интерес общества к своим корням, истории, этнографии и культуре становится всё более устойчивым и конструктивным. В таких условиях выход в свет очередного словаря всегда представляет собой важное и радостное событие.

В этом году увидел свет «Алтайский этнографический словарь» (2023), подготовленный коллективом авторов – этнографов Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова (г. Горно-Алтайск). Данный словарь – есть очередной существенный подарок гуманитарной науке и обществу от алтайских коллег. Словарь подготовлен в рамках Основного мероприятия «Этнокультурное наследие народов Республики Алтай» подпрограммы «Развитие науки в Республике Алтай» государственной программы Республики Алтай «Развитие образования». Считаю, что это значимый факт не только в социально-гуманитарных науках, но и в общественной жизни Горного Алтая и других регионов нашей страны. Понятно, что создание такого крупного справочного труда было бы невозможным без достаточно высокого уровня подготовки нынешних как известных, так и молодых алтайских специалистов. Явным основополагающим принципом такого вида работ также является научная преемственность, выраженная в аккумуляции и использовании накопленных теоретических и практических знаний в сибирской гуманитарной науке. На сегодняшний день тюркология хоть и в не достаточной мере, но имеет некоторые наработки в этой области. Лексикографическая работа Ф. Г. Хисамитдиновой «Словарь башкирской мифологии» представляет собой систематизацию материала о мифологических представлениях, персонажах и именах башкирской мифологии [11]. В своё время издание «Хакасско-русского историко-этнографического словаря» В. Я. Бутанаева стало ярким событием в гуманитарной науке, которого высоко оценил Д. А. Функ: «В списке ярких достижений тюркской лексикологии – словарей, составленных Л. З. Будаговым, В. И. Вербицким, В. В. Радловым, Н. И. Ашмариним, Э. К. Пекарским, К. К. Юдахиним – «Хакасско-русский историко-этнографический словарь» В. Я. Бутанаева с полным основанием может занять одно из самых почётных мест» [10, с. 163]. В алтаистике настоящей рецензируемой работе предшествовали работы В. П. Ойношева [4, 6], Н. Р. Ойноктиновой «Мифологический словарь алтайцев» (2021) и др. Чрезвычайной особенностью и достоинством подобных лексикографических источников является то, что они представляют собой уникальное собрание языковых, исто-

рических, этнографических, архивных, социальных сведений, что соответствует растущим требованиям междисциплинарных научных изысканий.

«Алтайский этнографический словарь» обладает новизной в том плане, что в более чем 1500 статьях раскрываются содержания этнографических терминов и понятий, по сути же, знаков и символов алтайской духовной культуры. «При этом хронологические рамки исследования охватывают период, начиная с середины XIX в. и до начала XXI в. Нижняя граница связывается с началом активного изучения истории и культуры алтайцев учеными и деятелями Алтайской духовной миссии. Верхняя граница обусловлена временем активного возрождения элементов традиционной культуры коренных народов исследуемого региона» [2, с. 5]. Подобного рода источники всегда актуальны и вызывают определённый интерес как в научном мире, так и у всех читателей, равнодушных к своим историческим корням. Также актуальность данного Словаря заключается в популяризации научных знаний, т. е. в условиях современности научные этнографические разработки алтайских и других учёных становятся доступными для широкой публики.

Словарь состоит из трёх разделов: «Константы традиционной культуры алтайцев»; «Материальная культура»; «Нематериальная культура», внутри которых термины по категориально-семантическим признакам разбиваются на подразделы и параграфы. Такая тематическая подача материала – есть одно из достоинств Словаря, поскольку систематизированный свод тематического разнообразия лексики всегда удобно для его эффективного восприятия и использования. В лингвистике подобное построение словаря относится к категории тематических, что, в первую очередь, отвечает коммуникативным направленностям обучения языкам, а также исследовательским интересам лексикологов.

Этнографическая направленность и параметры описания сведений и фактов, содержащихся в Словаре, нацелены на получение и обогащение представлений об их особенностях и / или функциях, и обмен ими в соответствующих условиях общения. Соответственно, современного пользователя интересуют не только общие сведения, фиксируемые частотными словами, но и специализированные и архаичные сведения, способствующие углублению и расширению его кругозора, например, словарные статьи: **АПТЫРА** – маленький деревянный ящик, окованный металлическими пластинами. Располагался он на ритуально чистом месте (*tör jer*), которым считалось пространство между очагом и опорным шестом подвесов внутри *айыла* (*чакы*), с охватом левой верхней мужской половины юрты [8, с. 59]; {...} [2, с. 141]; **ТОРСУК** – бурдюк. Сосуд для жидкости. Шивался из кожи животного «снятой с ног животного; места повыше пятки» [9, с. 367; 2, с. 145]; **ЎРЕЙ (УРЕЙ)** – рождественские песни [2, с. 279]; **ТАКПАК** – плясовая песня [2, с. 278] и др. Большинство зафиксированных в Словаре лексем носит архаичный характер, и выходит из употребления. Но такие слова свидетельствуют о динамичности общества, отражённой в словарном составе языка, а также об изменениях, касающихся семантики и формы самих слов.

В последние годы набирают актуальность междисциплинарные исследования. Лексемы, отражающие различные стороны материальной и духовной жизни

конкретного этноса, представляют собой не только этнографический, но и языковой материал, которого можно отнести к категории антропологической лингвистики и / или этнолингвистики, изучающей язык в тесной взаимосвязи с такими человеческими феноменами, как ментальность, культура, духовная и практическая деятельность, общество и этнос. Подобный комплексный подход к исследованию даёт достоверные сведения не только о языке народа, но и о его повседневной жизнедеятельности и быте в определённый исторический период. Возьмём для примера слово **АЛБАТЫ** – 1) данник; 2) народ. Для обозначения народа в целом, также использовали термины «калык», «эл», «јон», «эл-јон», «кара албаты» [1, с. 56]. Самой многочисленной частью алтайского общества в XVII–XVIII вв. были простые скотоводы, которые назывались *албаты / кара албаты*, но они не были однородной массой. *Албаты* делились на скотоводов, более или менее обеспеченных скотом, малоимущих и бедняков (*јокту*); {...} [2, с. 78]. Как известно, данное слово относится к числу монгольских заимствований в сибирских тюркских языках; во всех монгольских языках его значение остаётся без изменения: «*alba-tu* халх. *албат*; бур. *албата*; калм. *алвт* подданный, подвластный; *ист.* крепостной, данник» [7, с. 44]. Однако, в алтайском языке, как и в хакасском языке, семантика данного слова незначительно трансформировалась в сторону понятия «народ» [более подробно см. 12]. Этнографическое же описание слова *албаты* в рецензируемом Словаре проливает свет на причины изменений в его семантической структуре. Таким образом, Алтайский этнографический словарь представляет немаловажную ценность не только для этнографии, но и для сравнительно-сопоставительного языкознания, диалектологии и фольклористики.

С лингвистической точки зрения словарные статьи Словаря с заглавным словом составляют целую концептуальную целостность, например, из словарной статьи слова **АРЧЫН** – можжевеловый; {...} [2, с. 244] мы можем выявить и описывать в лингвокультурологическом аспекте ключевые слова (соответственно, с переводами на алтайский или другие тюркские языки), характеризующие данную концептуальную сферу: «воскуривание», «ритуальное очищение человека», «снятие наговора, порчи, сглаза» и т. д.

Тематическое построение лексем в Словаре также важно для исследования тематических групп слов. Для полноты картины лингвистическое объяснение тех или иных слов очень полезно в данном случае: знание основ этимологии и семантики помогает правильно понять принципы характеристики используемых в этнографических описаниях терминов. Из сказанного следует, что создание таких словарей – есть перспективная область междисциплинарных научных разработок.

Также мы хотели бы отметить один важный нюанс. Авторы Словаря алтайский язык и диалекты включили в первый раздел «Константы традиционной культуры алтайцев» на том основании, что «вопросы языка тесно связаны с вопросами этнической идентификации коренного населения Республики Алтай» [2, с. 14]. Известно, что язык любого народа составляет духовную основу – платформу нации. Именно в языке отражается вся культура и история и традиционные и мировоз-

зренческие ценности народа. Будучи критерием самоидентификации конкретного этноса, язык формирует представление человека об окружающем мире и создает целое пространство знаний, запечатлённых в словах, синтаксисе, грамматике и т.д. Тем самым понимая язык как залог существования социума, в частности, конкретного этноса, и подчёркивая его ключевую значимость в становлении и развитии общества, мы бы алтайский язык и его диалекты вынесли в отдельный разряд, но не наряду с терминами флоры и фауны.

Авторами Словаря проделана колоссальная работа. Словарь отличается хорошим стилем, точностью в толковании и изложении фактов и сведений. Думается, что в ходе работы над Словарём авторы испытывали некие трудности в подборе лексического материала, поскольку этнографическая терминология не имеет чётких границ. По этой причине, вполне возможно, что содержание Словаря не может претендовать на достаточный объём языковых единиц. К тому же, как мы знаем, идеальных словарей не бывает, поскольку их создание всегда отстает от динамичности внешнего мира: от изменений в обществе, росте в экономике и других областях жизни общества. Однако словари всегда обладают определённым потенциалом своего дальнейшего совершенствования, обновления и дополнения информации. И рецензируемый Словарь также, скорее всего, не исчерпывает все наименования и толкования всех этнографических терминов и понятий традиционной духовной и материальной культуры алтайцев. Однако то, что мы получили в подарок от авторов – алтайских коллег, помогает раскрыть этнографическую картину мира алтайцев и других родственных тюркских народов Сибири, их представления о мире и человеке. Несомненно, Словарь будет способствовать распространению достоверных этнографических, исторических, археологических, архивных, лингвистических знаний в научной, образовательной и социальной сферах. В практическом плане также для каждого грамотного и образованного человека важны знания таких сведений и, соответственно, употребление выражающих их языковых единиц в речи.

Источники, литература

1. Алтайско-русский словарь. Редколлегия: канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. ист. наук Н. В. Екеев, канд. филол. наук А. Н. Майзина, К. К. Пиянтинова, Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук Е. В. Тюнтешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.
2. Алтайский этнографический словарь / Редколлегия: Н. В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов (науч. ред.), С. В. Абысова, Д. А. Аткунова, М. С. Дедина, С. Д. Дилекова, Т. В. Метреева, Э. Г. Торушев, А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2023. – 370 с.
3. Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999. – 238 с.
4. Краткий словарь понятий и терминов по культурологии, фольклору и этнографии / Составители Ойношев В. П., Урбанова С. Е. – Горно-Алтайск: БУ РА «Республиканский центр народного творчества», 2019. – 180 с.

5. Мифологический словарь алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. – 600 с.

6. Ойношев В. П. Краткий словарь этнографических и фольклорных понятий и терминов. – Горно-Алтайск, 2011. – 90 с.

7. Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. – М.: ИВ РАН, 2016. Том II: G–P. 2016. – 232 с.

8. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Изд. 2-е [переизд.]. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – 496 с.

9. Тихонов С. Н. Традиционные жилища алтайцев // Этнография народов Сибири. – Новосибирск, 1984. – С. 55–64.

10. Функ Д. А. В. Я. Бутанаев. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999 // Этнографическое обозрение. 2002. – № 3. – С. 53–60.

11. Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. – Уфа: Китап, 2019. – 432 с.

12. Чертыкова М. Д. Монгольские заимствования в тексте хакасского героического сказания «Албынчы» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2023. – Вып. 1 (39). – С. 73–85. DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-73-85.

© М. Д. Чертыкова, 2023

УДК 821.0:398

Ямаева Е. Е.
независимый исследователь

СКАЛЫ С ЧАШЕЧНЫМИ УГЛУБЛЕНИЯМИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАМЯТНИКА КАРА-СУУ ОНГУДАЙСКОГО РАЙОНА)

Аннотация. Отдельные памятники наскального искусства эпохи бронзы Горного Алтая позволяют выделить типовые элементы и их функциональные связи, которые нашли отражение на ряде композиций. Повторяющиеся изображения козлов, змей, чашечных лунок и антропоморфных фигур обнаруживают наличие устойчивой закономерности создания наскального рисунка, которая была обусловлена архаической мифологической картиной мира. Одна из моделей мифологического мировоззрения нашла отражение на петроглифе Кара-Суу Горного Алтая, что позволило предоставить вариант реконструкцию древнего ритуала.

Ключевые слова: наскальный рисунок эпоха бронзы козлы змеи антропоморфные фигуры чашечные лунки реконструкция ритуал.

Yamaeva E. E.
Independent researcher

ROCKS WITH CUP-SHAPED RECESSES: TOWARDS POSING THE QUESTION OF RECONSTRUCTION THE ANCIENT WORLDVIEW (BASED ON THE MATERIAL OF THE KARA-SUU MONUMENT IN THE ONGUDAI REGION)

Abstract. Individual monuments of Bronze Age rock art in the Altai Mountains make it possible to identify typical elements and their functional connections, which are reflected in a number of compositions. Repeated images of goats, snakes, cup holes and anthropomorphic figures reveal the presence of a stable pattern in the creation of rock art, which was determined by the archaic mythological picture of the world. One of the models of the mythological worldview was reflected in the Kara-Suu petroglyph of the Altai Mountains, which made it possible to provide an option for the reconstruction of an ancient ritual.

Key words: rock art Bronze Age goats snakes anthropomorphic figures cup holes reconstruction ritual.

Среди многочисленных археологических памятников Горного Алтая петроглифы занимают особое место. Большинство памятников наскального искусства имеет полистадиальный характер. На одном памятнике отображается несколько культурных слоев, различающихся по стилю изображения, технике создания и идеологическому содержанию. Однако некоторые памятники занимают изолированное положение и являются культурным достоянием только определенного периода истории. Актуальность исследования подобного памятника не вызывает сомнения. Одним из таковых является петроглиф Кара-Суу, расположенный в 5 км от с. Кулада. Скала с рисунками расположена у подножья горы, на берегу небольшой речки. Выступ имеет небольшую нишу, рядом завалены крупные камни. Местные жители отмечают необычное тепло и уют, исходящее от скалы. Рассказывают, что во время отела коровы любят находиться на этом месте. Существует также легенда, согласно которой «прапрабабушка» одного из алтайских кланов родила здесь своих сыновей (см. Рис. 1).

Источником для исследования является композиция, созданная на горизонтальной плоскости небольшой скалы. На композиции имеются три четкие антропоморфные фигуры, две фигуры непонятные (крючковатая линия с перекрестием, развилчатая палка). Возле них нанесены лунки (по одной штуке) разных размеров. Больше всего ямок, выполненных тщательно и аккуратно, встречаются возле фигур, напоминающих по форме змею (далее: змееподобные). Лунки нанесены возле

Рис. 1. Скала Кара-Суу. Близ с. Кулада. Фото Ямаевой Е.Е., 2017 г.

Рис. 2. Наскальный рисунок на скале Кара-Суу. Близ с. Кулада. Фото Ямаевой Е.Е. 2017 г.

фигур, напоминающих по форме старую и новую луну. На отдельных, скальных выступах имеются единичные изображения козлов, не относящиеся ко времени создания центральной композиции. Надо отметить, что змееподобные фигуры занимают центральное положение в композиции. Две длинные, извилистые фигуры как бы разделили рисунок. Антропоморфные фигуры с небольшим количеством козлов оказались по одну сторону, а фигуры, изображающие козлов, ориентированные в противоположную сторону от людей, а также небольшие точки (лунки), вытянутые разливы (змейки), оказались по другую сторону. Между ними расположены чашечные лунки и змееподобные фигуры (см. Рис. 2.).

Исследование семантики элементов композиции, их функциональных связей представляет интерес для исследователей. Расшифровка невербального текста, переданного на археологических артефактах посредством «языка» традиционной культуры алтайцев была довольно характерна для работ А. С. Суразакова [2, 3, 4]. В своей работе, посвященной скифской культуре Алтая, А. С. Суразаков поставил вопрос реконструкции мировоззрения древнего населения в качестве одного из направлений исследований [5, с. 53]. Устная эпическая традиция и шаманские тексты *алкышы* широко используются исследователями для прочтения археологического материала. Памятник хорошо известен археологам. В свое время здесь побывали Е. А. Окладникова, В. Д. Кубарев и другие. Но специального исследования, посвященного рисункам на скале, не обнаружено.

Изучение повторяющихся элементов наскальной композиции, относящихся только к определенному периоду истории, позволяет нам выделить постоянные, типовые составляющие композиций. В долине Каракола Онгудайского района на памятнике Ак-Кем змей располагается под ногами козла с четырьмя ногами. Картины покрывают многочисленные лунки [1, с. 75]. Две круглые лунки над / возле изображения козла встречается на петроглифах Канг-Кобы, Тыныскайак (Нижняя-Талда) этой же долины [1, с. 47]. Повторяемость элементов на отдельных памятниках указывает, что в целом чашечные углубления встречаются в сочетании с фигурами человека, змей и козлов, что, вероятно, являлось типовым мотивом мировоззрения его носителей. Антропоморфные фигуры, как правило, имеют удлиненную шею, круглую головку (иногда в грибовидном головном уборе), удлиненные раскинутые руки и ноги. Антропоморфные фигуры с перечисленными выше параметрами, как известно, позволяют датировать наскальные рисунки ранним периодом эпохи бронзы. В ранний период бронзы появляются также змееподобные фигурки. Возле змей в некотором отдалении иногда рисуется фигура человека с каким-либо предметом в руке, возможно орудием [6, с. 41]. Таким образом, можно отметить, что устойчивое сочетание типовых элементов, свидетельствующих об их функциональных связях, позволяет «прочитать» архаическую мифологическую модель мира.

Рассмотрим эти элементы и проведем возможную природную и хозяйственную реконструкцию композиции на материале памятника Кара-Суу. Козлы – удивительные животные, способные быстро взбираться на самые высокие скалы, подпирающие небо. Козлы предпочитают крутые склоны со скалами и каменистые россыпи [7, с. 241]. Гон у них начинается в первой половине ноября (изредка конец октября). Козлята рождаются в апреле-мае. В настоящее время горные козлы *кочкоры* не обитают в горах Каракольской долины. Змея после зимовки появляется обычно в середине апреля. Весной они любят греться на солнышке на нагретых камнях, возле россыпей (или на пнях или сваленных деревьях) [8, с. 101]. Вскоре, в мае происходит спаривание, детеныши появляются через 3 месяца, в августе (хотя бывают и отклонения). Детеныши в течение 2–3 дней, вскоре после рождения, сбрасывают шкурку и расплзаются. Летом змеи держатся ближе к водоемам. На

зимовку уходят со второй половины сентября – в октябре. Находят глубокие норы, расщелины скал и уходят в спячку. Пастухи Горного Алтая в эпоху бронзы нередко наблюдали поведение козлов и змей весной-летом, знали, что у тех и других в это время появляется потомство, а у детенышей змеи снимается шкурка, знали о том, что с появлением змей раскрываются льдины, наступает долгожданное лето. Начинается время дождей. С появлением потомства у козы у пастушеских племен везде появлялось изобилие, молоко, сыр. Для пеших пастухов, следующих за быстро передвигающимися козами, было много известно о жизни животных.

Постепенно формируются мифологические представления об образах змеи и козла. С точки зрения семантики с архаических времен змея символизирует водную стихию. Её способность перемещаться по воде и по земле позволили воспринимать её как медиатора в дихотомии вода / земля, низ / верх. В мифологических представлениях она связана с водной стихией, вода – это место, где она обитает. Она же воспринимается как податель воды, дождя, плодородия, урожая. Взбирающиеся на самую верхушку скал, гор, козлы нередко ассоциируются с солнцем. Козлы являются своего рода медиаторами в дихотомии земля / небо, низ / верх, женщина / мужчина.

Какова функция чашечных углублений на рисунках? Являются ли лунки Кара-Суу специально выбитыми ямочками для разлития в них жертвенной жидкости? Как известно, изображение лунок стали чаще встречаться на оленных камнях и окуневских стелах Горного Алтая [9, с. 48–49; 10, с. 133–134; 11, с. 51; 12]. В ландшафтном плане стелы с чашечными углублениями (окуневские изваяния) не обязательно находятся рядом со скалами, но исследователи отмечают их привязанность к подножьям гор. Такова стела с чашечной лункой близ Иодро, и, при этом чашечные выемки на плоских камнях считаются самыми ранними. Рассматриваемые чашечные лунки на горизонтальной плоскости Кара-Суу, безусловно, могут входить в ряд наиболее ранних композиций. Что касается семантики, нанесенных на камень лунок, то у исследователей самые разные мнения. Ю. С. Худяков считает, что выбитое число могло соответствовать множеству умерших предков, которые должны возродиться в потомстве, дабы не пострадала численность и жизнедеятельность сообщества, членами которого они были [13, с. 38]. Хронологически чашевидные лунки датируются II тыс. до н.э. В контексте современных представлений алтайцев интерес вызывает высказывание Н. А. Шодоева о невидимых миражах в виде точек. По невидимому *иргилдын*, что не видно обычному зрению, отдельные шаманы видят прошедшие или будущие события на этой местности» [14, с. 73]. Установка стелы с рисунками и чашечными углублениями могла связана с совершением ритуала, реализуемому в соответствии с мировоззрением людей той или иной эпохи. Поскольку целью любого ритуального действия является испрашивание благополучия, обеспечение безопасности жизнедеятельности, то предпочтительнее принять точку зрения, что нанесение чашечных лунок на стелах является актом производственной или оберегательной магии.

В контексте реконструируемого ритуала наскальную композицию можно рассматривать как «текст в тексте». Совершаемый ритуал, сам по себе, уже единичный, не повторяемый, раз и навсегда исполненный акт. Основными участниками являются служитель культа и родственный коллектив. Адресаты же (духи-хозяева горы, реки) воплощены в образах, выбитых на ритуальной плоскости. Работа мастера-художника, выполнившего заказ коллектива, тоже своего рода эксклюзивная работа. Ритуал, периодически повторяемый коллективом, чтобы обновить природу и социум, совершается каждый раз по одному и тому же сценарию, но возможно, другим коллективом – коллективом потомков. Так происходит до тех пор, пока в этом есть необходимость или нет внешних идеологических вторжений. Ещё раз напомним, что Кара-Суу – эта композиция на горизонтальной скальной поверхности. От земли до плоскости с рисунками идет скальный выступ высотой около 10 м, углубленный во внутрь горы. Для выполнения ритуала служитель культа должен подняться по расщелине на поверхность скалы с рисунками. Участники ритуала, сородичи имеют возможность находиться только внизу, на земле. В другом варианте реконструкции служитель культа вместе с сородичами стоит на земле и брызгает жертвенный напиток как можно выше. В любом случае жертвенная пища выливается на скалу и остатки её остаются на поверхности. Как отмечает Б. Н. Путилов «в содержательном плане аохетипическая модель мира ориентирована на предельную космологированность сущего <...>, на описание основных параметров Вселенной – пространственно-временных, причинных, этических, количественных, семантических, персонажных» [14, с. 149].

Таким образом, на наскальном рисунке Кара-суу нашли отражение персонажи, олицетворяющие мировоззрение древних обитателей эпохи бронзы. Самые ранние элементы древней мифологической картины мира представлены в виде символических знаков горы / скалы (козел), воды (змея), социума (антропоморфные персонажи), искусственных углублений на горизонтальной плоскости («инструмент» для контакта с духами предков, природы). Козел – символ избыточной сексуальности, змея – символ плодovitости – как можно лучше отражают мифологический подтекст. Чашечные лунки, наполненные жертвенным напитком, могут, действительно, символизировать обращение к адресату. В то же время в обмен на жертву дух-хозяин предоставляет людям блага (воду, дождь, тепло, изобилие и т.д.).

Источники, литература

1. Ямаева Е. Е. Петроглифы долины Каракол. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – 76 с.
2. Суразаков А. С. К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 3–34.

3. Суразаков А. С. К семантике изображений на оленных камнях // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 36–43.

4. Суразаков А. С. К изучению прошлых мировоззрений // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем: тезисы международ. науч. конф. Горно-Алтайск, 21–23 сентября 1998 г. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – С. 11–12.

5. Суразаков А. С. Космогония в орнаментации зеркал скифского времени // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Материалы конференции, посвященной 40-летию ГАНИИИЯЛ. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 49–53.

6. Кучин А. П. Флора и фауна Алтая. – Горно-Алтайск, 2001. – 262 с.

7. Собанский Г. Г. Копытные Горного Алтая. – Новосибирск: Наука: Сибирская издательская фирма, 1992. – 256 с.

8. Тишкин А. А. Каменные стелы из курганного могильника Бийке на р. Катунь // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 46–49.

9. Древности плоскогорья Укок: Тайны, сенсации, открытия / Отв. ред. В. И. Молодин. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2000. – 192 с.

10. Елин В. Н., Ларин О. В. Два оленных камня из Горного Алтая // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 50–52.

11. Берс Е. М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 18–31.

12. Худяков Ю. С. К вопросу о датировке стел с лунками в Южной Сибири и Центральной Азии // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 22–48.

13. Шодоев Н. А. Основы алтайской философии. – Бийск, 2009. – 205 с.

14. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Петерб. Востоковедение, 2003. – 464 с.

© Е. Е. Ямаева, 2023

ОТРАЖЕНИЕ ОБЫЧАЯ ИЗБЕГАНИЯ ‘КАЙЫНДАГАНЫ’ В ЭПОСЕ АЛТАЙЦЕВ

Аннотация. В статье рассматривается обычай избегания в эпосе алтайского народа на примере одного эпизода из сказания Н. П. Черноевой «Кускунак-Мерген». Отмечается, что данный обычай изображен на втором глубинном плане и присутствует как фоновое знание, отражающееся через поступки эпических героев. Анализ эпического сюжета выявляет имплицитное содержание в рассматриваемом эпизоде, где обнаруживается строгое следование героев правилам обычая избегания ‘кайындаганы’.

Ключевые слова: эпос, обряд, обычай избегания, запрет, фоновые знания, скрытый смысл.

REFLECTION OF THE CUSTOM OF AVOIDING ‘KAIYINDAGANY’ IN THE ALTAI EPIC

Abstract. The article considers the custom of avoidance in the epic of the Altai people on the example of one episode from N. P. Chernoeva's tale “Kuskunak-Mergen”. It is noted that this custom is depicted on the second deep plan and is present as background knowledge reflected through the actions of epic heroes. The analysis of the epic plot reveals the implicit content in the episode in question, where the heroes' strict adherence to the rules of the custom of avoiding ‘kaiyindagany’ is revealed.

Key words: epic, ritual, avoidance custom, prohibition, background knowledge, hidden meaning.

Алтайская эпическая традиция корнями уходит в глубокую древность. Героические сказания сохранили память о традициях и обычаях народа. В них в поэтической форме воспроизведены отдельные стороны жизни людей. По ним мы можем судить о некоторых характерных признаках традиционного общества с присущей ему социальной структурой. В этом плане алтайский эпос служит источником для изучения разных сторон социальных взаимоотношений. Как правило, в эпосе они не выражены открыто, но присутствуют постоянно. Существование в эпосе двух разных планов отметил Б. Н. Путилов. В первую очередь он выделяет явный план, который прослеживается на поверхности повествования, описывается более или

менее подробно и последовательно. Наряду с явным планом существует второй план – имплицитный, который действует и дает о себе знать из глубины, незримо присутствующий. По мнению исследователя, второй глубинный план составляет основной семантический пласт эпоса, мир его мотивировок, причинных связей, его корневую систему [1, с. 176]. Этот глубинный план представляет особый исследовательский интерес.

Алтайский эпос обладает огромным потенциалом, позволяющим передавать скрытый смысл в завуалированной форме. В понимании такой информации большую роль играет ассоциативная связь, базирующаяся на фоновых знаниях, в качестве которых могут рассматриваться общеизвестные и потому привычные явления и понятия в традиционной культуре. В эпическом повествовании они выражены в поэтической речи в виде устойчивых формул. Например, поэтические формулы: «*Jaan söstö jажыт жок, / Улу söstö уйат жок* ‘Большое слово не утаить, / За великое слово не стыдно’» [2, с. 200–201], используемая в обряде сватовства, или «*Жастанарга јен ээлеген, / Јабынарга тон ээлеген* ‘Чтобы подушкой быть, рукава износились, / Чтобы укрываться, шуба износилась’» [3, с. 554–555], подразумевающая намерение найти невесту, являются универсальными и не могут иметь разных толкований. Подобные поэтические формулы, а также разные стилистические и художественно-образительные средства языка, применяемые в фольклорной традиции, знакомы всем, они узнаваемы и не требуют пояснений.

В повествовании эпоса сказитель опирается на общеизвестные понятия. К таковым в алтайской культуре относится обычай избегания, который соблюдается по сегодняшний день. Он включает двусторонние запреты, которые выражены в таких понятиях как *кайындаганы* – избегание невесткой старшего брата мужа и других старших родственников-мужчин со стороны мужа и *келиндеш* – избегание невестки старшими мужчинами со стороны мужа [4, с. 109]. Этот обычай иначе называют «*келин – кайын*» [5, с. 78] или «кайндаш» [6, с. 122]. Он имеет большое значение в соблюдении этических норм, заложенных в традиционной культуре алтайцев испокон веков. Обычай избегания заключается в том, что в обычае *кайындаганы* невесте запрещается называть имя старших мужчин, приходящихся ей *кайны*, в их присутствии необходимо прикрывать открытые части тела, быть сдержанной во всем – не вступать в разговор первой, не смотреть прямо в глаза, не садиться раньше их и т. д. В традиционном обществе невеста строго придерживалась данных правил, так как считалось, что нарушение обычая может привлечь несчастья. Ряд запретов соблюдался также мужчинами со стороны мужа по отношению к невесте – не предстать перед ней без обуви и головного убора, не вступать свободно в разговор и по возможности не контактировать с ней ближе допустимого.

Имплицитно выраженный обычай избегания прослеживается в героическом сказании «Кускунак-Мерген», записанном от сказительницы Натальи Павловны Черноевой. Он является тем фоновым знанием, который необходим для восприятия второго глубинного плана эпического сюжета. Рассматриваемый нами эпи-

зод повествует о том, что жил в своем алтае состарившийся и обессилевший Уладай-Мёкё (Уладай-Мёкё) со своей супругой. Однажды во время охоты он гоняется за маралом, который испытывает старика. Когда старик ловит марала, тот советует ему срезать рога, испить крови от пантов самому Уладай-Мёкё и его супруге. Они выполняют наказ марала и становятся моложе. Уладай-Мёкё отправляется на охоту, там он вступает в многолетнюю борьбу с Темир-Бёкё. В отсутствие Уладай-Мёкё рождается его сын. Подросший до семилетнего возраста мальчик все еще остается безымянным. Однажды он спрашивает у матери об отце и просит, чтобы нарекли ему имя:

<i>Уулчак энезине айтты:</i>	Мальчик матери своей сказал:
<i>«Кийик болзо, тўктў болотон,</i>	<i>«Зверь так с шерстью должен быть,</i>
<i>Кижик болзо, атту болотон.</i>	<i>Человек так с именем должен быть.</i>
<i>Мынча тўмен калыкта</i>	Среди стольких туменов народа,
<i>Менин адымды адайтан</i>	Чтобы мне имя дать,
<i>Канайып кижик табылбас?»</i>	Человека как не находится?» – спросил
<i>деди [7, с. 117].</i>	[пер. – С.А.].

В ответ на просьбу сына мать указывает жилище старого человека, который может наречь ему имя. Мальчик немедленно отправляется к нему со своей просьбой. Старик, узнав о том, кто он такой, совершает обряд имянаречения, благословляет его и дает имя Кускунак-Мерген:

<i>«...Ады-жолын сенин эмди</i>	<i>«...Имя-род твой теперь –</i>
<i>Кулузун-жеерен атка минген</i>	<i>На коне Кулузун-Дьеерен ездящий</i>
<i>Кускунак-Мерген баатыр бол-</i>	<i>Кускунак-Мерген баатыр будет» – так</i>
<i>зын» – деп,</i>	
<i>Карган өббөгөн айдып берди</i>	Старик ему сказал [пер. – С.А.].
<i>[7, с. 118].</i>	

Кроме того, старик одаривает мальчика стрелой в колчане. Стрела, представленная как оберег, принадлежал ему самому и защищал его от врагов. Когда Кускунак-Мерген отправляется за своим конем, старик приносит его матери богатые снаряжения для сына.

Из последующего повествования выясняется, что старик, давший имя Кускунак-Мергену, приходится герою дядей со стороны отца по материнской линии. В приведенном выше эпизоде сказительница умалчивает о родственной связи мальчика со стариком, однако в имплицитном плане повествования она подразумевает древний обычай. Совершаемые действия и поведение персонажей указывают на соблюдение обычая избегания всеми. Со стороны матери мальчика обычай *кайындаганы* выражен в том, что она не называет старика по имени, отправляет к нему сына одного, сама же остается дома. В свою очередь старик, на самом деле являющийся дядей безымянного героя, также соблюдает обычай. Он мог бы наречь имя мальчика после его рождения, но, согласно обычаю, старшие родственники по линии мужа не могут приходить в гости к снохе в отсутствие её мужа. Следовательно, мальчик долгое время остается без имени из-за длительного отсутствия

своего отца. Он стремительно растёт, а когда сам приходит к дяде, то обращается к нему со словами:

<i>«Менин адам андап барган,</i>	<i>«Мой отец на охоту отправился,</i>
<i>Адымды адаар кижик жок.</i>	<i>Чтобы имя мое наречь, человека нет.</i>
<i>Энем мени слерге ийген,</i>	<i>Мать моя меня к вам направила,</i>
<i>Карган кижик слер</i>	<i>Старый человек вы</i>
<i>Адымды адап берер деген.</i>	<i>Имя мое наречет сказала.</i>
<i>Ады-жолымды ададайын деп,</i>	<i>Имя-звание мне чтобы нарекли,</i>
<i>Мен слерге быйанду келгем.</i>	<i>Я к вам с благодарностью пришел.</i>
<i>Слердинг жажыгарды жажайын деп,</i>	<i>До ваших лет чтобы жить,</i>
<i>деп,</i>	<i>Вас не забывая, чтобы жить,</i>
<i>Слерди ундыбай жүрейин деп,</i>	<i>Когда горы переваливать буду, чтоб бла-</i>
<i>Тайга ашса, алкыш берзин деп,</i>	<i>гословили,</i>
<i>Талай кечсе, болуш берзин деп...»</i>	<i>Когда реки переходить буду, чтоб по-</i>
[7, с. 117–118].	<i>мощь оказали...» [пер. – С.А.].</i>

По просьбе мальчика старик совершает положенный обряд имянаречения.

Сравнение эпизодов с описанием обряда имянаречения во многих сказаниях показывает, что проведение данного обряда обычно объявляется отцом новорожденного ребенка и сопровождается торжеством *той* в честь рождения и наречения героя. По данным исследователей в разных местностях данное торжество может называться как *«баланын тойы»*, *«ийт мўн»*, *«кичинек той»*, *«койу көчө»* [4, с. 74]. Тот, кто дал хорошее имя ребенку, удостоивается большой чести и уважения. В традиционном обществе особая ответственность возлагается на старших родственников ребенка – брата или дядю, которые совершают все основные обряды, связанные с рождением ребенка – это наречение имени, стрижка волос, разрезание пут, а затем, по достижении пяти-десяти лет, следует обряд *төркүлөп*, при котором идет одаривание подарком *баркы*. Мальчику принято дарить коня и его упряжку (уздечку, седло) [8, с. 43]. В сказании Н. П. Черноевой дядя Кускунак-Мергена также одаривает его богатырскими доспехами, которые он доставляет к *айлу* героя.

Приведенный эпизод раскрывает скрытые семантические значения в действиях персонажей. Слушателю, не владеющему фоновыми знаниями, достаточно сложно уловить смыслы на глубинном уровне. Завуалированный в эпизоде обычай избегания *кайындаганы* проясняется при встрече сына с отцом. *«Э-э, балам! Сенин адынды / Менин таайым адаптыр...»*. – *«Э-э, балам! Твое имя / Мой дядя нарекал оказывается, ...»* – говорит Уладай-Мёкё, когда при встрече с сыном узнает о том, кто нарек его сына в его отсутствие [7, с. 292]. Любопытно и то, что Кускунак-Мерген не называет имени дяди. Вероятно, он не знал его, поскольку по обычаю избегания установлен запрет на произношение имени старших родственников по линии мужа [9, с. 41–42]. Наложение такого запрета по традиции производится во время свадебного обряда, когда старший брат или дядя со сторон мужа при открывании ритуальной белой занавеси *көжөгө* наказывает невестке: *«Адымды адаба, / Алдымды кечте»* – *«Имени моего не называй, / Дорогу мне не переходи»*.

С этого момента невестка беспрекословно чтит установленный порядок.

Эпос алтайцев содержит множество имплицитно выраженных смыслов как в эпизоде из сказания Н. П. Черноевой. Значительная доля подразумеваемого содержания в эпосе приходится на различные стороны традиционного уклада и образа жизни народа. Распознавание или восприятие заложенной в них глубинной и важной информации возможно при помощи фоновых знаний.

Источники, литература

1. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. – Л.: Наука, 1988. – 225 с.
2. Кан-Жеерен атту Кан-Жекпей = Кан-Дьеерен атту Кан-Дьекпей / Перевод А. А. Конунов // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). Т. VII. – Горно-Алтайск, 2021. – С. 188-235. – «Памятники эпического наследия Алтая».
3. Кан-Жегей = Кан-Дьегей / Перевод М. А. Демчинова // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). Т. VII. – Горно-Алтайск, 2021. – С. 480–581. – «Памятники эпического наследия Алтая».
4. Шатинова Н. И. Семья у алтайцев. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1981. – 184 с.
5. Укачина К. Е. Алтай тойдын чўм-жандары (Обычаи и обряды алтайской свадьбы). – Горно-Алтайск: ООО «Полиграфика», 2020. – 344 б.
6. Енчинов Э. В. Обычай и ритуал в жизни семьи // Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX – начало XXI веков). Т. 3. – Горно-Алтайск: Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2018. – С. 113–124.
7. Кускунак-Мерген // Алтайские богатыри (Алтай баатырлар). Том IV. / Переиздание. – Горно-Алтайск: АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2021. – С. 108–136.
8. Чочкина М. П. Алтайский детский фольклор. – Горно-Алтайск, 2003. – 156 с.
9. Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. – Горно-Алтайск, 1990. – 169 с.

© С. В. Абысова, 2023

УДК 391

Аткунова Д. А.

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова

СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ТАЁЖНОГО АЛТАЯ

Аннотация. В центре внимания автора женская одежда коренных малочисленных народов (тубаларов, челканцев, кумандинцев) таёжной зоны Республики Алтай. Установлено, что женская одежда имела соответствие природно-климатическому окружению и находилась в прямой зависимости от культурно-хозяйственного типа этнического сообщества. Особое внимание уделяется трансформационной адаптации женского костюма в современное время. В работе нашли отражения и сакральные функции женской одежды, которая выступает как некий невербальный язык культуры. Методологической основой исследования являются общетеоретические положения по изучению материальных основ культуры, разработанные в отечественной науке. В статье использованы методы: сравнительно-исторический, типологический, а также ретроспективный анализ. В заключении кратко констатируется, что самообновление женской одежды произошло «методом трансформационной изменчивости» уже существующих форм культуры (современная женская одежда имеет много стилизации или стилизованных элементов).

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, кумандинцы, тубалары, челканцы, традиционная одежда, орнамент.

Atkunova D. A.

Scientific Research Institute of the Altaistiks named after S. S. Surazakov

MODERN WOMEN'S CLOTHING OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE TAIGA ALTAI

Abstract. The author focuses on women's clothing of indigenous peoples (Tubalars, Chelkans, Kumandins) of the taiga zone of the Altai Republic. It is established that women's clothing had correspondence to the natural and climatic environment and was in direct dependence on the cultural and economic type of the ethnic community. Special attention is paid to the transformational adaptation of women's costume in modern times. The work also reflects the sacral functions of women's clothing, which acts as a kind of non-verbal language of culture. The methodological basis of the study is the general theoretical provisions on the study of the material foundations of culture, developed in domestic science. The article uses the following methods: comparative-historical, typological, as well as retrospective analysis. The conclusion briefly states that the self-renewal of women's clothing occurred "by the method of transformational variability" of already existing cultural forms (modern women's clothing has a lot of stylization or stylized elements).

Key words: indigenous peoples, Kumandins, Tubalars, Chelkans, traditional clothing, ornament.

Из глубины веков сохраняется женская одежда коренных малочисленных народов Республики Алтай, вплетаясь в современный мир моды. Костюм как феномен культуры является формой опредмечивания человеческой ментальности, духовности в материально-созидательной деятельности человека и как результат социокультурного способа деятельного бытия человека содержит информацию о совместном опыте и может выступать как некий невербальный язык культуры [4, с. 85]. В современное время женская одежда отражает древние традиции, связанные с этнической историей народа, социальными, климатическими условиями, экологической ситуацией. Исторически сложилось, что тесное общение алтайцев с русским народом нашло свое отражение и в одежде. Женщины таёжного Алтая и крещеные алтайки постепенно перешли к ношению русской одежды: широкой юбки, собранной в складки, блузки и платки. Окончательно традиционная одежда коренных малочисленных народов вышла из употребления еще в 30-е гг. XX в. [3, с. 239].

Исследование женской традиционной одежды коренных малочисленных народов Республики Алтай является своевременным. В настоящее время наблюдается интерес к традиционной одежде со стороны самого народа – это и сценическая, и свадебная, и вечерняя одежда. Одевают национальную одежду на традиционные праздники *Жылгайак* (календарный праздник, связанный с началом весны, проводится зимой и старого года, а также со встречей начала нового года), *Тюрюк-Байрам* (Праздник Кедр, праздник культурного и духовного возрождения, сохранения и развития народного творчества) на различных мастер-классы, региональные, всероссийские научно-практические конференции, круглых столах, выставках–ярмарках и т.п. [14, с. 264].

Традиционная одежда коренных малочисленных народов издавна являлась объектом исследования этнографической науки. Описание одежды тубаларов, кумандинцев и челканцев можно найти в трудах – В. В. Радлова, А. В. Анохина, Л. П. Потапова, Ф. А. Сатлаева, Е. П. Кандараковой, Е. А. Бельгибаева и др. В научных сборниках, монографиях современности – «Алтайцы: Этническая история и традиционная культура. Современное развитие» (2014), «Этнографический атлас Республики Алтай» (2022), «Алтайский этнографический словарь» (2023) и др.

По функциональному назначению традиционная женская одежда коренных малочисленных народов региона подразделялась на повседневную, промысловую и обрядовую. Женскую традиционную одежду можно условно разделить на зимнюю и летнюю, верхнюю и нижнюю. Основу современного женского костюма составляет: халат, безрукавка, жилет, платье и юбка.

Нижняя плечевая женская одежда. Женское платье шилось из окрашенного холста, сатина и других фабричных изделий – шёлка, кашемира. Пошив современного платья происходит из таких тканей как: шелк, атлас, бархат и др. Источника-

ми воссоздания костюма выступают: воспоминания самих кумандинцев, челканцев и тубаларов; описания одежды в исторических источниках, музейных коллекциях и т.п. [10, с. 134; 14, с. 220, 264].

Покрой одежды был простой: платье, отрезанные по талии, перед и спинка выкраивались из перекинутого полотна. В статье Е. П. Кандараковой «Женская одежда у чалканцев и некоторые дополнения к ней» автор выделяет четыре вида платьев.

Первый вид платья украшался вышивкой, при общем одинаковом покрое рукавов и воротника, подол платья, обшлага рукава и воротник вышивали цветными нитками, ромбическими рисунками, вырез на груди застегивался на три пуговицы. Вторым видом платья с оборками, по подолу такого платья прошивали три ряда воланов (допускались воланы и другого цвета), на рукавах воланы не делали, также по подолу платья могла прокладываться одна широкая оборка. Третий вид платья имел по подолу полоски разных цветов (красные, синие, желтые, голубые). Четвёртым видом платья имел по подолу три полоски из ткани другого цвета, причем эти полосы не накладывались на подол платья, а вшивались в отрезной подол [5, с. 74]. Широкая оборка на подоле – довольно устойчивый признак и кумандинских женских платьев [10, с. 134].

Исследователь В. В. Радлов отмечал, что женщины северного Алтая носили длинные рубахи с прилегающим воротником, обшитым белым жемчугом [9]. В воспоминаниях Г. Гельмерсена можно найти, что женская одежда кумандинцев иногда похожа на мордовскую и черемисскую или на одежду карел и финн. Но в чем именно выразилось это сходство, исследователь не указывает. Вероятнее всего, оно состояло в материале, т.е. в холсте, из которого шилась одежда, и в покрое.

Варианты современного сценического женского костюма тубаларов, челканцев, кумандинцев описаны в книге «Алтайский национальный костюм» [2]. Женский тубаларский костюм – платье из плотного шелка, перед прямой с боковинами–клиньями. Спинка платья отрезанная, от линии талии идут оборки, низ заднего полотнища юбки собран в оборки. Подол, обшлага и ворот отделаны тканью яркого цвета и вышиты геометрическим орнаментом. Застёжка впереди на ярких пуговицах. Халат из тонкой шерсти прямого покроя с узкими втачным рукавом расшит тесьмой [2, с. 17].

Верхняя плечевая женская одежда. В настоящее время популярным в традиционной женской одежде является – женский халат наподобие лёгкой накидки. Верхняя одежда носится как на распахку, так и подпоясанной, важно отметить и то, что вся современная верхняя летняя одежда надевается поверх платьев, футболок, или рубашек. В настоящее время такой халат можно встретить на различных традиционных праздниках коренных малочисленных народов *Жылгайак*, *Тюрюк-Байрам* и др. Накидки чаще выполняются с широкими свободными рукавами, не скрывающими движения, контур халата украшают каймой, ворот раковинами каури. Не редким бывает, что такие халаты запахиваются застёжками на молнии (см. Рис. 1).

Рис. 1. Современная женская накидка. с. Кебезень.
Фото Аткуновой Д. А. 2020 г. [1].

Рис. 2. Современная женская безрукавка. с. Кебезень.
Фото Аткуновой Д. А. 2020 г. [1].

Рис. 3. Современный сценический тубаларский женский костюм. с. Кебезень.
Фото Аткуновой Д. А. 2020 г. [1].

Ещё одним видом современной летней верхней одеждой является безрукавка, похожая на *чегедек* (безрукавная распашная одежда алтайцев) (см. Рис. 2).

Больше этнических мотивов можно почерпнуть в современном сценическом женском костюме коренных малочисленных народов. Например, многие фольклорные ансамбли, исполнители народного творчества из среды тубаларов используют свои сценические костюмы в этническом стиле (см. Рис. 3).

В прошлом, холщовый халат являлся также лёгкой летней одеждой у женщин и девушек таёжного Алтая. У кумандинцев женский халат *коспек* шили из плиса или шелка с ситцевой подкладкой, воротник из плюща или красного сукна. Рукава оторочены черной тканью

и пришиты без ластовиц. Его покроем – спинка и полки – из одного перекинутого полотнища. В борта вставлялись широкие клинья и, кроме того, два небольших клина по бокам, так что полы книзу получались расклешенными. Запахивался халат левой полкой наверх и подпоясывался шерстяным поясом, но его могли носить и на распашку [10, с. 135]. Другим праздничным женским халатом из шелка был *ньанмек*, длина его ниже колен, воротник для него вырезался отдельно, и пришивался наглухо, спереди по углам он был украшен разноцветными шелковыми кистями.

Другие виды традиционной верхней летней одежды кумандинок – длинный кафтан *шекпек*, *армек*, описаны Ф. А. Сатлаевым [10, с. 135–136]. В альбоме «Этнографические рисунки Г. И. Чорос-Гуркина» на одном из портретов изображена женская кумандинская традиционная одежда первой половины XX века [13].

Женская одежда коренных малочисленных народов таёжного Алтая была сдержана в цветной гамме и украшалась геометрическим орнаментом ромбами и ломаными линиями. До середины XIX века эти узоры вышивались не только в качестве украшения, но и имели магические и обрядовые функции, сопровождая человека от рождения до смерти [7, с. 294]. Узоры, орнаменты можно было встретить на зимней одежде, например, ими украшали вязаные шерстяные рукавицы. Из цветной шерсти, кумандинки вязали чулки с орнаментом на верхней части голенища. Итак, своеобразным орнаментом были *ектеш* (крючок), *колон* (пряжка), *пага* (лягушка), *айаиш* (чашечка) и т.д., украшались запястье рукавиц, женские чулки, пояса [6, с. 230]. Представительница из коренных малочисленных народов, исследовательница языка и культуры челканцев О. Н. Пустогачева отмечала: «Важно рассказывать об особенностях своего народа, своей культуры. Раньше по узорам на костюме можно было понять, из какого рода человек и что он из себя представляет. Украшения, вышивка – это язык костюма. Основной узор – ветви кедр, священного дерева. Пара лебедей тоже символ важный – ведь наш народ еще называют «лебединцами» или черневыми татарами. Цветы у нас на орнаментах – как цветущая тайга. Орнамент – это книга, а не просто украшения на халате» [14].

В настоящее время музейные коллекции предлагают довольно большое количество разнообразных дополнений к женской одежде. В книге «Украшения народов Сибири» описана плечевая одежда, в том числе коренных малочисленных народов региона.

В монографии поясняется, что для украшения одежды служили ткани. Здесь применялся прием отделки путем сочетания деталей, выполненных из материала разных цветов. Аппликация – достаточно характерный прием украшения верхней плечевой одежды алтайцев, не только из ткани, но и из меха. У кумандинцев, тубаларов, челканцев широкой полосой черной ткани обшивали концы рукавов, имитируя широкие обшлаги. Параллельно краю их разделяла на две равные части полоса – узкая аппликативная – или строчки вышивки. Такие же узкие полоски нашивались на воротник. Вместе с его окантовкой число полос достигало четырех. Аппликативные полосы из контрастной ткани проходили вдоль левого борта

женской одежды. Известно два варианта такого украшения: две полосы, расположенные параллельно, с незаполненным пространством между ними, и с аппликативным же зигзагом, выполненным из ткани иного цвета, между параллельными полосами. Аналогичная отделка присутствовала на подоле женской одежды. Двумя разноцветными полосками, идущими параллельно друг другу, отмечали угол левой полы, которая при ношении одежды немного заходила на правую.

Для украшения одежды коренные малочисленные народы таёжного Алтая использовали вышивку шелковыми и шерстяными нитками. Они были яркими, преобладали синий, желтый, зеленый, красный цвета. На особо нарядной одежде вышивали все аппликативные полосы, на более простой – только воротник. Особенно характерным, насколько можно судить по имеющимся материалам, был тамбурный шов. Вышивка выполнялась также швом «козлик» и в технике перекрещивающейся неплотной глади. Орнамент сравнительно простой: волны, располагавшиеся в шахматном порядке разноцветные прямоугольники, чередовавшиеся разноцветные квадраты, ряды крестов, растительные узоры. Украшением разных видов одежды служили пуговицы [11, с. 153–160].

Одним из древних пришитых украшений женских платьев является нагрудник. В современное время такие нагрудники шьет Ирина Сафроновна Таштандинова из тубараского рода *сеока тогус*, мастер современного декоративно-прикладного искусства. По ее сведениям, нагрудник был дополнительным элементом одежды, на него нашивались пуговицы, из золота и серебра, монеты, раковины каури, натуральные камни, бусинки. Похожие нагрудники информантка видела у хакасов, татар, и у ряда других народов. В прошлом, нагрудник являлся драгоценностью и своеобразным наследством девушки, он мог передаваться от матери к дочери, таким образом, и украшения на него могли дополнительно продолжать нашиваться. Отметим, что различные украшения у девушки идут с самого детства, так при рождении в семье девочки существует обычай дарить пуговку, бусину, каури или монету – это её уже первое украшение, по мере взросления ребенка, украшений становилось все больше [1].

Таким образом, костюм в целом и некоторые его элементы в частности, украшающие одежду символы призваны защищать человека от потенциальных угроз со стороны других людей и потусторонних существ, гарантировать благосклонность богов и духов, обеспечить здоровье и благополучие [8, с. 484]. В современной женской одежде данная сакральная функция практически утрачена.

В цветовом плане в современной одежде коренные малочисленные народы отдают предпочтение зеленым, синим, голубым, желтым и красным цветам. По сообщению информанта, перечисленные цвета имеют каждый свое значение, например, синий символизирует небо, красный – огонь и т.д. Другой информант пояснил, что традиционные тубаларские халаты в основном зеленые – ближе к цвету природы. Встречались и такие информанты, кто сшил одежду выбирая ткани любимых для себя цветов [14, с. 219]. Дизайн современной женской одежды перекликается с историческими и национальными костюмами. Информантка отмечала, что

последний свой костюм она сшила примерно за пятнадцать тысяч рублей, со всеми украшениями, с нагрудником и необходимым материалом. Так как платья длинные и с широким подолом поэтому и ткани больше уходит, да и ткань используют «богатую» бархат, сатин, атлас редко шерсть. Хотя в украшениях в настоящее время чаще используют не драгоценные камни, а бижутерию [1].

Мастером по плетению накосных украшений является заведующая библиотеки с. Кебезень Турочакского района Надежда Олеговна Примак из тубаларского рода *сеока санмай*. В своём интервью она отмечала, что истоки плетения накосных украшений связаны с традиционным праздником *Жылгайак*, на котором проходит конкурс накосных украшений. Для накосных украшений использует пуговицы, ракушки каури, бисер, бусы. Накосные украшения более современного вида, их цветовая гамма соответствует цвету природы, используется мех (норки). По времени такие украшения изготавливаются по-разному, небольшое украшение можно сделать за вечер. Если создавать ярусные украшения, то потребуется около недели. Для облегченных накосных украшений мастер использует специальную шелковую нить, для долговечных использует проволоку. Для изготовления накосных украшений применяются современные материалы (бисер, бусинки, раковины каури), они со слов информантки более практичные, удобные и быстрые. Украшения на продажу не изготавливает. В своём интервью Надежда Олеговна подчеркнула: «В нашем поселении родители стараются делать сами накосные украшения для своих дочерей, ко мне обращаются только за советом. Такие украшения носят на традиционные праздники. В повседневности можно использовать заколки с элементами украшений – ракушки, бисер, бусинки. Я использую такие украшения. На базе нашей сельской библиотеки есть кружок – бисероплетение. И на отдельные темы, для возрождения культуры тубаларов, и челканцев на территории нашего поселения мы проводим мастер-классы для детей и подростков. Дети проявляют интерес, материала, конечно, не хватает. Я объясняю, как я это вижу, и мы создаем. Планирую в будущем создавать и сережки с национальными элементами и браслеты» [1].

Самообновление женской одежды коренных малочисленных народов таёжного Алтая произошло «методом трансформационной изменчивости» уже существующих форм материальной культуры. Процесс самообновления культуры осуществляется не только методом трансформационной изменчивости уже существующих форм и систем, но и путем возникновения новых феноменов, в результате культурной диффузии [12]. Культура не является однократным событием, она есть процесс постоянного порождения новых культурных форм и систем. Первой причиной культурогенеза является необходимость в адаптации человеческих сообществ к меняющимся условиям их существования путем выработки новых форм (технологий и продуктов) деятельности и социального взаимодействия (вещей, знаний, представлений, символов в социализации и коммуникации и т.п.).

Рассматривая современную женскую одежду коренных малочисленных народов таёжного Алтая, можно сделать вывод об особой значимости женского костюма в их современной духовно-культурной жизни. В ходе сбора полевого ма-

териала, этнографических наблюдений выяснилось, что возрождается в основном легкая летняя одежда, зимняя одежда коренных малочисленных народов практически уходит из обихода. Шьют зимнюю одежду для экспонатов в современные музеи или для театрализованных представлений. Нижняя и верхняя плечевая современная женская одежда, сохраняя элементы традиционной культуры (покрой, цветовая гамма) имеет много стилизации или стилизованных элементов.

Источники, литература

1. Научный архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Материалы научных экспедиций. Дело № 144, 151.
2. Алтайский национальный костюм. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1990. – 96 с.
3. Алтайцы: Этническая история и традиционная культура. Современное развитие / НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова; редколл.: Н. В. Екеев (отв. ред.), Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов. – Горно-Алтайск: Изд-во «ИП Пермяков С. А.», 2014. – 464 с.
4. Боброва А. Ш. Традиционный костюм коренных народов Сибири как отражение эмпирической ментальности // Вестник ТГПУ. 2004. Выпуск 4 (41). Серия: Гуманитарные науки (история, археология, этнология). – С. 85–90.
5. Кандаракова Е. П. Женская легкая одежда у челканцев и дополнения к ней // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1998. – С.74.
6. Каралькин П. И. Кумандинцы // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. – СПб., 2008. – С. 219–231.
7. Кучукова Д. А. Этнографическое изучение орнамента народов Сибири // Археология, этнография, палеэкология северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: материалы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Красноярск, 2011. – С. 293–295.
8. Ойроткина Н. Р. Мифологический словарь алтайцев. – Новосибирск, 2021. – 600 с.
9. Радлов В. В. Из Сибири. – Москва: Наука, 1989. – 749 с.
10. Сатлаев Ф. А. Кумандинцы. Историко-этнографический очерк (XIX – первой четверти XX века). – Горно-Алтайск, 1974. – 200 с.
11. Украшения народов Сибири. – СПб: МАЭ РАН, 2006. – 344 с.
12. Флиер А. Я. Культурогенез. – М., 1995. – 128 с.
13. Этнографические рисунки Г. И. Чорос-Гуркина: альбом / сост. Р. М. Еркинова, Н. П. Гончарик. – Горно-Алтайск, 2014. – 251 с.
14. Этнографический атлас Республики Алтай / редколлегия: Н. В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов (науч. ред.), Г. Б. Эшматова, А. П. Чемчиева; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022. – 462 с.

© Д. А. Аткунова, 2023

УДК 392.813

Торушев Э. Г.

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова

ЖИВОТНОВОДСТВО В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Аннотация. В жизнеобеспечении населения Республики Алтай животноводство играет существенную роль. Так, в 2000-х гг. для многих лично подсобных и фермерских хозяйств региона животноводческая деятельность остается одним из основных источников продуктов питания и денежных доходов. Некоторые жители Горного Алтая заняты ремеслами и домашними промыслами связанные с пошивом традиционной одежды коренного населения, которая изготавливается из шкур и шерсти домашних животных. Экскременты сельскохозяйственных животных используют как органическое удобрение, так же из них в Кош-Агачском районе готовят топливо – кизяк.

Ключевые слова: Республика Алтай, мясо, молоко, традиционная одежда, навоз.

Torushev E. G.

Scientific Research Institute of the Altaistiks named after S. S. Surazakov

LIVESTOCK BREEDING IN THE LIFE SUPPORT SYSTEM OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF ALTAI

Abstract. Livestock farming plays a significant role in the livelihood of population of the Altai Republic. In the 2000 s livestock farming remained one of the main sources of food and cash income for many private households and farms of the region. Some residents of Gornyi Altai are engaged in crafts and household crafts related to sewing traditional clothing of indigenous population. Traditional clothing is made fromhide and wool of domestic animals. Dung of farm animals is used as organic manure. Itis also used as a fuel in Kosh-Agach region.

Key words: Altai Republic, meat, milk, traditional clothes, dung.

Республика Алтай (Горный Алтай) расположена в центре Азиатского континента, юге Западной Сибири. В жизнеобеспечении населения региона животноводство играет главенствующую роль. Так, на 01 января 2022 г. в Республики Алтай поголовье сельскохозяйственных животных во всех категориях хозяйств составило 396,0 тыс. условных голов, в том числе: 197,7 тыс. голов КРС (крупнорогатый скот); 349,7 тыс. голов овец и коз; около 100,1 тысяч голов лошадей [3; 6, с. 16, 19, 24]. Численность населения Республики Алтай на 01 января 2022 г.

составила 221,6 тыс. человек [21]. Согласно Всероссийской переписи 2020 г. большую часть населения региона составляли русские – 50,4 %, коренное население – 38,5 %, казахи – 6,0 % и др. [20].

Молочное скотоводство является одной из важнейших отраслей животноводства населения региона. В 2000-х гг. Республика Алтай занимает лидирующее место в Сибирском федеральном округе (СФО) по производству и потреблению молока на душу населения. Например, в 2018 г. регион был на первом месте 332 л. на душу населения, – при среднем по СФО 250 л. [22, с. 207]. В целом, у широких слоев населения Горного Алтая повседневной пищей являются молоко, сметана, творог, сливочное масло. Молоко входит как основной ингредиент во многие блюда, например, в молочных супах и кашах.

Глубокие традиции употребления молочных продуктов у коренного населения Горного Алтая и у местных казахов. Например, в сегодняшние дни распространенным и любимым напитком у коренных жителей остается кисломолочный продукт – *чеген / айрак*. Из *чеген / айрак* готовят – *аарчы* (творожная масса). Из *аарчы* изготавливают кислый сыр – *курут*, который в основном коптят, в Кош-Агачском районе алтайцы-теленгиты и казахи кислый сыр (*курт* у казахов) сушат. Также готовят мягкий сыр, который коренное население называют – *быштак*. Путем перегонки на специальном традиционном аппарате *шурум* из *чеген* получают самогон – *араки* [8].

Из свежего кобыльего молока алтайцы и казахи готовят – *кумыс*. Напиток *кумыс* известен своим целебными свойствами. Например, фермер Ж. Б. Каранов в 2000-х гг. кумыс поставлял в Чемальский туберкулезный санаторий, а также в Кош-Агачскую районную больницу для лечения туберкулеза [9].

В культуре алтайцев традиционные молочные продукты, такие как *курут*, *быштак* и *арака* относятся к почитаемой пище, которых используют для проведения обрядов: годового цикла, свадеб и т.д.

В 1990-х – 2000-х гг. население Республики Алтай в основном используют молоко коров в меньшем количестве кобыл. В 2020 г. в регионе было произведено 73,9 тыс. тонн молока, из которого 99,9 % составляет коровье молоко [4]. В 2000-х гг. некоторые хозяйства в Горном Алтае стали держать молочных породистых коз, часто это животные нубийской породы [23, с. 336].

Традиционно молочные продукты в суровых условиях Сибири обеспечивают жителей региона полноценными белками, незаменимыми аминокислотами, витаминами, микроэлементами и многими другими питательными веществами. Например, суточная потребность кальция на 75–80 % удовлетворяется за счет молочных продуктов. Веками молоко являлось незаменимой основой питания в детском возрасте, как людей, так и животных. В целом молочные продукты относятся к числу пищевых продуктов в значительной мере определяющих здоровье человека [1, с. 23].

В 2000-х гг. мясо остается основным продуктом питания населения Горного Алтая. Так, регион занимает лидирующую позицию среди субъектов Сибирского

федерального округа по производству мяса. Например, за 2018 г. Республика Алтай был на первом месте по производству мясной продукции на душу населения в Сибирском Федеральном округе, 204 кг. на душу населения, – при среднем по СФО 83 кг. [22, с. 207].

Население Горного Алтая основную заготовку мяса производят поздней осенью с наступлением стабильных холодов. В это время животные наиболее упитаны и люди начинают забой своих выращенных животных. После забоя мясо домашних животных замораживается и в таком состоянии хранится. Весь запас замороженного на зиму мяса коренное население, и казахи Горного Алтая называют – *согум*. Величина заготовленного мяса зависит от материального достатка и от количества членов семьи [24, с. 408].

В обычные дни мясо готовят по-разному: варят, жарят и тушат. В связи с тем, что у населения Республики Алтай мясо – эта основная и любимая пища, поэтому забитое животное, используется полностью, обязательно употребляют и субпродукты. Коренное население и местные казахи из субпродуктов готовят кровяную колбасу – *кан*, *дьоргом* (*жоргом* – у казахов), *казы* и *карта* и т.д. Одними из самых распространенных блюд в регионе из субпродуктов относящейся к русской кухне является холодец (студень) и сальтисон. Эти блюда широко распространились среди коренного населения и казахов Горного Алтая [25, с. 34, 150–151, 287, 354–355; 16].

В целом мясо – эта богатая животным белком и жиром пища, помогает поддерживать жизнедеятельность организма человека в холодное время года в суровых условиях Горного Алтая (например, Кош-Агачский и Улаганский районы Республики Алтай был приравнен к региону крайнего севера). Так, современные исследователи отмечают, что для нормального функционирования организма коренное население Республики Алтай должны получать достаточное количество белковых продуктов – молока и мяса. Замена их на крупы, мучные продукты и сахар предрасполагает к развитию заболеваний, связанных с нерациональным питанием [25, с. 150].

На сегодняшние дни для многих хозяйств КРС и лошади – это источник денежных доходов, вырученных от сдачи скота коммерсантам «живым» весом. Например, в некоторых случаях скот сдают в августе месяце, чтобы подготовить школьников и студентов к учебе. Так, в 2020-х гг. в среднем одна голова полуторагодовалой телочки или бычка стоила 25–30 тыс. руб. В связи с тем, что в 2000-х гг. в Республике Алтай предприниматели хорошо скупали лошадей (живым весом), поэтому многие хозяйства активно занимаются коневодством. Например, в 2020 г. в среднем за одну лошадь выручали 35–40 тыс. руб. Так же в местах, где развит туризм, местное население лошадей держат специально для конных прогулок туристам. Например, в 2021 г. в селах Иогач и Артыбаш Турачакского района (данные села находятся на берегу живописного Телецкого озера, где в этих местах очень развит туризм), одна лошадь в день приносила прибыль 2–3 тыс. руб. [2, с. 25–26].

В 1990-х – 2000-х гг. у некоторых хозяйств Республики Алтай в жизнеобеспечении большую роль играет птицеводство. Надо отметить, в птицеводстве на-

селения Горного Алтая произошли существенные изменения. В хозяйствах почти не остается кур, гусей и уток местных пород. В наши дни в хозяйствах выращивают в основном инкубаторских птиц, которых выгоднее содержать, чем местных. Если это породы мясного направления, то они за сезон вырастают в разы крупнее местных. Если это яйценоские куры, то они больше несутся, и яйца крупнее, чем у местных несушек [23, с. 336].

В отдельных случаях некоторые лично-подсобные хозяйства разводят и перепелов. Так, в 2021 г. в селе Сейка Чойского района в хозяйстве семьи Изосимовых вместе с утками, гусями и курами выращивают и перепелов. Полученные от перепелок яйца хозяева употребляют сами, но со временем хотят их реализовывать за деньги [23, с. 336].

В сегодняшние дни продолжают оставаться востребованными традиционная одежда и предметы быта коренного населения Горного Алтая. Часто они имеют не утилитарное значение, а культурное, например, подчеркнуть свое этничность. Так, в 2000-х гг. традиционная шуба алтайцев и теленгитов в основном стала одеждой не повседневной, их заказывают для праздничного и ритуального ношения. Часто это красиво украшенная верхняя одежда. В связи, с чем в регионе есть целый слой населения, который занимается изготовлением этих предметов и вещей под заказ. Получая за свою работу деньги. Шубу – *тон* традиционно шьют из овечьих шкур. Крой шубы, как у мужчин, так и женщин одинаков, без талии, свободно расширяющийся книзу, с запахом слева направо так, что левая пола перекрывает правую полу и вырезана ступенчато. Женские шубы отличаются от мужских более длинными полами. Эти шубы стоят от 30000 до 80000 руб. [12; 13; 14].

Также мастера изготавливают и традиционную обувь из кожи крупнорогатого скота с войлочными чулками (*баишак өдүк* или *тере өдүк* букв. обувь из кожи). Из овчины или козьих шкур продолжают шить – дюркан (*журкан*) (изделие, сшитое из обработанных шкур животных, в основном для отдыха, им можно накрыться как одеялом или завернуться и спать). Стоимость такого изделия 15000 руб. если покупать у самого мастера, на ярмарке стоимость достигает 35000 руб. [25, с. 167].

С древних времен в Горном Алтае изготавливали войлок, и эта традиция не утерялась в наши дни. Современные мастера из войлока воспроизводят различные традиционные вещи: ковры, циновки, одежду обувь и т.д. [18]. Из войлока казахи Кош-Агачского района продолжают изготавливать традиционные ковры *сырмак* и *тускиш*. Эти ковры входят в обязательный комплект приданого казахской невесты [7; 11].

В с. Новый-Белтир Кош-Агачского из шерсти яка вяжут носки – *ук*, они пользуются спросом у чабанов, охотников, в них ноги не потеют. В 2023 г. пара таких носков стоила около 2 тыс. руб. [12; 13].

Так же население Горного Алтая продолжает из шерсти овец и коз получать пряжу. Затем из пряжи вяжут носки, рукавицу, перчатку, свитера, джемпера и т.д. [17].

Население Кош-Агачского аймака, самого высокогорного и холодного района Республики Алтай, для отопления своего жилища и приготовления пищи ис-

пользуют кизяк. Летом в качестве топлива используют кизяк КРС и мелко-рогатого скота. Зимой печи топят кизяком мелко-рогатого скота. Сильный жар дает кизяк мелко-рогатого скота, который был получен из летних экскрементов животных (алтайцы-теленгиты такой кизяк называют *кара өтөк* – черный навоз). При горении этот кизяк выделяет сильный жар, не уступающий каменному углю. Часто такой кизяк (*кара өтөк*) продают, например, в 2020 г. машина ГАЗ–53 этого топлива в с. Кокоря Кош-Агачского района стоила 4 тыс. руб., а в 2022 г. стоила около 5 тыс. руб. [5; 10].

В Республике Алтай самое широкое применение навоза в огородничестве и садоводстве, как биотопливо и органическое удобрение. Так, в г. Горно-Алтайске в мае месяце, когда начинаются весенние работы в огородах, население активно начинают закупать навоз. Природно-климатические условия Горного Алтая вынуждают огородников рассадить теплолюбивых культур, таких как томаты, перцы, огурцы и др. в нестабильный весенне-летний период растить в парниках и теплицах с навозом. В парниках и теплицах навоз разлагается и дает тепло. Тепло от этого биотоплива способствует быстрому развитию культурных растений, если ударят заморозки, то предохраняют их от отрицательных температур. Перепревший навоз – перегной используют как эффективное удобрение. Перегной стоит дороже, чем навоз, так, весной 2023 г. машина ГАЗ–53 навоза в г. Горно-Алтайске стоила 3,5 тыс. руб., а перегной 6 тыс. руб. Продаются также мешками, так, мешок навоза стоил 200 руб., перепревший 250 руб. [19].

Таким образом, животноводство играет существенную роль в жизни населения Республики Алтай, выполняя множество различных функций. И одной из главных – это производство продуктов питания мяса и молока.

В 2000-х гг. для многих хозяйств Республики Алтай животноводческая деятельность остается одним из основных источников денежных доходов. Например, от реализации скота в живом весе. Также жители региона заняты различными ремеслами и домашними промыслами, большинство из которых связаны с обработкой продуктов животноводства. В местах, где развит туризм, многие хозяйства держат лошадей для конных прогулок туристов.

Экскременты сельскохозяйственных животных население Горного Алтая используют в огородничестве и садоводстве как органическое удобрение и биотопливо. Также из навоза в Кош-Агачском районе изготавливают топливо – кизяк.

Источники, литература

1. Гассан М.Д. Молоко и молочные продукты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/moloko-i-molochnye-produkty/viewer> (дата обращения: 15.10.2023).
2. Енчинов Э. В., Торусhev Э. Г. Животноводство в домашних хозяйствах населения низкогорья Республики Алтай // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2021. – № 8. – С. 23–28.
3. Животноводство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://altai->

republic.ru/apk-respubliki-altay/zhivotnovodstvo.php (дата обращения: 20.08.2023).

4. Международный «День молока»: Республика Алтай на молочной карте Сибири. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zvezdaaltaya.ru/2021/05/> (дата обращения: 20.08.2023).

5. НА НИИА. МНЭ (Научный архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Материалы научной экспедиции). Дело (Д.) № 197. [Дилеков М. М. 1971 г.р.].

6. НА НИИА. МНЭ. Д. 216. Основные показатели сельскохозяйственного производства Республики Алтай в разрезе муниципальных образований и категории хозяйств: Бюл / Управление федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2022. – 30 с.

7. НА НИИА. МНЭ. Д. № 248. [Аккожанова Е. С. 1960 г.р.].

8. НА НИИА. МНЭ. Д. № 248. [Баданова Ч. М. 1968 г.р.].

9. НА НИИА. МНЭ. Д. № 248. [Каранов Ж. Б. 1970 г.р.].

10. НА НИИА. МНЭ. Д. № 248. [Мундусов В. Э. 1965 г.р.].

11. НА НИИА. МНЭ. Д. № 248. [Самажанова Г. А. 1981 г.р.].

12. НА НИИА. МНЭ. Д. № 248. [Тадырова О. Н. 1979 г.р.].

13. НА НИИА. МНЭ. Д. № 248. [Уханова А. А. 1980 г.р.].

14. НА НИИА. МНЭ. Д. № 248. [Уханова Н. И. 1956 г.р.].

15. НА НИИА. МНЭ. Д. № 249. [Казанцев И. В. 1980 г.р.].

16. НА НИИА. МНЭ. Д. № 249. [Казанцева Н. В. 1982 г.р.].

17. НА НИИА. МНЭ. Д. № 249. [Шмальц Н. А. 1955 г.р.].

18. НА НИИА. МНЭ. Д. № 253. [Бултушева Э. И. 1975 г.р.].

19. Навоз, перегной, чернозем, самосвал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.avito.ru/gorno-altaysk/rasteniya/peregnoy_navoz_pesok_zemlya_1888856746 (дата обращения: 18.09.2023).

20. Национальный состав населения по городскому округу, муниципальным районам Республики Алтай. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser> (дата обращения: 18.09.2023).

21. Республика Алтай. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/regions/respublika-altay/> (дата обращения: 18.09.2023).

22. Республика Алтай: через века в будущее / Правительство Республики Алтай; главный редактор Н. В. Екеев; редакционная коллегия Н. П. Антрадонова [и др.]. – Белгород: КОНСТАНТА, 2021. – 228 с.

23. Торушев Э. Г. Адаптация систем животноводства низкогорья Республики Алтай к новым экономическим реалиям начала XXI в. // Мир Центральной Азии – V: сб. науч. ст. / науч. ред. А. П. Деревянко, Б. В. Базаров, ред. коллегия М. Н. Балдано [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [и др.]. – Новосибирск: СО РАН, 2022. – С. 335–337.

24. Тюркские народы Сибири / Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН; отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. – М: Наука, 2006. – 678 с.

25. Этнографический атлас Республики Алтай / Редколлегия: Н. В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов (науч. ред.), Г. Б. Эшматова, А. П. Чемчиева; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2022. – 462 с.

© Э. Г. Торушев, 2023

УДК 39

Анчина С. В.

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова

ОБЪЕКТЫ ПОЧИТАНИЯ КУЛЬТА ГОР В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ АЛТАЙЦЕВ И КОРЕЙЦЕВ

Аннотация. Традиционная культура является основным маркером этнической идентичности. Культ гор как один из элементов традиционной культуры является ярким показателем идентичности алтайцев и корейцев в современном мире. Культ гор – это комплекс культов, который состоит из культа пещер, культа камней, культа скал, культа хозяев местности и культа предков. В данной статье будет проведен сравнительный анализ объектов почитания культа горы в традиционных культурах алтайцев и корейцев.

Ключевые слова: культ гор, горные духи, груды камней, родовая гора.

Anchina S. V.

Scientific Research Institute of the Altaistiks named after S. S. Surazakov

WORSHIP OBJECTS OF THE MOUNTAINS CULT IN THE TRADITIONAL CULTURES OF THE ALTAIANS AND KOREANS

Abstract. Traditional culture functions as the main marker of ethnic identity. The cult of mountains as one of the elements of traditional culture is a vivid indicator of the identity of the Altaians and Koreans in the modern world. The cult of mountains is a complex of cults, which consists of the cult of caves, the cult of stones, the cult of rocks, the cult of masters of the area and the cult of ancestors. This article will comparatively analyze the objects of veneration of the mountain cult in the traditional cultures of the Altaians and Koreans.

Key words: mountain cult, stone piles, mountain's spirit, ancestral mountain.

Традиционная культура выполняет функции главного маркера этнической идентичности. Культ гор как один из элементов традиционной культуры является ярким показателем идентичности алтайцев и корейцев в современном мире. Почитание гор в корейской и алтайской культурах имеет древние корни. Первое упоминание о почитании гор в корейской культуре отмечается в хронике «Самгук

саги» (Исторические записи трех государств). Так, в седьмом году (253 г.) было записано, что дождь пошел только после жертвоприношений на алтарях предков и [духам] знаменитых гор. Более того, сами ваны присутствовали на жертвоприношениях, например, упоминается что «в третьем месяце по прибытии в Удучжу [ван] присутствовал на жертвоприношениях [духу] горы Тхэбэк» [24]. В алтайской культуре культ гор прежде всего упоминается в фольклоре, в котором он играет значимую роль. В героических эпосах многие богатыри являются сыновьями духа горы или самой горы. Например, героический эпос «Маадай-Кара» указывает, что герой был создан духом горы, а его сын Когюдей-Мерген зачат от духа горы. Более того, родовая гора является не только местом пропитания, а выступает хранителем наследия богатырей: оружие, конское снаряжение, доспехи, которые спрятаны внутри горы. Определить время формирования алтайского фольклора очень сложно, но его архаические элементы указывают на древность.

Культ гор как один из архаичных культов является объектом исследования многих ученых. Среди исследований традиционной культуры алтайского народа стоит выделить работы В. И. Вербицкого, Г. Н. Потанина, К. Ф. Ледебура, А. А. Бунге, С. А. Мейера, В. В. Радлова и др. В работе А. А. Бунге, К. Ф. Ледебура и С. А. Мейера, которые в 1826 г. провели исследования в южной части Горного Алтая, содержатся интересные сведения о почитаемых горах и перевалах [15]. Например, в дневнике исследователя А. Бунге описаны шаманские обряды: камлание, жертвоприношение и ритуальные предметы [4]. Первые сведения о почитании гор на территории Алтая имеются в трудах В. И. Вербицкого [5]. Миссионер Алтайской духовной миссии и этнограф впервые описывает обряды, связанные с горой. В работах В. В. Радлова собраны и проанализированы топонимические предания [20].

Исследователь Северной и Центральной Азии Г. Н. Потанин отметил наличие духов каждой местности, долины. Автор перечислил основные почитаемые горы алтайцев и описал обрядовую культуру некоторых элементов культа гор.

Среди исследователей традиционной культуры корейского народа стоит отметить труды миссионерки Изабеллы Бишоп, которая отметила, что культ гор является древним явлением [32]. Британский журналист Ангус Гамильтон описал легенду про горы и показал роль культа горы в жизни корейцев. Корейский исследователь Дэвид Мейсон выделил факторы, определяющие священность гор [34].

Согласно определению С. А. Токарева, культ гор – это оролатрия или почитание гор, многогранное явление, которое выступает в различных материальных явлениях и в разных социальных функциях. Этот культ хорошо показывает прямую зависимость форм религиозно-мифологических представлений и соответствующих культовых действий от исторически и экологически детерминированных условий жизни людей и от их материальной деятельности: промысловое, земледельческое и т.д. [28].

Культ гор представляет собой комплекс культов, который состоит из культа пещер, культа камней, культа скал, культа хозяев местности и культа предков.

Культ пещер в корейской культуре имеет древние корни. Согласно китайской летописи «Сань-го чжи» конец III в., в первых веках н.э. в культуре народов Когурё существовал культ поклонения пещере. «Пещера подземного прохода» (т.е. в царство мертвых) или большая пещера находилась на востоке страны. Во время большого собрания, которое проходило в десятом месяце, когурёсцы ставили у входа этой пещеры деревянную дощечку, где был нарисован предок подземного царства в виде полуживотного-получеловека. Более того, перед пещерой устанавливали «трон духа предка» в виде шеста. На установленный шест, согласно верованиям, спускался дух предка, которому приносили жертвы. В некоторых районах к шесту прикрепляют красное полотнище, называемое «юбкой предка подземного царства» [10, с. 155–156].

Обряд «поклонения пещере» является составной частью народного религиозного праздника «Выпрашивания дождя» или «Поклонение горе». Целью этого праздника очередной сезон благоприятных дождей и процветание сельского хозяйства, которое является основным занятием корейцев. Для обряда выбирается знающий ритуал старый мужчина, в доме которого в это время не происходило ни смерти, ни рождений. Затем этот старец назначает группу из семи-восьми мужчин, которые будут принимать участие в жертвоприношении и молитве. Женщины в обряде участия не принимают.

Наряду с культом пещеры у народа Когурё был развит культ медведя. Связь между культом пещеры с культом медведя восходит к корейским легендам о происхождении предков когурёсцев. По легенде, именно в пещере, медведица превратилась в девушку. В более поздней легенде, записанной в «Самгук саги» в разделе о происхождении основателя Когурё, говорится, что акт оплодотворения женщины-родоначальницы произошел в пещере «Медвежьей горы» [10, с. 156].

По традиционным представлениям корейцев, пещера воспринималась как место зачатия мифического первопредка. А этим мифическим первопредком был медведь. Следовательно, корейцы наделяли пещеру магическими свойствами медведя, т.е. тотема, который уже имел расплывчатый образ полуживотного-получеловека. Корейские ученые предполагают, что пещера была тотемическим центром, где совершался древний обряд. Цель древнего обряда заключалась в том, чтобы вымолить возрождение жизни в природе и в обществе человека у своих мифических предков.

Пещера, расщелина в скале – внутренность горы, т.е. каждый алломорф земной матки в мифологии, может стать местом рождения новой жизни [30, с. 311]. Пещера ограничена естественным дном, следовательно, ограничена как рождаемостью, так рождением.

В алтайской мифологии пещера, глубинные пещеры «*дьердин оозы*» буквально ‘рот земли’, ущелья и долины символизируют женское начало, материнское чрево. Так как пещера является внутренностью горы и земной щелью, она считалась аналогом материнского лона, рождающего чрева Природы. В алтайской мифологии, объекты природы воспринимались как подобие самого человека. Со-

ответственно, пещера воспринималась как чрево [22, с. 77]. Согласно преданию, предок тюркских каганов рода Ашина, спасенный и выращенный волчицей, родился в труднодоступной межгорной котловине, в «пещере предков», расположенной в центре Алтайских гор [3, с. 220–222]. Первые каганы приносили жертву «в пещере предков» на Алтае [1, с. 48]. В алтайском героическом эпосе многие богатыри произошли от духа горы либо их отец являлся горой. Например, в сказании «Маадай-Кара» герой создан духом горы, а его сын Когюдей-Мерген зачат от духа горы [18, с. 114]. Это очевидная метафора, что местом рождения человека является гора.

На Алтае пещеры имеют разные названия: *куй*, *куй таиш* ‘пещера’, *куйлу* ‘имеющий пещеры’, *онгдой* (от монгольского языка *онгэ онгаа* ‘пещера’,) *унгюлю* (унгюлю) ‘с ямой, с пещерой’, *ойдык* ‘дыра, углубление’, *ойдок*, производные от основы *ой* ‘впадина, яма, углубление’. Скорее всего, первое значение *ой*, обозначал телесный (лоно) и природный низ (пещера). Второе значение этого слова обозначало соитие (пронзить) [22, с. 77].

Культ медведя у алтайцев так же был развит, как и у корейцев. В эпосе медведь является хозяином местности, хозяином Алтая. Например, в сказании «Кан-Капчыкай» одним из охранников богатыря был «золотошёрстный медведь» – хозяин земли и воды. В алтайской культуре медведь почитался как хозяин тайги, царь зверей [18, с. 89]. Алтайское название известной Денисовой пещеры, находящейся на территории Алтайского края, *Айу-Таиш* буквально ‘Медвежий камень’. Согласно легенде, в этой пещере жил шаман, который мог превращаться в медведя.

В корейской культуре поклонение деревьям или грудам камней является составной частью общего обряда поклонения предкам, восходящего к тотемистическому культу.

Груды камней *сонхвандан* (성황당) играли значительную роль в магико-религиозном обряде *сандже* (산제), поклонения горам. Согласно исследованию Акиба Такаси, в южных районах Кореи священные деревья или груды камней называются «святилищами старухи-матери» [31, с. 105].

Камень был основным оружием охоты в древнейшую эпоху. При подготовке к охоте над сложенным в кучи камнями охотники совершали магический обряд. Со временем груды камней стала наделяться божественными свойствами, и сама стала объектом поклонения.

Сонандан – святилище духа, которое охраняет деревню, или же общеизвестное название *сонхвандан*, представляет собой груды камней, сложенных конической формы у въезда в деревню или на вершине холма, рядом с которым растёт дерево, которое считается священным или устанавливают *чансын*, верстовой столб в виде вырезанной из дерева головы человека. *Чансын* являются духами-покровителями, защищающие людей. Согласно народному поверью, если путник пройдет мимо *сонхвандан*, поставит на него три камня, трижды поклонится и потом трижды плюнет, то его будет ждать удача [38].

Существуют две теории о появлении *сонхвандан*. Первая теория заключается в том, что *сонхванданы* служили как пограничные знаки между деревнями. По мере развития религиозного концепта они стали жилищами пограничных божеств. Вторая теория предполагает, что *сонхваны* – это корейская разновидность монгольского *обо* [36]. Культ груды камней стал развиваться в XIII в. во время монгольского вторжения в Корею. Однако исследователи утверждают, что есть ранние записи о *сонандане*. Первые записи о каменных насыпях упоминаются в историческом документе династии Корё – *корёса* (고려사) в XIV в. Согласно этому документу, во время вторжения монголов корейцы молились этим каменным насыпям. Известный *сонхвандан* того времени находился в городе Чончжу. Правители династии Чосон проводили обряды в *сонхванданах* [37].

Сонхванданы располагались на вершинах холмов или горных хребтов недалеко от деревни. Выделяют пять видов *сонхванданов*:

1) Наиболее распространенной формой *сонанданга* является каменная башня, расположенная рядом с большим деревом. Это дерево называется *синмок* буквально ‘священное дерево’, где проводился шаманский обряд *кут*, посвященный богам, духам и предкам [37].

2) Другой формой *сонанданга* была просто каменная башня без дерева. Считается, что это модифицированная форма *сонанданга* со священным деревом, где башня возникла раньше дерева.

3) У третьей формы *сонанданга* не было каменной башни, а только *сонан наму*, дерево, которое служило домом *сонангшину*, духу этого святилища. На дерево повязывали шелковые ленты красного, желтого, белого, синего или зеленого цвета, которые соответствовали сторонам света. *Сонан наму* считается тем же, что и *синмок*.

4) Четвертый вид широко распространен в провинции Канвондо. Здесь были распространены не каменные башни, а настоящие дома, которые считались резиденцией *Сонангшина*, духа-хранителя. Этот дом назывался *Танчип*, или «дом-храм». *Танчипы* традиционно делались из дерева с черепичной крышей [36].

5) Последний вид распространен на юге и представляет собой вертикально стоящий природный камень высотой до 2 м и шириной 120 см [37].

В алтайской культуре каменная насыпь традиционно сооружалась каждым путником путем приношения камня в честь хозяина-духа горы возле дороги, на вершине перевалов, переходах, сакральных местах и проходов и имела название *обоо* / *обоо таиш* / *уле* (ўле).

По мнениям исследователей, обряд сооружения *обоо* имеет древние корни и относится к древнетюркской эпохе. Его происхождение связано с дошаманскими представлениями алтайцев, когда алтайцы задабривали дарами хозяев-духов местностей. Цель задабривания заключалась в благополучном переходе через перевал, реку, в удачной охоте, защите семьи и т.д. [9, с. 23]. Термин *обоо* (*она*) встречается в древнетюркской рунической надписи, которая относится к VII в. н.э. [14, с. 52–53]. Исследователи Горного Алтая в конце XIX в. отмечали, что на территории Алтая

есть культовые сооружения *обоо*. Например, К. Ф. Ледебур и А. А. Бунге описали *обоо*, как большие кучи сухого хвороста на перевалах, где привязаны маленькие ленты и тряпочки [9, с. 4]. Миссионер В. И. Вербицкий писал, что «на всякой высокой горе набрасывают груды камней и втыкают в них палки с подвязками тряпок и конских волос, в признательность горе за то, что она позволяет подниматься на ее высоту» [5, с. 61–62].

Обоо сооружают на перевалах, на вершинах священных гор, по берегам рек, около целебных источников, то есть в почитаемых местах для алтайцев. Каждый, кто проходит через эти места, должен в знак уважения хозяев-духов этих мест положить камень, как бы делая подношение. Со временем постепенно на этом месте образуется *обоо*. Также на священных местах подвязывают ритуальные ленты *кыйра*, если у путника нет ленты и он на коне, то привязывают конский волос. Как правило, камни для *обоо* берут с мест, куда обычно не ходит человек. Исследователь Потапов отметил, что хозяину-духу горы преподносили иногда и пули [19, с. 146]. Значение пули было таким же, как и у *обоо*. А исследователь алтайского шаманизма А. В. Анохин писал в своей работе, что около *обоо* можно встретить хозяев-духов местности в образе путника [2, с. 147].

Кроме того, *обоо* устанавливают на местах обрядовых молений: *Дажыл-Бур* (Дажыл-Бюр) весенний обряд и *Сары-Бур* (Сары-Бюр) осенний обряд. Как правило, груды камней сооружают на солнечной стороне возвышенности, так как именно солнечная сторона связана с жизнью. Эти камни остаются на местах молениях постоянно, их нельзя убирать и брать с собой.

Другое название *обоо* это *ўле* (уле). Так называются каменные насыпи в высокогорных районах, где не произрастают деревья. *Ўле* (уле) представляет собой грудку камней, в которую воткнут деревянный шест. Этот шест выполняет функцию священного дерева, на которого привязывают священные ленты (*кыйра*). Название *ўле* происходит от слова *ўлеш*, что буквально означает ‘делиться’. У теленгитов Кош-Агачского района есть такое понятие как *ўлў* (улю) или *ўлеш*, что означает ‘деление поровну пицей’ или ‘своим имуществом’ с хозяином Алтая. Такой обычай сохранился у современных охотников, когда после охоты добычу делят всем поровну [9, с. 8].

Обоо являлось святилищем хозяев-духов местности для алтайцев. Они клали по одному или два камня, разжигали огонь и угощали духов всей едой, которая была с собой. Также привязывали священные ленты или конский волос, когда не было с собой ленточек [16, с. 131].

Шаманисты тоже почитали духа-хозяина *обоо*. В честь него проводился культовый церемониал *обоо такыган* (почитание духа-хозяина *обоо*) [8, с. 176].

Для современных алтайцев *обоо* имеет большое значение. Оно воспринимается как уменьшенная форма горы, где обитают хозяева-духи. Поэтому к ним относятся с особым почтением и этот обряд соблюдают до сих пор.

Сравнивая составные элементы культа гор, а именно культ пещер и культ камней, можно сказать следующее. Корейцы и алтайцы одухотворяли гору. Гора для них была живой, поэтому подобно себе, человек наделял гору теми же частями тела. Пещера как лоно горы была местом рождения предков корейцев и героических героев алтайцев. Функциональность каменных груд в обеих культурах имеет одинаковое значение – защита путников на горе.

Согласно алтайской и корейской религиозно-мифологической картине мира, природа одухотворена. Горы, реки, скалы, животные и растения наделяются духами. Каждая гора, к которой поклонялись с древних времён, имеет своего горного духа.

Саншин (산신) или *Сансиллён* (산신령) – горный дух, горный бог или дух гор, самая центральная и характерная фигура в традиционной корейской культуре. *Саншин* обычно изображают как пожилого мужчину с длинной белой бородой, сидящий около корейской сосны вместе с тигром. *Саншин* считается исключительно корейским духом горы, хотя его изображают с китайскими художественными мотивами. По мере того, такие религии, как буддизм, даосизм, неоконфуцианство проникали в Корею из Китая, их мотивы и символы гармонично соединялись с национальными и в итоге создали окончательный образ *Саншин*. Конечно, в этом образе преобладают корейский шаманизм и буддизм.

Поклонение *Саншину* обычно направлено на получение благословений: рождение сына, здоровье, богатство и защита во время путешествия. Обряд поклонения обычно проводится либо в *саншингаке* (산신각), святилища горных духов, которые расположены на территории буддийского храма, либо в *сонхвандане* (성황당), груды камней, установленные на вершине горы [33, с. 120]. В настоящее время довольно часто можно увидеть груды камней, установленные в непосредственной близости от перевала. Также распространены полоски цветной ткани, привязанные к самому *сонхвандану* или к ветвям деревьев возле перевала. Таким образом путники выражают свое уважение горным духам и просят благословения на безопасную дорогу.

На каждой возвышенности воздвигались алтари духам гор. В этих алтарях находились изображения духа-хозяина горы, покровителя охотников и искателей женьшеня. Духа гор изображали в виде пожилого мужчины со свирепым взглядом, который едет верхом на тигре. Путник, проходящий мимо такого алтаря, обязательно останавливался и молился о благополучной дороге [11, с. 57].

Также в горах около дороги устанавливали алтари *синхендан*, которые посвящались духу, который охраняет путников. Алтарь этот состоял из груды камней и находился под деревом, на ветвях которого развешивались разные приношения: клочки бумаги, тряпок, мешочки с рисом и др. Здесь же иногда воздвигались небольшие кумирни в честь зверей или птиц, истребляющих сельскохозяйственных вредителей.

Саншин воспринимается корейцами как дух-хозяин не только одной горы, а всех гор на Корейском полуострове. Согласно легенде, основатель первого го-

сударства на Корейском полуострове *Тангун*, после долгого правления поднялся на гору и превратился в горного духа. Корейцы считают, что *Саншин* это и есть *Тангун*. Поэтому, являясь основателем первого корейского государства и одновременно горным духом, *Саншин* защищает все горы, всю страну и корейский народ в целом. То есть у него не локальный характер, а вполне универсальный. Он управляет не какой-то областью, а определенным аспектом природы.

В корейской культуре горных духов разделяют на женских и мужских. Поэтому помимо *Саншин* – горного духа мужского рода, существуют горные духи женского рода *йо-саншин* (여산신), которым в корейских исследованиях обычно не уделяют должного внимания. Эти духи, в отличие от *саншин*, охраняют определенную гору или холм, к ним часто обращаются с просьбами о дожде, благополучии определённой местности, процветании и преуспевании. *Йо-саншин* защищают и направляют путников, если те терялись в горах. В статье «О поле (гендер) горных духов древней Кореи» фольклорист Сон Чин Тэ дает анализ названий гор [33, с. 125]. Согласно исследованию, многие топонимы включают такие термины, как «святой» или «дух» обязательно с «матерью». Например, Мо-ак ‘Гора-Мать’, Тэмо-сан ‘Гора Великой Матери’, Пу-сан ‘Гора Жена’, Моак-сан ‘Гора-Мать’, Мосан ‘Мать-Гора’, Моху-сан ‘Гора Богини-Матери’ и Чамо-сан ‘Гора Доброжелательной Матери’. Однако нет никаких названий гор, которых можно было бы интерпретировать в мужском роде.

В алтайской культуре существуют духи земли и воды *Дьер-Суу* (*Дьер-Суу*), которые похожи на корейские горные духи *саншин* и *йо-саншин*. Духами земли и воды считаются духи долин, гор, озер, рек и деревьев. Каждый человек для проявления своей благодарности и почитания может приносить духам *Дьер-Суу* дары и восхвалять их в своих песнях и молитвах [27]. В знак благодарности за безопасную переправу через большие реки или проход через опасный перевал путники клали камень на груды камней *обоо таиш* или привязывали к дереву священные ленты *кыйра*.

Большинство горных духов в алтайской культуре не делятся по половому признаку как в корейской культуре. Они считаются бесполовыми. У каждой горы есть свой дух, который предстает путнику в том виде, в котором он захочет. Иногда в виде животного или человека. Духи именуются общим названием *ээзи*.

Культ почитания гор имеет очень древние черты у северных алтайцев. Согласно мифологическим представлениям, жизнь духов гор является зеркальным отображением духовной и социальной действительности в человеческом обществе: они воюют между собой, женятся друг на друге, разводят домашних животных, у них та же родовая система [17, с. 235]. Они поют песни, пляшут, ходят на лыжах, разговаривают, ссорятся, воюют, любят играть в азартные игры, в которых проигрывают своих зверей. Игра – это не праздное времяпровождение, а она является видом специфической деятельности духов [7, с. 148]. Темой всех игр является плодородие, где ставка всегда душа-зародыш. Согласно легенде, на горе, которая называется Ак-Тошон, находится большой камень, поверхность которого плоская.

Этот камень по форме напоминает стол. Духи гор собираются за этим камнем и играют в разные игры, например, играют в карты, кости, шашки, камешки и т.д. Души-зародыши зверей и домашнего скота являются ставкой в этих играх. Если дух горы проигрывал, то он отдавал своего зверя другим духам [22, с. 71].

Однако, как и в корейской культуре, существует дух-хозяин всех алтайских гор. Хозяином всех алтайских гор и самого Алтая считается дух *Алтай-ээзи*. Алтайцы верят, что в каждой местности есть определённая гора, где обитает *Алтай-ээзи*. Как правило, этот хозяин-дух обитает на самой высокой горе. Самой высокой горой на Алтае является Белуха. Также считается, что *Алтай-ээзи* может жить в пещерах и на ледниках [12, с. 165]. *Алтай-ээзи* является самым почитаемым духом в алтайской культуре. Его все уважают и почитают. Каждый год ему приносят дары в знак выражения своего уважения. Однако если это не соблюдать, хозяин-дух может наказать человек. Считается, что он может послать ненастье и бурю зимой, уничтожить скот, навредить семье, лишит охотников добычи и т.д.

Существуют духи гор женского пола. Можно полагать, что хозяйки гор и рек являются конкретизацией всеобъемлющего образа Матери-Земли, которая воплощает природное плодородие, только лишь более низкого ранга. Согласно охотничьим легендам, духи-хозяйки гор часто вступали в отношения с охотниками. Обычно они появлялись в виде молодых женщин или девушек, часто обнажёнными. Концепция наготы символизирует идею плодородия. Вступая в половую связь с хозяйками-духами гор, охотники становились удачливыми в промысле [19, с. 159]. Удача охотника напрямую связана с мифическим браком с Матерью-Землей [29, с. 40].

Специальных мест для моления, таких как *саншингак* у корейцев, у алтайцев не существуют. Наблюдается один общий элемент – груды камней, сложенная в ритуальных целях на перевалах и ритуальными лентами рядом с ними. В корейской культуре они называются *сонхвандан* (성향당), а в алтайской культуре – *обоо / обоо таиш*.

Хозяева-духи гор в алтайской и корейской культуре играют значимую роль. Они демонстрируют переход в восприятии горы как живого существа к представлению о наличии у нее духа, т.е. к возникновению анимистических верований. Корейцы и алтайцы преклоняются горам для привлечения благополучия. Горные духи, как выяснилось, бывают женского и мужского рода, как и в корейской, так и в алтайской культурах. Более того, есть один самый главный горный дух, дух-хозяин всех гор Корейского полуострова и Алтая.

И наконец, собственно, сами горы как объекты почитания. Горы делятся на родовые и священные, последние были родовыми. Почитание родовых гор имеет древние корни в культуре алтайцев. Изначально почитание родовых гор отражало родовое владение охотничьих угодий. Родовое владение этими охотничьими территориями было основной экономической связи между членами рода. И эта связь настолько сильно проникает в сознание членов рода, что они неизбежно связывали свое существование с определенными родовыми горами, связывая их с мифическими предками.

Помимо собственных имен, родовые горы у алтайцев имели особенные названия. Например, у южных алтайцев родовые горы назывались «*ыйык-туу*», у тубаларов «*тось-тау*» буквально ‘основная, изначальная гора’. А челканцы и кумандинцы называли священные родовые горы «*тось-таг*» или «*аргин-таг*», шорцы – «*улуг-таг*» [19, с. 148].

В обозначении родовых святынь (тёс-тау, тёс-таг, тёс-тайга) есть прямое указание на то, что горы понимались как основа, корень, родина, предок, т.к. слово *тёс* (тёс) означает ‘основание, опора, начало’.

Гора считалась родоначальницей алтайского рода. Каждый род поклонялся той или иной горе, которая почиталась как родовой покровитель *ару тёс* (*ару тёс*) букв. ‘чистый дух покровителя-предка’, *тайга тёс* – ‘чистый дух покровитель рода’. От родового покровителя зависело благополучие всего рода. К родовой горе обращались во всех случаях жизни: при рождении ребенка, женитьбе, для испрашивания зверя на промысле и благополучия в хозяйстве, обилия скота.

Под *родовой горой* понимают не только высокую гору, но и близлежащие гряды гор, переходящие в ее вершину. Кроме того, истоки рек и целебные источники, обитающие в высокогорной тайге дикие животные, все, что находится рядом с почитаемой горой входит в это понятие. У каждого сёока есть своя родовая гора, которые называются *бажырган тайгазы*. Каждый род поклоняется своей родовой горе как своему покровителю. Родовые территории почитаются, они воспринимаются алтайцами как старшие родственники из сакрального мира. Поэтому, на такую гору запрещено подниматься, особенно женщинам, шуметь в ее окрестностях, сорить и срубить деревья. Замужние женщины по отношению к родовым горам соблюдали ритуал избегания вплоть до середины прошлого века – не появлялись с непокрытой головой вблизи родовой горы мужа. На родовые горы не принято подниматься, через нее не прокладывают дорогу, а лишь у ее подножия, поэтому она остается в стороне от трассы, видимая на далеком расстоянии [26, с. 408].

Название родовой горы и места расположения остаются в сознании представителей рода, которые иногда проживали вдали от своих родовых мест. Более того, гора могла приобрести «родовой характер» из-за исторического события в прошлом. Существуют легенды, которые повествуют о том, что гора стала убежищем конкретного рода во время войны. Например, род *тодош* спаслись на горе Бабырган и с тех пор его почитают [21], а род *майман* укрылись на верховье р. Чемал [25, с. 143].

Исследователь Л. П. Потапов, выделил, что у северных алтайцев почитание гор носило ярко выраженный родовой характер. Имя родовой горы пополняло перечень маркеров рода, как бы космологизировало его портрет [23, с. 35]. Например, родовая гора у рода *чапты* является гора Чаптыган, род *кузен* почитает гору Солог. После женитьбы родовые горы мужчины и женщины становились родственными.

По мере переселения рода по той или иной причине менялась и родовая гора. Например, род *комдош* раньше почитали гору Еки-Ере, которая находилась на охотничьей территории в верховьях Абакана. Однако, когда род *комдош* был

вытеснен из этого места, то осели по реке Лаже, где почитаемой их горой стала гора Ужубе-Албаган.

У южных алтайцев, в отличие от северных алтайцев и корейцев, нет предметов поклонения, в которых изображены родовые горы или их хозяева-духи. Согласно охотничьим легендам, на Алтае известны образы родовых гор. Хозяева-духи появлялись перед людьми в образе людей, например, мужчин или женщин, старых или молодых. Однако, несмотря на столь четкие представления о физическом облике горных духов-хозяев, алтайцы не делали вещественных их изображений, например, как корейцы изображали образ *Саншин*. Исходя из этого можно сказать, что культ гор у алтайцев возник на очень ранней стадии, когда еще не изготавливали предметы поклонения.

Культ гор, несомненно, древнее шаманизма. Однако все же стоит отметить связь родовой горы с шаманом. Родовые горы были включены в число личных покровителей шаманов. От родовой горы шаман получал «разрешение» изготовить новый бубен. Также родовая гора определяла число бубнов, которое шаман должен сменить на протяжении всей своей жизни. Согласно традиционным представлениям челканцев и кумандицев, от родовой горы зависело долголетие шамана. Такое решение выразилось количеством бубнов, которых предназначала гора шаману для камлания [19, с. 151]. Так изображения известных гор стали частью шаманского атрибута, став частью изображения на бубне [6, с. 155]. Имена родовых гор были на первом месте в шаманских призывах к духам. Более того шаман «доставлял» души будущих детей из этой горы.

Корейцы тоже жили по родовому принципу. *Пон* (본) или *понгван* (본관), *почжок* (복적), *кванчжок* (관적), *сончжок* (성적), *хянкван* (향관) – это родовой отличительный знак у корейцев [35]. *Пон* указывает на географическое название места, местности, населенного пункта, из которого произошел основатель клана (реальный или мифический) [13]. Необходимость обозначать место происхождения одинаковых фамилий появилась в эпоху Силла, когда разные семьи приняли одинаковые китайские фамилии. *Пон* передается только по мужской линии. Каждая семья вела свою генеалогическую книгу «*чокпо*». Система *пон* играла важную социально-общественную роль. Некоторые *поны* имели высокий статус, например, *поны* центральных городов и уездов уважались больше, чем *поны* небольших городков, деревень. Поэтому люди платили большие деньги янбанам, чтобы те вписали человека в свою родословную. Корейцы строго следовали, да и сейчас следуют этой системе. В настоящее время насчитывают 4179 кланов.

Более того, корейцы очень бережно относились к своим предкам после смерти. В похоронно-поминальной обрядности корейцев можно обнаружить следующее. Родовые захоронения обычно устроены в горах, на южных ее склонах, т.е. похоронная обрядность корейцев тесно связана с культом гор. Согласно исследованию корееведа Ю. В. Ионовой, умершего хоронили на скате холма или горы. Погребение в землю требует целого комплекса обрядовых действий, которые, в первую очередь, обусловлены стремлением обеспечить покойного хорошим ме-

стом и культовым отношением к земле [7, с. 162]. Место захоронения выбирал специальный человек, геомант – *пхунсу*. По народным представлениям, правильно выбранное место обеспечивает умершему благо, а его роду – счастье и процветание. Поэтому при выборе места захоронения учитывали ряд факторов. Например, соответствует ли форма горы, горных вершин и стоки воды в этой местности дню рождения и прочим данным умершего. Через несколько лет раскапывали могилу и вскрывали гроб, чтобы узнать, хорошее ли было место выбрано для покойника. Если его тело почернело или изменило свое положение, считалось, что умершего постигла обида и семейству грозит опасность. Чтобы избежание несчастья потомки обращались к специальному человеку и по его совету переносили тело в другую местность.

Лучшим местом считалась гора или холм, откуда была видна самая высокая вершина в данной территории или хотя бы третья по счету от выбранной горы или холма, чтобы сын мог видеть своего деда или прадеда, согласно поверьям. После выбора места с северной стороны ставили невысокий камень – *туди*, который служил вместилищем духа земли или духа, охраняющего могилы [7, с. 162]. Согласно представлениям корейцев, духи умерших составляли невидимую часть рода и семьи. За ними следовало тщательно заботиться, так как эти духи могли мстить и вредить живым родственникам. Поэтому корейцы строго оберегали горы, холмы, где были захоронены их предки.

От родовой горы зависело благополучие всего рода. Однако функциональность этих гор различается в двух культурах. У алтайцев родовая гора была в основном местом пропитания, защиты, а у корейцев родовая гора была местом захоронения предков, где от правильного выбранного места для захоронения зависит все благополучие рода.

Сравнив объекты почитания культа гор в традиционной культуре алтайцев и корейцев, можно констатировать, что в культе гор алтайцев и корейцев имеются как общие, так и специфические черты. Во-первых, горы – это почитаемые и сакральные места, где соблюдаются ряд одинаковых правил. Например, угостить сначала горного духа, а только потом самим принимать пищу. Во-вторых, функциональность горных духов одинаковы. К ним обращаются разными просьбами (о хорошей добыче, о рождении ребенка о благополучии урожая и т.д.). Гора одновременно – место рождения и упокоения героя древних летописей корейцев и эпоса алтайцев, что, безусловно, подчеркивает архаичность этих сюжетов. В-третьих, сооружение груды камней на вершинах гор с целью обеспечения благополучного пути является ярким примером доказательства о наличие этногенетических связей между двумя этносами. В-четвертых, религиозные обряды, связанные с поклонением горам, как у корейцев, так и у алтайцев затрагивают все сферы жизни на семейно-личностном, родовом и социальном уровнях, и связаны с календарными обрядами и обрядами жизненного цикла. И эти обряды проводятся именно на горе, на ее вершине. Гора – наивысшая сакральная ценность, вокруг которой вращается мир людей.

Общее в культе гор алтайцев и корейцев, подкрепляет, на наш взгляд, тезис о наличии общего этнокультурного пласта в этногенезе алтайцев и корейцев, что укладывается в рамки метисационной гипотезы происхождения последних, свидетельствует о присутствии в их культуре черт, связанных с древними праалтайскими общностями Центральной Азии.

Источники, литература

1. Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова; редколл.: Н. В. Екеев (отв. рел.), Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов. – Горно-Алтайск: Изд-во «ИП Пермяков С. А.», 2014. – 464 с.
2. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. – Горно-Алтайск: Изд-во «Ак-Чечек», 1994. – 152 с.
3. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1953. – 325 с.
4. Бунге А. Путешествие по восточной части Алтайских гор // Слово об Алтае. – Горно-Алтайск: Изд-во «Юч-Сюмер» – Белуха, 2004. – Кн. 3. – 276 с.
5. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы: сб. этнографических ст. и исслед. алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого. – М., 1893. – 256 с.
6. Вербицкий В. И. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии за 1860 г. – М.: Изд-во «Тип. В. Готье». – 21 с.
7. Галиев А. А., Курманбекова В. Этническая семиотика корейцев. – Алматы: Изд-во «Полилингва», 2020. – 304 с.
8. Дьяконова В. П. Культовые сооружения тувинцев // Полевые исследования Института этнографии за 1974 год. – М.: Изд-во «Наука», 1975. – С. 157-164.
9. Екеева Э. В., Белекова Э. А. Культовая атрибутика в традиционном мировоззрении алтайцев. – Горно-Алтайск: Изд-во «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», 2018. – 119 с.
10. Ионова Ю. В. К вопросу о культе медведя, пещер и гор у корейцев // Страны и народы Востока. – М., 1968. – С. 155–157.
11. Ионова Ю. В. Этнография Кореи / Ю. В. Ионова, Д. А. Самсонов. – М.: Первое марта, 2011. – 424 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://archive.org/stream/etnografia_korei/Ионова%20Ю.В.%20Этнография%20Кореи%5B2011%5D_djvu.txt (дата обращения: 15.05.2023).
12. Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о Вселенной (материалы к алтайскому шаманству) // Советская этнография, 1935. – С. 160–183.
13. Ким Ен Ун. Бон. Родовой знак корейцев // Ариран, 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/u1.shtml (дата обращения: 12.05.2023).
14. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источники по истории Средней Азии. – М., 1964. – 214 с.
15. Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским

горам и джунгарской Киргизской степи. / пер. с нем. В. В. Завалишин, Ю. П. Бубенков. – Новосибирск, 1993. – 415 с.

16. Муйтуева В. А., Чочкина М. П. Алтай жаң (Билениң бичиги) [Алтайская вера (Семейная книга)]. – Горно-Алтайск: Изд-во «Горно-Алтайская типография», 1996. – 208 с. (на алт. яз.).

17. Ойноткинова Н. Р. Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты: монография. – Новосибирск: Изд-во «ИПЦ НГУ», 2021. – 507 с.

18. Ойношев В. П. Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе. – Горно-Алтайск: Изд-во «АКИН», – 2006. – 114 с.

19. Потапов Л. П. Культ гор на Алтае // Советская Этнография. – 1946. – № 2. – С. 145–160.

20. Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника / пер. К. Д. Цивиной и Б. Е. Чистовой; коммент., послесл., ред. С. И. Вайнштейн. – М., 1989. – 749 с.

21. Респондент Ойношев В. П., 1960 года рождения: [интервью]. – Томск, 2023. – 1 флеш-накопитель. Личный архив автора.

22. Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1992. – 175 с.

23. Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1999. – 200 с.

24. Самгуг саги // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/Kim_Busik/Tom_I/rametext2.htm (дата обращения: 19.05.2023).

25. Тадина Н. А. От родовых камней алтайцев до памятных знаков РА // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2018. – № 3 (42). – С. 142–150.

26. Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С., Ачимов А. В., Мендин А. К. О статусе родовых гор алтайцев // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 2013. – № 18–19. – С. 407–410. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-statuse-rodovyh-gor-altaytsev-1> (дата обращения: 28.05.2023).

27. Теркина У. А. Картина мира в алтайском и корейском шаманизме. Сравнительный аспект. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-lib.gasu.ru/Drev/archive/03/18.pdf> (дата обращения: 26.06.2022).

28. Токарев С. А. Ранние формы религии. – М.: Изд-во «Политиздат», 1990. – 622 с.

29. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1989. – 243 с.

30. Шринивас М. Н. Запомнившаяся деревня: социологические исследования индийской деревни Рампура. – М., 1988. – 311 с.

31. Akiba Takashi. A Field Study of Shamanism in Korea. – Nara, 1950. – 105 p.

32. Bishop Isabella Bird. Korea and her neighbors: A narrative of travel, with an account of the recent vicis-situdes and present position of the country. – Seoul, 1970. – 311 p.

33. Grayson James Huntley. Female Mountain Spirits in Korea: A Neglected Tradition // Asian Folklore Studies. – 1996. – Vol. 55. – P. 119–134.

34. What Makes a Korean Mountain “Sacred” // David A. Mason’s San-shin Website. – South Korea, 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.san-shin.org/index4.html> (дата обращения: 25.05.2023).

35. 본관 [Родовой знак] // 한국민족문화대백과사전. – 성남시, 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0023741> (дата обращения: 25.05.2023).

36. 서낭당 [Сонандан] // Naver 지식백과. – 서울, 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1022292&mobile&cid=50222&categoryId=50228#TABLE_OF_CONTENT5 (дата обращения: 19.05.2023).

37. 서낭당 [Сонандан] // Naver 지식백과. 한국민족문화대백과. – 서울, 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=574113&mobile&cid=46655&categoryId=46655> (дата обращения: 19.05.2023).

38. 서낭당 [Сонандан] // 한국민족문화대백과사전. – 성남시, 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0027672> (дата обращения: 19.05.2023).

39. 지리산 천왕봉에 모셔진 지리산 성모상 [Дева Мария Джирисан на вершине Чхонванбонг горы Чирисан] // 한국문화원연합회. – 서울, 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ncms.nculture.org/stonecraft/story/6543> (дата обращения: 23.05.2023).

© С. В. Анчина, 2023

УДК 821

Ерленбаева С. А.

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова

ЖАНР ЭССЕ В СОВРЕМЕННОЙ АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Статья посвящена жанру эссе в современной алтайской литературе. Жанр эссе представляет собой литературный жанр, в котором автор выражает свои мысли и чувства по определенной теме. В нем преобладает авторская позиция, индивидуальный взгляд на мир и свобода творчества. В современной алтайской литературе этот жанр является относительно новым и неизученным, поэтому его исследование и анализ является актуальной проблемой.

Основное внимание уделяется содержанию алтайских эссе, в которых авторы рассуждают на различные темы: природе, родине, об истории культуре и современных проблемах.

Ключевые слова: эссе, художественная публицистика.

THE ESSAY GENRE IN MODERN ALTAI LITERATURE

Abstract. The article is devoted to the genre of essays in modern Altai literature. The essay genre is a literary genre in which the author expresses his thoughts and feelings on a particular topic. It is dominated by the author's position, an individual view of the world and freedom of creativity. In modern Altai literature, this genre is relatively new and unexplored, so its research and analysis is an urgent problem.

The main attention is paid to the content of Altai essays, in which the authors discuss various topics: nature, homeland, history, culture and modern problems.

Key words: essay, artistic journalism.

Одним из явлений, заявивших о себе на волне художественных перемен в алтайской литературе рубежа XX–XXI вв., стало развитие мемуарно-автобиографических и художественно-публицистических жанров. Н. М. Киндикова отметила, что это обусловлено необходимостью переосмыслить события, произошедшие в XX в. и рассказать о судьбе того поколения: «*Күнлик јетирүлер (дневники), самаралар, эске алыныштар – јар куучыннын (публицистиканын) аңгылу жанрлары болуп темтектелет. Онын тös ажарузында автор бойы ойдин кереечизи болуп туру – бичичинин јүрүмди ондогони, айлаткыш санаалары, адакыда ол бойы тангынан учурлу кижги (личность) боло берет*» («Дневники, письма, воспоминания являются особыми жанрами публицистики. В поле их зрения история самого автора, который является свидетелем этих событий, его мысли и воспоминания, в конечном итоге он сам предстает как личность») [1, с. 133].

Исследованию алтайской художественной публицистики посвящены отдельные статьи, которые вошли в 5-ый том коллективной монографии «История алтайской литературы». В ней представлена анализ публицистики алтайских писателей, среди которых Диман Белеков, Нина Бельчекова, Бронтой Бедюров, Таныспай Шинжин, Кулер Тепуков, Каран Кошев. В статьях изучены различные жанры и тематика их произведений.

Жанр эссе все чаще привлекает внимание алтайских писателей. Это литературное произведение, которое предлагает автору свободу выражения собственных мыслей и впечатлений. В алтайской литературе эссе начинает набирать популярность в последние десятилетия и алтайские писатели успешно экспериментируют с этим жанром и придают ему своеобразие.

В литературоведческом словаре дано такое определение: «Эссе – (от лат. *exaquit* – взвешивание, англ. *essay* и франц. *essai* – очерк, статья, попытка) – жанр критики, литературоведения, характеризующийся свободной трактовкой какой-либо проблемы. Автор эссе анализирует избранную проблему (литературную, эстетическую, философскую и пр.), не заботясь о систематичности изложения, аргу-

ментированности выводов, общепринятости вопроса и т. п.» [2, с. 477]. В статье А. Л. Дмитриевского определение эссе дается как «публицистическое произведение, непосредственно отражающее субъективные, экзистенциально окрашенные, автопсихологические размышления автора над наиболее актуальными для него (смыслоразнозначными) вопросами внутренней и социальной жизни (как правило, – ситуациями морально-нравственного выбора: «как мне быть?») в относительно свободной, зачастую парадоксальной или ироничной форме с позиции индивидуально-мифологической картины мира» [3, с. 48]. Стоит согласиться также с утверждением В. Е. Хализева: «Эссеистика тяготеет к синкретизму: начала собственно художественные здесь легко соединяются с публицистическими и философскими» [4, с. 356].

Содержание алтайских эссе широко разнообразно: это могут быть рассуждения о природе, об истории и культуре алтайского народа, о современных проблемах. В них отражаются личный опыт, исторические события, социальные изменения, что делает эссе актуальными и значимыми для современного общества.

К этому жанру обратился писатель Диман Белеков, издавший лирико-философские эссе в сборнике «С какого ты Алтая?» (2018). Литературовед М. С. Дедина пишет: «Художественно-публицистические эссе писателя направлены на формирование мировоззрения его современника, поскольку, будучи видным деятелем, Д. Белеков с трибун самого высокого уровня всегда провозглашает особую роль Алтая, как хранители древнейших пластов евразийской культуры» [5, с. 123]. К примеру, в эссе «Вековечный скреп Евразийства» автор, исследует важность русского языка для культуры и народного сознания: «Россия – федеративное государство, крепость которого основана на цементирующей роли русского языка. Русский язык – вековечный скреп Евразийства» [6, с. 170]. Величие и важность русского языка, как отмечает автор, не ограничиваются только Россией. Он также играет важную роль в пространстве Евразии, объединяя различные государства и народы этого континента. Благодаря историческим, политическим и культурным связям, русский язык становится мостом между разными народами и помогает развивать диалог и сотрудничество между ними.

В следующих эссе ««Мир и радость вам, живущие!», ««Нам его с киргизского перевести не надо!», «Слово о Чингизе Айтматове» Д. Белеков рассказывает о великих писателях Кайсыне Кулиеве и Чингизе Айтматове. В каждом из эссе автор описывает свои впечатления и воспоминания о работе и творчестве этих писателей. Он отмечает великолепную проникновенность и силу слов писателей, а также их способность показать красоту и глубину жизни.

В целом, Д. Белеков в своих произведениях подчеркивает значимость Алтая как символа общей евразийской истории, культуры и духовности, и видит его как связующее звено между различными народами и странами Евразийского континента. Алтай становится для него не только географическим понятием, но и идеей объединения, мира и сотрудничества между народами этого региона.

К жанру эссе можно отнести произведения ««Алтай јоным кожонгым болды»» («Алтайский народ стал моей песней»), «*Јаңарында көк Алтай*» («В его

песнях синий Алтай»), «*Лобош сөстин үргүлжик учуры*» («Кроткого слова вечное значение»), «*Алтайдын үстиле турна барган*» («По Алтаю летал журавль») Дергелей Маскиной. Обращаясь к творчеству алтайских писателей Лазаря Кокышева, Александры Саруевой, Эркемена Палкина, Кюгея Тёлёсова, Д. Маскина размышляет об их наследии, задается вопросом о роли и значимости писательского мастерства. Она осознает, что слово и идеи, заложенные в произведениях писателей, продолжают жить и влиять на людей даже после ухода авторов из этого мира. Писательница понимает, что наследие писателей является бесценным сокровищем культуры и истории. В их произведениях содержатся уникальные образы, мысли, эмоции, которые умеют тронуть сердце и вдохновить на новые мысли и действия. Она отмечает, что каждый писатель оставляет свой след в литературе, и этот след становится частью нашего культурного наследия.

Кроме того, поэтесса задумывается над тем, каким образом писатели вписываются в контекст своей эпохи. Она понимает, что произведения писателей отражают исторические, социальные, политические и культурные реалии времени, в котором они жили и творили.

Эссе Виктора Майхиева «*Өйдүгү будуктары*» («Краски времени») (1996) можно назвать автобиографическим, потому что состоит из воспоминаний о детстве, юности и о родном доме писателя, которые переплетаются с философскими рассуждениями о жизни и быстротечности времени: «*Кижининг јаш тужы, өткөн өйлөри кезикте кандый да карамду, кеен, куулгазынду деп билдиретен ошкош. Көзининг алдында туманга элбендеп јылыып бараткандый: кезикте сүрекеј јаркынду јуруктар јуралар. Олор бой-бойыла солынып, көгүс-јүрегинге терен шингип калган санааларды күйбүредип, ойгозып, санадырып ла оморкодып турар*» («Иногда молодость и прошедшие года ощущаются как прекрасное, волшебные времена. Как-будто растворяясь в тумане, пропадают: иногда очень яркие картины рисуются. Они, сменяя друг друга, вызывают воспоминания, спрятанные в глубине души») [7, с. 20]. Автор, в своем эссе, с глубокой рефлексией подходит к теме времени. Он осознает, что время проходит непрерывно, оставляя за собой лишь воспоминания. Автор отмечает, что эти воспоминания могут быть яркими и насыщенными, как живописные картины, которые он создает, описывая окружающий мир, природу, особенности сельской жизни.

Детство играет значительную роль в жизни автора. Он описывает свои воспоминания о детских играх, приключениях, радости и счастье, которые казались вечными. Он также подчеркивает, что взросление изменило его отношение к детству, но эти воспоминания всегда останутся частичкой его прошлого, наполняя его жизнь особым смыслом.

Похожее по теме эссе Айгуль Маймановой «*Бала тужымла туштажу*» («Встреча с детством») (2018). В этом произведении автор с тоской и грустью вспоминает свое прошлое. В первой части эссе под названием «*Быјылгы јайда*» («Этим летом») она описывает изменения, произошедшие в ее родной деревне. Он замечает, что старые здания снесены, а на их месте появились новые постройки,

понимает, что взаимоотношения людей изменились. Эти перемены наталкивают писателя к осознанию необратимости времени и наступления новой эпохи, которую она воспринимает с тоской и печалью: «*Бир ле кјн јуртына једип барзан, улус сени таныбай да турар. Јашөскүрүм корболоп өскөн, јурт јаандаган. Солун улус көптөгөн. Алдындагы, санаада арткан төрөл јеринди, айса болзо, јүк ле эски оромдор, алдындагы өйлөрдө тудулган туралар эске алдырар*» («Когда возвращаешься в родные места, люди тебя и не узнают. Молодежь выросла, село разрослось. Незнакомых людей стало больше. Прежние, оставшиеся в памяти, родные места, напоминают только старые улочки, да построенные в былые времена дома») [8, с. 14].

Во второй части эссе «*Карган энем Луиза Бархатовна*» («Моя бабушка Луиза Бархатовна») автор вплетает в текст образы родных и близких людей – бабушки писательницы. Она нежностью вспоминает ее влияние на свою жизнь и те моменты, которые они пережили вместе. Отсутствие в настоящем времени близкого человека усиливает чувство утраты и ностальгии автора по ушедшим годам.

Основной чертой творчества алтайских писателей является сильная привязанность человека к природе. Авторы глубоко ощущают красоту и величие алтайского ландшафта и используют его в качестве источника вдохновения. Природа становится неотъемлемой частью литературного произведения, и эссе служат платформой для передачи этих ощущений читателю. К такому произведению относится эссе Карлагаш Элдеповой «*Ак-Чолушпам – агару кабайым*» («Ак-Чолушпа – моя священная колыбель»). Автор использует много эпитетов в описании красоты родной земли. Также она приводит в пример детские ассоциации, которые вызывали те или иные места на родине.

Про красоту своей родины пишет и Д. Маскина в произведениях «*Төрөл симфония*» («Родная симфония»), «*Јайлуда*» («На летнем стойбище»), «*Кјски Алтайым*» («Мой осенний Алтай»), «*Кулады*». Сам автор определяет их как рассказы, но по внутреннему содержанию и отсутствию сюжета, все же являются эссе.

В эссе «*Төрөл симфония*», к примеру Д. Маскина описывает, как разнообразные звуки природы объединяются в одну великолепную симфонию, напоминающая читателю об уникальной мелодии своей родины. Писательница замечает, как звуки природы, начиная от шума листвы на деревьях до пения птиц, создают удивительное звуковое полотно, которое наполняет сердце чувством гармонии и спокойствия: «*Бу – төрөл јерим кјүзи... Кару симфония... Муны кем де такып чүмдеп болбос... Кем де такып ойноп болбос... кандый да улу музыкант*» («Это – мелодия моей родины... Любимая симфония... Её никто не сможет сочинить... Никто не сможет ее сыграть... никакой великий музыкант») [9, с. 4].

В эссе алтайской писательницы Сурайи Сартаковой мы видим рассуждения на различные темы. Они напечатаны в сборнике «*Јүрүмнинг элестери*» («Мгновения жизни») (2010) и представляют собой короткие размышления над такими понятиями, как «стыд», «жизнь», «беда» и др. и носят дидактический характер. Они служат глубоким исследованием внутреннего мира автора и анализ фунда-

ментальных аспектов человеческой жизни. В своих эссе автор использует личный опыт, анализирует свои собственные эмоции, переживания и мысли, чтобы рассмотреть истинное значение этих понятий. Размышления автора касаются социальных, культурных, моральных и этических аспектов этих понятий.

К примеру, в эссе «*Уйат*» («Стыд») автор рассказывает, как стыд определяет наши внутренние установки и поведение, отношения с окружающими и на наше самоощущение, является нашим компасом в жизни, с которым мы можем быть открытыми и искренними.

В эссе «*Жүрүм*» («Жизнь») писательница рассуждает над тем, какой жизнь может быть непредсказуемой и призывает принимать ее со всеми ее радостями и горестями. А в произведении «*Каннын өңи жангыс...*» («Цвет крови одинаковый...») автор поднимает не менее важную тему, связанную с современным обществом, и призывает к уважению культурного многообразия, толерантности и солидарности.

Таким образом, одним из популярных художественно-публицистических жанров в современной алтайской литературе стал эссе. Писатели размышляют на философские темы, связанные с быстротечностью времени, священностью родины, идеей общности народов.

Источники, литература

1. Киндикова, Н. М. Алтайская литература: проблемы и суждения / науч. ред. Ч. Г. Гусейнов. – Республика Алтай: ГУ Книжное издательство «Юч-Сюмер – Белуха», 2008. – 188 с.
2. Словарь литературоведческих терминов / Ред. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. – М.: «Просвещение», 1974. – 509 с.
3. Дмитриевский А.Л. Жанр эссе: к проблеме теории // Челябинский гуманитарий. – 2013. – № 3 (24). – С. 37–51.
4. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. Изд-е 3-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2002. – 437 с.
5. Дедина М. С. Тематические особенности публицистических произведений Димана Белекова // История алтайской литературы (вторая половина XX – начало XXI вв.): Литературные портреты. Книга 5: Коллективная монография / Ред. Дедина М. С. (отв. ред.), Киндикова А. В., Текенова У. Н. – Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2023. – С. 112–125.
6. Белеков Д. С какого ты Алтай? – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2018. – 224 с.
7. Майхиев В. Чөлдөрдин күүзи: үлгерлер, куучындар, кокырлар, очерктер, публицистика. – Горно-Алтайск: Ыч-Сумер, 2004. – 111 с.
8. Майманова А. Бала тужымла туштажу: куучын-эссе // Алтайдын Чолмоны. – 2018. – 6 февр. (№ 8). – С. 14.
9. Маскина Д. Жүрүмнин журуктары: прозалап бичиген жуунты = Цветы жизни: повесть, рассказы. – Горно-Алтайск: Уч-Сумер-Белуха, 2002. – 184 с.

© С. А. Ерленбаева, 2023

ЧАСТЬ II. БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ И ФОТОГАЛЕРЕЯ

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ А. С. СУРАЗАКОВА (1976–2016 ГГ.)

МОНОГРАФИИ. АВТОРЕФЕРАТ

1. Стерегущие золото грифы. – Горно-Алтайск, 1980. – 72 с.
2. Горный Алтай и его северные предгорья в конце VI-начале II вв. до н.э. Автореф. канд. дис. – Новосибирск, 1985. – 22 с.
3. Предания старины глубокой. – Горно-Алтайск, 1985. – 78 с.
4. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск, 1989. – 165 с.
5. Древности Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – 32 с.
6. Письмена далекого прошлого. – Горно-Алтайск, 1993. – 31 с.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ МОНОГРАФИИ

1. История Республики Алтай. Том I. Древность и средневековье. / редколлегия: А. П. Деревянко (гл. ред.), В. И. Молодин, Т. М. Садалова, А. С. Суразаков (отв. ред.) и др. Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2002. – 360 с.
2. Всемирное природное наследие Алтая / сост. Н. П. Малков, А. С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 2002. – 99 с.
3. Древности Чуйского тракта / отв. ред. А. С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 2005. – 101 с.
4. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения: монография / А. С. Суразаков, А. А. Тишкин / отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин; АлтГУ, Ин-т алтаистики. – Барнаул: Азбука, 2007. – 232 с.
5. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае: монография / А. С. Суразаков, А. А. Тишкин, Е. В. Шелепова; М-во образования и науки РФ, Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Алтайский гос. ун-т», Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2008. – 109 с.
6. Алтайцы: Этническая история и традиционная культура. Современное развитие / НИИ Алтаистики им. С. С. Суразакова; редколл. Н. В. Екеев (отв. ред.), Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. – Горно-Алтайск: ИП Пермяков С. А., 2014. – 464 с. (член авторского коллектива).

СВОДЫ. ЭНЦИКЛОПЕДИИ

1. Археологические памятники особо охраняемых природных территорий Республики Алтай / сост. И. В. Соенов, А. С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 2001. – 67 с.
2. Республика Алтай. Краткая энциклопедия / отв. ред. А. С. Суразаков. – Новосибирск, 2010. – 365 с.

3. Алтай: духовное измерение / Алтын кабай Алтай / сост.: Т. М. Садалова, А. С. Суразаков. – М.: НИИЦентр, 2016. – 319 с.

4. Алтай сокровище культуры. Наследие народов Российской Федерации / редколл. А. С. Суразаков. – М., 2004. – Вып. 4. – 320 с.

СТАТЬИ В СБОРНИКАХ И ЖУРНАЛАХ

1. Дольменообразные гробницы и составные дольмены в Карачае и Краснодарском крае // АО 1975 года. – М., 1976. – С. 140–141. (в соавторстве с Л. Г. Нечаевой, В. В. Кривицким, Н. Л. Членовой, Д. Е. Щегловым).

2. Работы на Верхнем Алее // АО 1975 года. – М., 1976. – С. 261–262. (в соавторстве с Э. М. Медниковой, В. А. Могильниковым).

3. Работы Алтайской экспедиции // АО 1976 года. – М., 1977. – С. 211–212. (в соавторстве с А. В. Куйбышевым, Э. М. Медниковой, В. А. Могильниковым, С. В. Неверовым, А. П. Уманским).

4. Раскопки в Кызыл-Джаре // АО 1977 года. – М., 1978. – С. 261–262. (в соавторстве с В. А. Могильниковым, А. В. Куйбышевым).

5. Раскопки в Горном Алтае // АО 1978 года. – М., 1979. – С. 274.

6. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области // СА. – М., 1979. – № 3. – С. 265–269.

7. О вооружении ранних кочевников Горного Алтая // Вопросы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1980. – Вып. 1. – С. 170–190.

8. Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. // Вопросы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1980. – Вып. 1. – С. 193–202.

9. Археологические исследования в долинах Боротал и Алагаил // СА. – М., 1980. – № 2. – С. 180–191. (в соавторстве с В. А. Могильниковым).

10. О погребальных сооружениях пазырыкцев // Барнаулу 250 лет. – Барнаул, 1980. – С. 71–73.

11. Раскопки могильников в Горном Алтае // АО 1979 года. – М., 1980. – С. 236–237.

12. Исследования у с. Кунос в Горном Алтае // АО 1980 года. – М., 1981. – С. 214.

13. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Горного Алтая. – Барнаул, 1982. – С. 121–136.

14. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 72–87.

15. Новые находки эпохи камня в Горном Алтае // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 28–42. (в соавторстве с Л. М. Чевалковым).

16. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 42–52.

17. О совещании по итогам полевых исследований 1982 г. в Горно-Алтайском НИИИЯЛ // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 163–166.

18. Космогонические представления в пазырыкском искусстве // Скифо-сибирский мир. – Кемерово, 1984. – С. 66–69.

19. Раскопки у сел Кунос и Кокоря в Горном Алтае // АО 1982 года. – М., 1984. – С. 232–233.

20. Образ фольклорного богатыря в древнем изобразительном искусстве Горного Алтая // Национальное наследие и современность. – Горно-Алтайск, 1984. – С. 147–158.

21. К семантике изображений на башадарском саркофаге // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул, 1986. – С. 23–26.

22. К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 3–34.

23. Могильник Айрыдаш I в Горном Алтае // АО 1984 года. – М., 1986. – С. 203.

24. Древнее изобразительное искусство и фольклор // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 101–109.

25. Раскопки могильника Айрыдаш I // АО 1985 года. – М., 1987. – С. 284–285.

26. О некоторых связанных с оружием образах пазырыкского искусства // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987. – С. 53–59.

27. Об отражении космогонических представлений в погребальных конструкциях южносибирских и центральноазиатских племен // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово, 1987. – Часть I. – С. 39–41.

28. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1987. – С. 3–22.

29. Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа эпохи бронзы и скифского времени // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул, 1988. – С. 168–171.

30. Об одном мифологическом персонаже пазырыкского искусства // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. – Новосибирск, 1988. – Вып. 1. – № 3. – С. 49–52.

31. О характере взаимоотношений кочевников Саяно-Алтая I тыс. до н.э. и оседлых цивилизаций Средней Азии // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке. – М., 1988. – С. 181–182.

32. Археологические работы ГАНИИИЯЛ // Гуманитарные исследования в Горном Алтае. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 56–83.

33. О древнетюркских каменных оградках // Тюркология-88. – Фрунзе, 1988. – С. 569–570.

34. Небесные кони пазырыкских вождей // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 3–31.

35. Ирбисту I // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 22–59.

36. Об этнической интерпретации памятников пазырыкской культуры // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). – Кемерово, 1989. – Часть II. – С. 44–47.

37. О реконструкции особенностей развития древних обществ через погребальный обряд // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 50–51.
38. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск, 1990. – С. 197–200.
39. Раскопки памятников Курата II и Кор-Кобы I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 56–96.
40. О взаимосвязи алды-бельской и саглынской культур // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991. – С. 108–110.
41. Памятники истории и культуры как культурно-исторический ресурс // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 3–4.
42. О взаимосвязи некоторых базовых понятий археологии // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 15–16.
43. Новый памятник каракольской культуры в с. Беш-Озек // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 45–47. (в соавторстве с В. Д. Кубаревым, О. В. Лариным).
44. О некоторых проблемах изучения социальных отношений населения Горного Алтая эпохи раннего железа // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 48–56.
45. Раскопки на Кор-Кобы I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 56–78. (в соавторстве с О. В. Лариным).
46. Об этническом аспекте концепции эколого-экономической зоны Горного Алтая // Эколого-экономическая зона «Горный Алтай». – Горно-Алтайск, 1992. – С. 183–185.
47. Памятники скифского времени Горного Алтая и Восточного Казахстана // Маргулановские чтения. 1990. – М., 1992. – С. 162–164.
48. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). – Омск, 1992. – С. 92–97.
49. Древность и средневековье в исследованиях ГАНИИИЯЛ // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 14–18.
50. Космогония в орнаментации зеркал скифского времени // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 49–53.
51. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 25–45.
52. Исследования в местности Котыр-Тас // Алтаика. – Новосибирск, 1993. – № 2. – С. 50–51.

53. К проблеме изучения этнических связей // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 3–5.
54. К семантике изображений на кудыргинском валуне // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. – Кемерово, 1994. – С. 45–55.
55. К семантике каракольских писаниц // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 31–38. (в соавторстве с О.В. Лариным).
56. Раскопки памятников Большой Яломан I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 38–48. (в соавторстве с В. А. Могильниковым).
57. Раскопки могильника Мухор-Тархата I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 64–70. (в соавторстве с О. В. Лариным и В. А. Могильниковым).
58. Курганы могильников Ябоган I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 70–81. (в соавторстве с В. А. Кочевым).
59. К семантике изображений на оленных камнях // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 36–43.
60. Погребальный обряд пазырыкцев // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 71–74.
61. Раскопки могильника Чоба 7 // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 86–91. (в соавторстве с О.В. Лариным).
62. Об окуневских стелах // Алтай и тюрко-монгольский мир. – Горно-Алтайск, 1995. – С. 123–128.
63. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. – М., 1995. – С. 62–74. (в соавторстве с В. А. Могильниковым).
64. Балбалы // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 32.
65. Башадарские курганы // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 32.
66. Бодунова купца дом // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 32.
67. Грязнов Михаил Петрович // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 33.
68. Елангашские петроглифы // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 33.
69. Керексуры // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 33.
70. Киселев Сергей Владимирович // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 33.
71. Ледебур Карл Фридрих // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 33–34.
72. Оленные камни // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 34.
73. Пазырыкские курганы // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 34.

74. Письмена древнетюркские // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 34.
75. Руденко Сергей Иванович // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 34–35.
76. Тобокова купца лавка // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 35.
77. Тюркология // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 35.
78. Хунну // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 35.
79. Святилище Большой Яломан III // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул, 1996. – С. 82–84.
80. О реконструкции мировоззренческих систем древнего населения Алтая // Горный Алтай и Россия 240 лет. – Горно-Алтайск, 1996. – С. 7–10.
81. Изваяния древнетюркские // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 2 (10). – С. 46.
82. Кудыргэ // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 2 (10). – С. 46.
83. Окладников Алексей Павлович // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 2 (10). – С. 46.
84. Радлов Василий Васильевич // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 2 (10). – С. 46–47.
85. Теле // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 2 (10). – С. 47.
86. Туэктинские курганы // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 2 (10). – С. 47.
87. Улалинка // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 2 (10). – С. 47.
88. Шибинский курган // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 2 (10). – С. 47.
89. Ининский мост // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 3 (11). – С. 29.
90. Каракольский могильник // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 3 (11). – С. 29.
91. Катандинский курган // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 3 (11). – С. 29.
92. Усть-Канская пещера // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 3 (11). – С. 30.
93. Бодунова купца усадьба // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 4 (12). – С. 29.
94. Кучерла I (Куйлю) // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 4 (12). – С. 29.
95. Юстыдские курганы // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 4 (12). – С. 31.
96. Ак-Алаха I // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – № 1 (13). – С. 36.
97. Куюмские могильник и поселение // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – № 1 (13). – С. 36.
98. Куюсинский «грот» // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – № 1 (13). – С. 36.
99. Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии ГАГУ. – Горно-Алтайск, 1997. – Вып. 2. – С. 85–93.
100. Айрыдаш I // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – № 2 (14). – С. 41.
101. Кутургунтас // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – № 2 (14). – С. 44.
102. Страшная пещера // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – № 2 (14). – С. 44.
103. Уландрыкские курганы // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – № 2 (14). – С. 44.
104. Центрально-азиатский монумент природы // Природные условия, исто-

рия и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Томск, 1997. – С. 149–150. (в соавторстве с В. А. Goverдовским, Н. П. Малковым, М. Ю. Шишиным).

105. Археология // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – № 3 (15). – С. 45.
106. Наскальные изображения // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – № 4 (16). – С. 45.
107. Раскопки второго Сальдярского могильника // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – С. 126–144. (в соавторстве с В. А. Могильниковым).
108. Эдоков Владимир Иванович // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1998. – № 1 (17). – С. 40.
109. Историко-культурное наследие // Концептуальная программа экологически устойчивого развития Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1998. – С. 49–51.
110. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С. 171–173.
111. Кызык-Телань II // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2001. – № 6. – С. 70–72.
112. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – № 10. – С. 70–83. (в соавторстве с В. А. Кочевым).
113. Исследование курганов долины Кызык-Телань // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – № 11. – С. 35–37. (в соавторстве с В. А. Могильниковым).
114. Отчет по экспедиции на Чулышман в августе 2000 г. // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – Вып. 1. – С. 90–99.
115. Раскопки памятников Ябоган III // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – Вып. 1. – С. 26–63. (в соавторстве с В. А. Могильниковым).
116. Памятник Кызык-Телань-I в Горном Алтае и его планиграфические особенности // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – Кн. 1. – С. 191–198. (в соавторстве с А. А. Тишкиным).
117. К вопросу о хронологии и культурной принадлежности комплексов эпохи бронзы могильника Айрыдаш I // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 9–20. (в соавторстве с В. И. Соеновым).
118. Каракол: новые материалы эпохи бронзы Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2006. – Т. XII, часть 1. – С. 389–391. (в соавторстве с В. Д. Кубаревым).
119. Зооморфный колчаный крючок из могильника Айрыдаш-I // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. – Барнаул, 2010. – Вып. VI. – С. 37–40. (в соавторстве с В. И. Соеновым).
120. Производство текстильной продукции на Алтае в гунно-сарматское время (по материалам могильника Айрыдаш-I) // Древности Сибири и Центральной

Азии. – Горно-Алтайск, 2013. – № 5 (17). – С. 103–110. (в соавторстве с Е. А. Константиновой (Штанаковой)).

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. Кинжал из долины Ачик // Звезда Алтая. – 3 июня 1976.
2. О поселке древнем // Звезда Алтая. – 13 июля 1977.
3. Археологические раскопки в Кызыл-Джаре // Звезда Алтая. – 17 августа 1977. (в соавторстве с В. А. Могильниковым).
4. Тайны яконурских курганов // Звезда Алтая. – 14 октября 1978.
5. Искусство, которому более 2000 лет // Звезда Алтая. – 4 ноября 1978.
6. Из глубины веков // Звезда Алтая. 20 января 1979.
7. Новые находки археологов // Звезда Алтая. – 12 января 1980.
8. Новые находки археологов // Звезда Алтая. – 20 сентября 1980.
9. Исторический фонд области // Звезда Алтая. – 10 июня 1981.
10. Древность Чуйской земли // Чуйские зори. – 10 июля 1981.
11. Открытие Сибири // Звезда Алтая. – 25 июля 1981.
12. По древним тропам Горного Алтая // Звезда Алтая. – 1 октября 1981.
13. Имя родного края // Звезда Алтая. – 3 декабря 1981.
14. Исследователь Горного Алтая // Звезда Алтая. – 18 марта 1982.
15. На местах древних поселений // Звезда Алтая. – 28 сентября 1982.
16. Сквозь призму времени // Звезда Алтая. – 3 июня 1983.
17. Страницы древней истории // Звезда Алтая. – 10 октября 1984.
18. На дне будущего водохранилища // Звезда Алтая. – 3 августа 1985.
19. Первооткрыватель Пазырыка. К 100-летию со дня рождения С. И. Руденко // Звезда Алтая. – 10 декабря 1985.
20. Страницы каменной летописи // Звезда Алтая. – 27 августа 1986.
21. В Денисовой пещере // Звезда Алтая. – 2 октября 1986.
22. История – наука емкая. Археологическая экспедиция Горно-Алтайского НИИИЯЛ вступает в десятый сезон // Звезда Алтая. – 13 июня 1987.
23. На древних берегах Катуня // Звезда Алтая. – 12 октября 1988.
24. Сюрпризы Яломана // Звезда Алтая. – 10 октября 1989.
25. Эхо древней истории // Звезда Алтая. – 3 октября 1990.
26. В глуби веков // Звезда Алтая. – 11–12 сентября 1991.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

1. Горный Алтай в древности и средневековье. Материалы в помощь учителю истории средней школы. – Горно-Алтайск, 1990. – 120 с.
2. История и культура народов Горного Алтая. Часть I. Древность и средневековье. Учебник для старших классов средней школы. – Горно-Алтайск, 1994. – 136 с.
3. Мировоззрение древнего населения Алтая. Методическое пособие. – Горно-Алтайск, 2013. – 40 с.

ФИЛОСОФИЯ

1. Алтай в центре евразийского этнокультурного синтеза // Алтай-космос-микрокосм. Пути духовного и экологического преобразования планеты. – Барнаул, 1994. – С. 194–196.
2. Житейский океан. – Горно-Алтайск, 1995. – 36 с.
3. Немного о многом // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 3 (11). – 19 с.
4. Мировоззренческие аспекты экологии Горного Алтая // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 3 (11). – 20 с.
5. К общей теории социальных систем // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997. – С. 6–9.
6. Человек-Вселенная // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – № 1 (13). – С. 30–31.
7. Космическое мышление // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – № 2 (14). – С. 32–33.
8. Первоосновы мира // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – № 3 (15). – С. 15–17.
9. Дыхание Великого Космического Океана // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – № 4 (16). – С. 31–33.
10. К проблеме социологических реконструкций в археологии // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. – Новосибирск, 1998. – С. 577–580.
11. К изучению прошлых мировоззрений // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем. – Горно-Алтайск, 1998. – С. 10–13.
12. Космическая философия // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1998. – № 1 (17). – С. 24–25.
13. Древнее изобразительное искусство как информационная система // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. – Горно-Алтайск, 1999. – С. 168–171.
14. Евразийские ритмы // Звезда Алтая. – 23 ноября 1999. – С. 6.
15. Планета Гея // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1999. – № 18. – С. 44.
16. Микрокосм // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 2000. – № 19. – С. 16–17.
17. Пути ноосферного развития // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 2000. – № 19. – С. 22–23.
18. Цивилизация и культура // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2001. – № 6. – С. 141–143.
19. Концептуальные аспекты обновительного процесса // Республика Алтай (Алтай – Золотые горы): модели и механизмы устойчивого развития. – Горно-Алтайск, 2001. – С. 3–5.
20. К теории социального синтеза // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – № 8. – С. 10–13.
21. О философском аспекте исследований экспедиции «Алтай-Орхон» // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – № 9. – С. 132–134.
22. Философия Горного Алтая (к постановке проблемы) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – № 10. – С. 158–161.

23. Духовный ландшафт Алтая // Сохранение этнокультурного и биологического разнообразия горных территорий через стратегии устойчивого развития. – Горно-Алтайск, 2003. – С. 78–79.
24. Метафизическая философия древних // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – № 12. – С. 170–173.
25. К проблеме изучения феномена этнического // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 2004. – Вып. 6. – С. 154–156.
26. Ноосферный импульс развития // Этнокультурное единство народов Евразии. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 18–20.
27. О понятии «анимизм» // Урал-Алтай: через века в будущее. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 92–93.
28. Евразийцы // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2005. – № 1. – С. 3–4.
29. Духовный менталитет Алтая // Урал-Алтай: через века в будущее. – Уфа, 2005. – С. 370–371.
30. Философия пазырыкцев: представление о первооснове мира // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – Вып. 2. – С. 29–35.
31. Духовность и культура // Материалы III съезда работников культуры, искусства и духовной сферы Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 29–31.
32. Системное управление процессами в сфере культуры // Материалы III съезда работников культуры, искусства и духовной сферы Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 105–107.
33. Алтай и модель цивилизации третьего тысячелетия // Материалы международной научно-практической конференции «Единство природного и культурного разнообразия – основа устойчивого развития Алтайского горного региона». – Горно-Алтайск, 2005. – С. 26–27.
34. Древняя философия Алтая: синтез метафизического пространства // Г. Н. Потанин и народы Алтае-Саянского горного региона: через поколения в будущее. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 143–148.
35. Евразийство // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2006. – № 2. – С. 3–5.
36. Духовность Алтая в исторической перспективе // Алтай-Россия: через века в будущее. – Горно-Алтайск, 2006. – С. 150–151.
37. Философские размышления (1994–2006 гг.) / Ред. Е. С. Конева, Э. В. Бабрашев. – Горно-Алтайск, 2006. – 247 с.
38. Выступление на презентации Национального комитета по делам ЮНЕСКО в Республике Алтай // Культура Алтая. Ежегодный республиканский информационно-аналитический сборник. – Горно-Алтайск, 2006. – С. 45–46.
39. О содержании феномена «нематериальное культурное наследие» // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2007. – № 5. – С. 192–194.
40. Штрихи к мировой эволюции // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2007. – № 3. – С. 4–5.
41. Идея плодородия в системе древних представлений о мире // Материалы

научной конференции с международным участием «Немецкие исследователи на Алтае», посвященной 170-летию со дня рождения В. В. Радлова. – Горно-Алтайск, 2007. – С. 192–194.

42. Концептуальная модель социального миропроявления // Билим. – Горно-Алтайск, 2007. – № 3. – С. 32–34.
43. О формировании экологически ориентированного сознания // Материалы заседания «круглого стола» по теме: «О состоянии объектов Всемирного природного наследия в системе устойчивого развития Алтайского горного региона» (7 сентября 2007 года, с. Усть-Кокса, Республика Алтай). – Горно-Алтайск, 2008. – С. 51–54.
44. Духовность Алтая в системе культурного наследия современной цивилизации // О состоянии и развитии культурного и духовного наследия народов Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2008. – С. 20–23.
45. Духовный Собор народов планеты // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2008. – № 4. – С. 4.
46. Еще раз о культах // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2009. – № 5. – С. 4–5.
47. Гражданственность и этничность // Единство этнического разнообразия – основа устойчивого развития Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2009. – С. 9–11.
48. Грядущая цивилизация: смена понятий // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2010. – № 6. – С. 3–4.
49. О характере жизненного пути // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2010. – № 6. – С. 43–45.
50. Живописец метафизических сфер // Е. Чеботарева. Космический океан. – Республика Алтай, 2010. – С. 2.
51. О реконструкции древних мировоззренческих представлений // Традиционная культура коренных жителей Горного Алтая в XXI веке. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 50–57.
52. Образы прародительниц в петроглифах Куюса // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул, 2010. – Вып. IV. – С. 110–115.
53. Три океана // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2011. – № 7. – С. 3–4.
54. Школа жизненного пути «Евразийская Эллада» («ЕЭ») // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2011. – № 7. – С. 51–52.
55. О реконструкции мировоззрения пазырыкских племен // Международный симпозиум «Terra Scythica». – Новосибирск, 2011. – С. 50–51.
56. О проблемах реконструкции мировоззренческой модели мира племен пазырыкской культуры // Terra Scythica. Материалы международного симпозиума «Terra Scythica» (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай). – Новосибирск, 2011. – С. 261–268.
57. Мировоззрение пазырыкцев: представления о мировом древе // Религия в истории народов России и Центральной Азии. – Барнаул, 2011. – С. 137–140.
58. Духовный магнетизм // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2012. – № 8. – С. 3.

59. Заметки о школе «Евразийская Эллада» // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2012. – № 8. – С. 34–36.

60. Философские размышления (2006–2012 гг.). Книга вторая. – Горно-Алтайск, 2012. – 174 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://evraz.wordpress.com/2016/04/23/a-c-суразаков-философские-размышлени/>

61. Космическая симфония // Е. Чеботарева. Музыка сфер. – Республика Алтай, 2012. – С. 2.

62. На полюсах Евразийского континента // Алтай в цивилизационном пространстве Евразии. Материалы международной научно-творческой конференции. – Горно-Алтайск, 2013. – С. 44–45.

63. Метафизическая сфера Горного Алтая // Алтай: метафизическая параллель. – Горно-Алтайск, 2014. – № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://altmetpar.wordpress.com/>

64. Первосила // Алтай: метафизическая параллель. – Горно-Алтайск, 2014. – № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://altmetpar.wordpress.com/>

65. Духовность // Алтай: метафизическая параллель. – Горно-Алтайск, 2015. – № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://altmetpar.wordpress.com/>

СУТРЫ

1. Поэтическая триада. – Горно-Алтайск, 2000. – 30 с.
2. Сутра Жизни // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2005. – № 1. – С. 26–30.
3. Сутра Пути // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2006. – № 2. – С. 50–55.
4. Отшельник // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2005–2007. – № 1 (С. 44–46), № 2 (С. 56–57), № 3 (С. 50–52).
5. Сутра Преодоления // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2008. – № 4. – С. 55–59.
6. Сутра Воплощений // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2009. – № 5. – С. 61–63.
7. Мировой океан // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2012. – № 8. С. 53–54.

ПУБЛИЦИСТИКА

1. Навеки вместе // Звезда Алтая. – 17 февраля 1981.
2. Право иметь историю // Звезда Алтая. – 17 июня 1981.
3. Две точки зрения // Звезда Алтая. – 21 апреля 1987.
4. Что оставим потомкам // Звезда Алтая. – 23 июня 1987.
5. Сохранить в народной памяти // Звезда Алтая. – 24 июля 1987.
6. Узун эзем керек // Алтайдын Чолмоны. – 23 октября 1987.
7. Не потерять том из истории // Звезда Алтая. – 24 октября 1987.
8. Нужны ученые историки // Звезда Алтая. – 26 января 1988.
9. Время возрождения. С V Всесоюзной конференции тюркологов // Звезда Алтая. – 18 октября 1988.
10. Без высочайших указаний // Звезда Алтая. – 21 декабря 1989.
11. Культурно-историческая среда // Звезда Алтая. – 5 апреля 1990.
12. Смутное время // Звезда Алтая. – 12 января 1991.

13. Раздумья о культуре // Звезда Алтая. – 17 апреля 1991.

14. Гуманитарии и время // Звезда Алтая. – 20 апреля 1991.

15. Правые, левые, цветные... // Звезда Алтая. – 24 августа 1991.

16. Август 91-го // Звезда Алтая. – 19–20 сентября 1991.

17. Этносы Горного Алтая // Звезда Алтая. – 4 октября 1991.

18. На перепутье или как Горному Алтаю обогнать Америку // Звезда Алтая. – 16–17, 19 октября 1991.

19. Депутат республики или фантазия на темы будущего // Звезда Алтая. – 22–23 ноября 1991.

20. На рубеже эр или общинники конца двадцатого века // Звезда Алтая. – 30 января, 5 февраля 1992.

21. Выстоит ли институт? // Звезда Алтая. – 15 мая 1992.

22. Достояние республики // Звезда Алтая. – 29 июля 1992.

23. Древность и современность // Звезда Алтая. – 17–18, 22 сентября 1992.

24. Культурно-историческое наследие. Грани проблемы // Звезда Алтая. – 2 декабря 1992.

25. Республиканын энчизи // Алтайдын Чолмоны. – 30 апреля 1993.

26. Человек этнический // Звезда Алтая. – 5, 9 февраля 1993.

27. Обновление // Алтай-Контакт. – Горно-Алтайск, 1993. – № 47–48.

28. Возвращение к истокам // Звезда Алтая. – 8 декабря 1993.

29. О Фонде имени С.С. Суразакова // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1994. – № 1.

30. Культурный треугольник // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1994. – № 1.

31. Размышления об одном интеллектуальном течении // Алтай-Контакт. – Горно-Алтайск, 1994. – № 24.

32. Размышления о размышлениях // Алтай-Контакт. – Горно-Алтайск, 1994. – № 29.

33. Гуманитарий // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1994. – № 2.

34. Алтай-Космос-Микрокосм // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1994. – № 2.

35. Этнограф, композитор и просветитель // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1994. – №3. – С. 2

36. Слово о мастере // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1994. – № 4. – С. 3.

37. Голос из вечности // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1995. – № 1 (5). – С. 2.

38. Идеи правят миром // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1995. – № 1 (5). – С. 19.

39. Отечественная // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1995. – № 2 (6). – С. 2.

40. Культурные горизонты // Звезда Алтая. – 7 июня 1995.

41. Окно в Европу // Звезда Алтая. – 20–21 июня 1995.

42. След в истории // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1995. – № 3 (7). – С. 2.

43. В поднебесье // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1995. – № 3 (7). – С. 5–7 и № 4 (8). – С. 28–35.

44. Ценитель художественного процесса // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 1 (9). – С. 3.

45. Врата в будущее // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 2 (10). – С. 2–3.

46. Л.Н. Гумилев и Великая степь // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 2 (10). – С. 25–26.
47. Глубина исторической памяти // Звезда Алтая. – 7 июня 1996.
48. Таинственные письма Орхона // Литературная Россия. – М., 12 апреля 1996. – С. 10.
49. Что век грядущий нам готовит? // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1996. – № 4 (12). – С. 21–22.
50. Соприкосновения // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – № 1 (13). – С. 2.
51. Поле для личностного самоутверждения // Звезда Алтая. – 26 августа 1997.
52. Гомер XX века // Постскриптум. – 26 августа 1999.
53. Вольнодумие // Кан-Алтай. – Горно-Алтайск, 1999. – № 18. – С. 2.
54. О журнале // Алтай: метафизическая параллель. – Горно-Алтайск, 2014. – № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://altmetpar.wordpress.com/>
55. Ну и, далее // Алтай: метафизическая параллель. – Горно-Алтайск, 2015. – № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://altmetpar.wordpress.com/>

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. Шапка // Грустная пятница. – 1986. – С. 19–22.
2. Кентавр // Звезда Алтая. – 31 октября 1990.
3. О детстве, юности и об отце // Сын вечного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 198–211.
4. Наивная хитрость // Звезда Алтая. – 5 марта 1991.
5. Стереотипы // Звезда Алтая. – 17 мая 1991.
6. На Каянчу // Звезда Алтая. – 20–22 октября 1993.
7. Галопом по Европам. – Горно-Алтайск, 1993. – 56 с.
8. Святой и Дьявол. – Горно-Алтайск, 1993. – 52 с.
9. Древность земли // Солонги. – № 4. – Горно-Алтайск, 1993.
10. Забавные истории. – Горно-Алтайск, 1994. – 47 с.
11. Экспедиционные были. – Горно-Алтайск, 1994. – 136 с.
12. Вход в Шамбалу // Алтай: метафизическая параллель. – Горно-Алтайск, 2015. – № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://altmetpar.wordpress.com/>

ПОЭЗИЯ

1. Вера-Надежда-Любовь // Постскриптум. – 20 декабря 2001. – С. 7.
2. Счастье // Постскриптум. – 20 декабря 2001. – С. 7.
3. Свобода // Постскриптум. – 21 марта 2001. – С. 6.
4. Желанной // Звезда Алтая. – 22 марта 2002. – С. 6.
5. Восхождение // Постскриптум. – 20 июня 2002. – С. 8.
6. Костер // Постскриптум. – 29 августа 2002. – С. 7.
7. Эллада // Постскриптум. – 28 ноября 2002. – С. 12.
8. Маскарад // Постскриптум. – 19 декабря 2002. – С. 6.

9. Дух Алтая // Алтай Телекей – Мир Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – № 1–2. – С. 215.
10. Звездный ветер. – Горно-Алтайск, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stihi.ru/2016/02/09/9070>
11. Россия // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2008. – № 4. – С. 60.
12. Учителю // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2008. – № 4. – С. 60.
13. Вера // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2008. – № 4. – С. 60.
14. Звездочет // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2008. – № 4. – С. 60.
15. Два бытия // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2008. – № 4. – С. 60.
16. Духовное начало // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2008. – № 4. – С. 61.
17. Философский камень // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2008. – № 4. – С. 61.
18. Евразийский материк // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2009. – № 5. – С. 71–72.
19. Мастер и Маргарита // Чудо рождения мысли. – Горно-Алтайск, 2009. – № 1–3. – С. 65–66.
20. Моей доброй Фее, Эпическое измеренье, Путь познания, Храм // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2010. – № 6. – С. 46–47.
21. Геркулесовы Столпы // Евразийцы. – Горно-Алтайск, 2011. – № 7. – С. 56.
22. Древо познания. – Горно-Алтайск, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stihi.ru/2016/02/08/4524>
23. Космический театр // Алтай: метафизическая параллель. – Горно-Алтайск, 2015. – № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://altmetpar.wordpress.com/>
24. Жизненный пульс // Алтай: метафизическая параллель. – Горно-Алтайск, 2016. – № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://altmetpar.wordpress.com/>

ИНТЕРВЬЮ

1. Жизнь на убыль не пошла // Звезда Алтая. – 24 октября 1998. (корр. Н. Витовцева).
2. Внук шамана // Постскриптум. – 10 декабря 1998. (корр. Н. Витовцева).
3. Менять, но не «шило на мыло» // Звезда Алтая. – 13 мая 1999. (корр. Н. Витовцева).
4. О бедной науке замолвите слово // Звезда Алтая. – 9 марта 2000. (корр. Н. Витовцева).
5. Чтобы развиваться динамично // Звезда Алтая. – 5 декабря 2000. (корр. Н. Витовцева).
6. Заманчивое предложение // Звезда Алтая. – 9 февраля 2001. (корр. Н. Витовцева).
7. Размышления 55-летнего // Звезда Алтая. – 11 декабря 2003. – С. 6. (корр. Н. Витовцева).
8. Подать идею легко, а вот как ее реализовать? // Звезда Алтая. – 15 ноября 2005. – С. 8. (корр. Н. Витовцева).
9. Разговор об отце // Звезда Алтая. – 15 декабря 2005. – С. 4. (корр. Н. Витовцева).

10. «Первокирпичик» энциклопедического дела // Звезда Алтай. – 15 апреля 2010. – С. 12. (корр. Е. Долгова).

РАЗНОЕ

1. От школьного музея – к сельскому // Звезда Алтай. – 13 декабря 1986. (в соавторстве с Н. Шодоевым).
2. Под сенью соснового бора // Звезда Алтай. – 23 мая 1990.
3. Кто встанет вверху пирамиды? // Звезда Алтай. – 16 января 1992.
4. Вступительная статья // Григорий Иванович Чорос-Гуркин. Каталог выставки. – Амстердам, 1994. – С. 5–14.
5. Текст к буклету // Горный Алтай. Жемчужина Сибири. – Горно-Алтайск, 2000.
6. Отдельные тексты по истории и науке к альбому // Горно-Алтайск. – Бийск, 2006.
7. Текст к иллюстрированному буклету // Курганы урочища Пазырык. – Горно-Алтайск, 2011.
8. Текст к иллюстрированному буклету // Леди Укока. – Горно-Алтайск, 2011.

О НЕМ И ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

1. Елин В. Пазырык раскрывает тайны // Звезда Алтай. – 6 декабря 1980.
2. Самыков В. Загадки старины далекой. О двух научно-художественных книгах Александра Суразакова // Звезда Алтай. – 25 октября 1985. – С. 4.
3. Суразаков Александр Сазонович // Археологи Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1985. – С. 33.
4. Суразаков А. С. // В. И. Соенов. Археологический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 55.
5. Суразаков Александр Сазонович // Труды сотрудников Горно-Алтайского института гуманитарных исследований. 1952–1995. Указатель литературы. – Горно-Алтайск, 1997. – С. 60–71.
6. Библиографический указатель к 50-летию А. С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 1998. – 18 с.
7. Чичинов В. Здоровья тебе и удач // Звезда Алтай. – 5 декабря 1998. – С. 3.
8. Заметки В. Чичинова и Т. Ерленбаевой к 50-летию А. С. Суразакова // Алтайдын Чолмоны. – 10 декабря 1998. – С. 4.
9. Суразаков Александр Сазонович // Сибирь в лицах. – Новосибирск, 2001. – С. 386.
10. Александр Сазонович Суразаков // Алтайчинов М. Ч. Замечательные люди северных алтайцев. – Горно-Алтайск, 2003. – С. 73–74.
11. Библиографический указатель к 55-летию со дня рождения А. С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2003. – 22 с.
12. Суразаков Александр Сазонович // Труды сотрудников государственного учреждения Республики Алтай «Институт алтаистики им. С. С. Суразакова» (1996–2006 гг.). Библиографический указатель. – Горно-Алтайск, 2007. – С. 54–61.

13. Малинов А. В. Суразаков А. С. Философские размышления (1994–2006). – Горно-Алтайск, 2006. – 254 с.

14. Библиографический указатель к 60-летию со дня рождения А. С. Суразакова. – Горно-Алтайск, 2008. – 25 с.
15. Горностаев Д. Все мое время // Постскриптум. – 11 декабря 2008. – С. 29.
16. Суразаков Александр Сазонович // Республика Алтай. Краткая энциклопедия. – Новосибирск, 2010. – С. 285.
17. Гребенникова Н. С. «Скрытый смысл миротворения» (художественно-философская модель поэзии А. Суразакова) // Языки и литературы народов Горного Алтая. Международный ежегодник. – Горно-Алтайск, 2011. – С. 166–171.
18. Гребенникова Н. С. «Штрихи к мировой эволюции» (Жанровая специфика прозы А. Суразакова) // Языки и литературы народов Горного Алтая. Международный ежегодник. – Горно-Алтайск, 2013. – С. 66–70.
19. Гребенникова Н. С. «О смысле жизненных начал...» (Картина мира в «Философских размышлениях» А. Суразакова) // Языки и литературы народов Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2016. – С. 114–120.
20. Киреев С. М. Нюансы его бытия. Вспоминая Александра Суразакова // Древности Сибири и Центральной Азии. – № 9 (21). – С. 104–108.
21. Соенов В. И. Суразаков Александр Сазонович // Древности Сибири и Центральной Азии. – № 9 (21). – С. 101–103.
21. Каташев М. С. Родился Александр Сазонович Суразаков, кандидат исторических наук, исследователь древней и средневековой истории Горного Алтая, первый профессиональный археолог в Горном Алтае, общественный деятель (10.12.1948–28.08.2018 гг.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://visit-altairepublic.ru/o-respublike-altay/den-v-istori/dekabr/rodilsya-aleksandr-sazonovich-surazakov-kandidat-istoricheskikh-nauk-issledovatel-drevney-i-sredneve/?ysclid=lo54oum6d3501356566>.
22. Енчинов Э. В. «В пучину вечного познания (к 75-летию со дня рождения Александра Сазоновича Суразакова)» // Звезда Алтай. – 8 нояб. 2023. – С. 13.

Условные обозначения

- АО – Археологические открытия.
СА – Советская археология.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Научных чтений «Научное наследие
Александра Сазоновича Суразакова: История. Археология. Культура»
(к 75-летию со дня рождения ученого)

г. Горно-Алтайск
14 ноября 2023 г.

14 ноября 2023 г. в Научно-исследовательском институте алтаистики им. С. С. Суразакова состоялись Научные чтения «Научное наследие Александра Сазоновича Суразакова: История. Археология. Культура», посвященные 75-летию со дня рождения А.С. Суразакова, ученого, первого профессионального археолога, организатора науки, общественного деятеля. Основной целью мероприятия было осмысление научного наследия ученого, его вклада в изучение и популяризацию историко-культурного наследия Горного Алтая. Организатором чтений выступили НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова и Горно-Алтайский государственный университет.

В работе чтений приняли участие исследователи из научных и образовательных учреждений Горно-Алтайска, Москвы, Казани, Абакана, а также работники сфер образования и культуры, представители СМИ, общественных организаций Республики Алтай.

Участников чтений приветствовали директор НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова Н. В. Екеев, и.о. ректора Горно-Алтайского госуниверситета Н. В. Гусельникова, специалист Министерства образования и науки Республики Алтай А. С. Фетисов, советник Главы Республики Алтай по международным отношениям и алтайскому языку, член Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, председатель Комитета Республики Алтай по делам ЮНЕСКО И. И. Белеков. Также выступила Т. В. Куладжи (Суразакова), родственница А. С. Суразакова.

В ходе работы чтений было заслушано 15 докладов, из которых 5 – в пленарной части, 10 – в секционном заседании, 1 доклад был представлен в стендовой форме.

Доклады пленарного заседания были посвящены научной, составительской и преподавательской деятельности А. С. Суразакова. М. С. Каташев говорил о вкладе А. С. Суразакова в гуманитарную науку региона, Э. П. Дворников представил вниманию присутствующих доклад «Археологические памятники долины рек Юстыд и Ирбисту-1: сравнительный аспект (по материалам А.С. Суразакова и начала XXI в.)», С. М. Киреев рассказал об архивном фонде ученого, хранящемся в Национальном музее им. А. В. Анохина, М. С. Дедина проанализировала литературное творчество А. Суразакова, в докладе «Республика Алтай. Краткая энциклопедия» как первый опыт системной презентации региона Т. П. Шастиной говорилось о роли исследователя при создании первой энциклопедии в Республике Алтай.

На секционном заседании были представлены доклады о различных аспектах жизни и деятельности А. С. Суразакова: о создании ученым некоммерческих просветительских журналов «Кан-Алтай» и «Евразийцы», ставших одними из первых рупоров ревозрождения элементов культуры народов Республики Алтай, основании им

Агентства культурно-исторического наследия (АКИН) и работе в данном учреждении, вкладе ученого в подготовку учебно-методической литературы по истории и культуре Горного Алтая для школ Республики Алтай. Также звучали воспоминания о личности А. С. Суразакова, о годах его работы в ГАНИИИИАЛе (ныне – НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова).

Кроме того, на секции были заслушаны доклады о культурно-историческом наследии народов Юго-Запада Сибири и Приволжья. Совместный с З. А. Тычинских (г. Тобольск) доклад «Сибирско-татарский эпос «Ак Кубек» и его исторический контекст (к вопросу о восточных кыпчаках» представил Д. М. Исхаков (г. Казань). С докладом «Этнобытовые традиции как основа семейных ценностей титульных этносов Южной Сибири в современный период» в режиме онлайн выступила И. Н. Трошкина из Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Исследователи из Республики Алтай представили доклады, связанные с категориями материальной и духовной культуры народов региона: отражение обычаев жизненного цикла в алтайском героическом эпосе, элементы этнографической триады: одежда, пища и жилище, а также производственная и культовая сфера и т.д.

Научное мероприятие стало важной площадкой для обсуждения актуальных вопросов гуманитарных наук в регионе на современном этапе, а также позволило отдать дань уважения ученому А. С. Суразакову. Участники научных чтений отметили большую теоретическую и практическую значимость представленных докладов. Вопросы, обсужденные на чтениях, имеют научно-практическое значение для дальнейшего развития научно-исследовательских и учебно-методических работ, в том числе в контексте междисциплинарных исследований.

В ходе состоявшегося обмена мнениями участники научных чтений высказали следующие конкретные предложения и рекомендации:

Министерству образования и науки Республики Алтай

1. Содействовать изданию научных трудов НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова.

НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова

1. Издать сборник материалов научных чтений и разместить в наукометрической базе РИНЦ.

2. Продолжить практику проведения научных мероприятий по увековечению памяти и изучению научного наследия известных ученых, внесших значительный вклад в исследование истории, культуры и языка народов Республики Алтай.

3. Предусмотреть проведение совместных исследований в области исторических и смежных дисциплин с коллегами из других научных и образовательных учреждений.

Участники чтений выражают благодарность Министерству образования и науки Республики Алтай, Горно-Алтайскому государственному университету, Научно-исследовательскому институту алтаистики им. С. С. Суразакова за организацию и проведение конференции.

Оргкомитет научных чтений выражает благодарность всем участникам и гостям мероприятия.

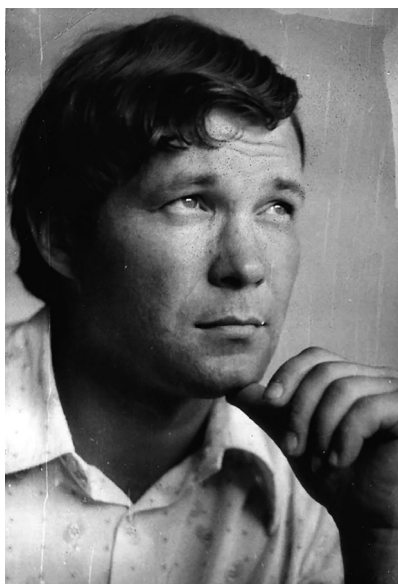
ФОТОГАЛЕРЕЯ

Фото 1. А. С. Суразаков учитель, методист Горно-Алтайской областной заочной средней школы, 1973–1974 гг.

Фото 3. Чуйский камень, 1979 г.

Фото 2. А. С. Суразаков, 1970-е гг.

Фото 4. Сектор истории Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, 1978 г.

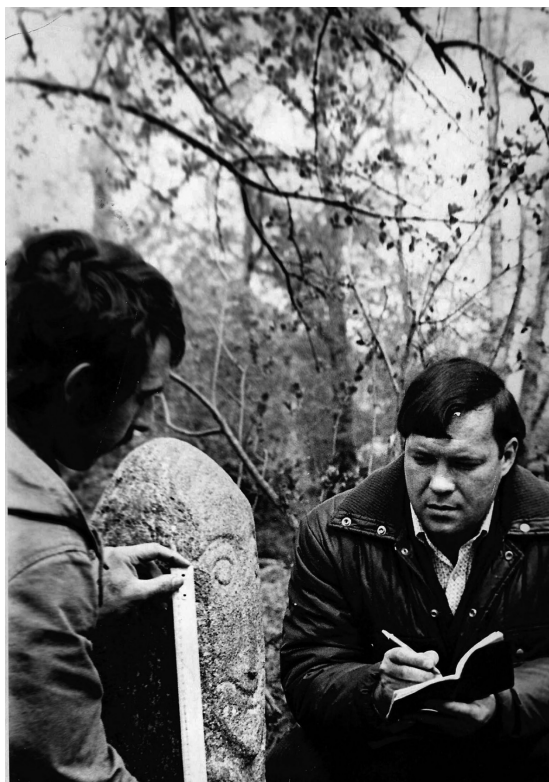

Фото 5. А. С. Суразаков за работой,
1982 г.

Фото 7. Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и
литературы, вторая пол. 1980-х гг.

Фото 6. Митинг посв. Дню Великой Октябрьской социалистической революции,
вторая пол. 1980-х гг.

Фото 8. Экспедиция на Елангаш, 2000 г.

Фото 9. Алтайско-Бельгийская экспедиция, 1995 г.

Фото 11. Экспедиция В. И. Соенова. с. Верх-Уймон, 2003 г.

Фото 10. Экспедиция «Алтай-Орхон» в Монголию. г. Улаангом, 2001 г.

Фото 12. Грот Белый камень. с. Усть-Кан, 2005 г.

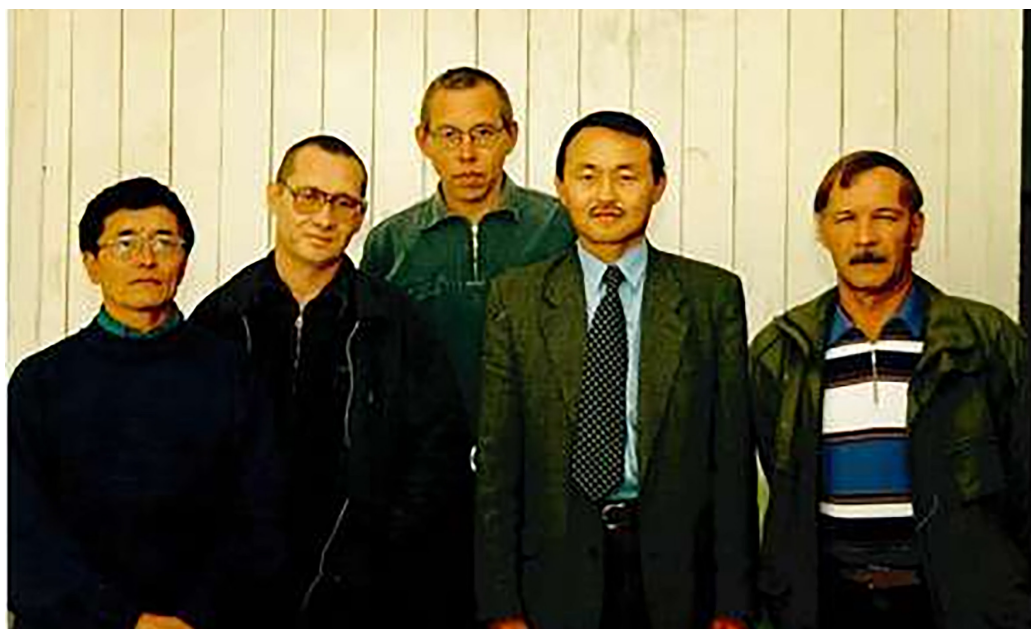

Фото 13. Сектор археологии НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова (слева направо: О. В. Майчиков, А. В. Эдоков, Л. М. Чевалков, В. И. Соенов, А. С. Суразаков), 2002 г.

Фото 14. А. С. Суразаков с коллегами (слева направо: В. И. Соенов, О. В. Майчиков, А. С. Суразаков, волонтер), 2003 г.

Фото 15. Делегация Республики Алтай в Бельгии. г. Брюссель (справа налево А. С. Суразаков, И. И. Белеков), 1995 г.

Фото 16. Выступление директора НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова Н. В. Екеева на открытии Научных чтений посв. 75-летию со дня рождения А. С. Суразакова, 2023 г.

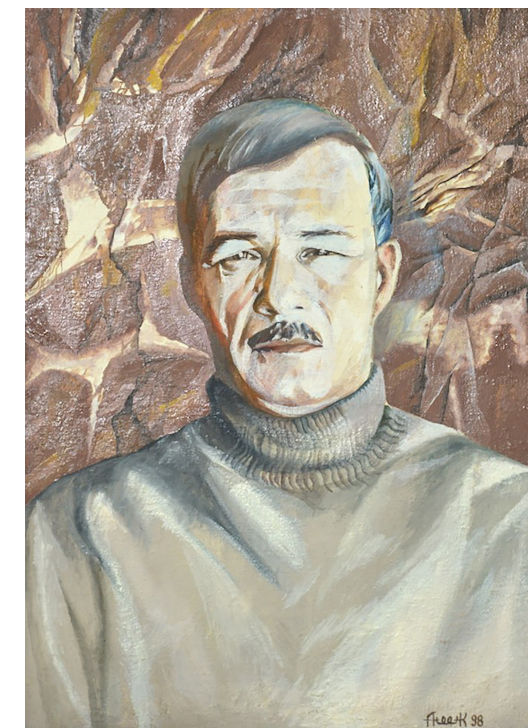
Фото 17. Выступление член Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, председатель Комитета Республики Алтай по делам ЮНЕСКО, Советник Главы Республики Алтай по международным отношениям и алтайскому языку И. И. Белекова на открытии Научных чтений посв. 75-летию со дня рождения А. С. Суразакова, 2023 г.

Фото 18. Выступление и.о. ректора Горно-Алтайского государственного университета Н. В. Гусельниковой на открытии Научных чтений посв. 75-летию со дня рождения А. С. Суразакова, 2023 г.

Фото 19. Участники Научных чтений «Научное наследие Александра Сазоновича Суразакова: История. Археология. Культура» (к 75-летию со дня рождения ученого), 2023 г.

Фото 20. Портрет археолога А. С. Суразакова. Автор Куладжи Алексей Каруевич, 1998 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ

Абысова Сурлай Владимировна, канд. филол. наук, и.о. рук. научной группы НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск.

Аксенова Любовь Николаевна, канд. пед. наук, доцент, кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета, г. Орехово-Зуево.

Анчина Сырга Валерьевна, мл. науч. сотр. НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск.

Аткунова Дарья Аркадьевна, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск.

Дворников Эдуард Павлович, канд. ист. наук, доц., кафедры истории и археологии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

Дедина Маргарита Сергеевна, канд. ист. наук, и.о. рук. группы литературы НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск.

Екеев Николай Васильевич, канд. ист. наук, директор НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск.

Енчинов Эркин Валериевич, канд. ист. наук, и.о. рук. группы этнографии НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск.

Ерленбаева Сынару Адучиновна, мл. науч. сотр. НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск.

Исхаков Дамир Мавляевевич, д-р ист. наук, глав. ред. Журнала «Туган жир. Родной край», член национального совета Всемирного Конгресса татар, г. Казань.

Каташев Максим Степанович, канд. ист. наук, вед. науч. сотр. НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск.

Киреев Сергей Михайлович, хранитель музейных предметов, ст. науч. сотр. Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина, г. Горно-Алтайск.

Кискидосова Татьяна Александровна, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории г. Абакан.

Мукаева Лариса Николаевна, канд. ист. наук, методист Национальной библиотеки Республики Алтай им. М. В. Чевалкова, г. Горно-Алтайск.

Тарбанакова Светлана Николаевна, канд. искусствоведения, независимый исследователь, г. Горно-Алтайск.

Торушев Эркем Геннадьевич, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск.

Трошкина Ирина Николаевна, канд. филос. наук, зав. сектором экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории г. Абакан.

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Тобольской комплексной научной станции УРО РАН, г. Тобольск.

Чертыкова Мария Дмитриевна, д-р филол. наук, вед. науч. сотр. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан.

Шастина Татьяна Петровна, канд. филол. наук, методист Национальной библиотеки Республики Алтай им. М. В. Чевалкова, г. Горно-Алтайск.

Эбель Александр Викторович, канд. ист. наук, доц., зав. кафедры истории и археологии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

Ямаева Елизавета Еркиновна, д-р ист. наук, независимый исследователь, г. Горно-Алтайск.

Сетевое электронное научное издание

Редакционная коллегия:
канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.),
канд. ист. наук Э. В. Енчинов,
канд. ист. наук М. С. Каташев,
канд. филол. наук М. С. Дедина

**«НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ АЛЕКСАНДРА САЗОНОВИЧА СУРАЗАКОВА:
ИСТОРИЯ. АРХЕОЛОГИЯ. КУЛЬТУРА»
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ
(К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)**

ISBN 978-5-6049688-2-6

ISBN 978-5-6049688-2-6

Компьютерная верстка Белеков Э. В.